ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА БЕССМЕРТЕН

НА ОГНЕННОМ БЕРЕГУ

НА ОГНЕННОМ БЕРЕГУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборнике рассказывается о боевых делах воинов 34-го стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии, 302-й стрелковой дивизии и 12-й батареи 1087-го (73-го гвардейского) зенитно-артиллерийского полка.

- НА ОГНЕННОМ БЕРЕГУ
  -
    - НАЧАЛОСЬ ЭТО ТАК
    - НА ВОЛНАХ ОГНЕННОЙ РЕКИ
    - ПЕРВЫЕ СХВАТКИ
    - КОГДА СТРАНА ПРИКАЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ…
    - И КИНОКАМЕРА «СТРЕЛЯЕТ»
    - БОЙ В ВОЗДУХЕ
    - НЕОЖИДАННОЕ
    - ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН
    - НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ
    - СЕВЕРНЕЕ МАМАЕВА КУРГАНА
    - НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ
    - ДЕСЯТКИ ЛЕТ СПУСТЯ
  - А. Х. Юхимчук, генерал-майор в отставке
    - ПЕРВЫЕ БОИ
    - НА РУБЕЖЕ САРПИНСКИХ ОЗЕР
    - В РАЙОНЕ САДОВОГО
    - ПРОРЫВ ВРАЖЕСКОЙ ОБОРОНЫ
    - ПРОТИВ ТАНКОВЫХ АРМАД
    - НАСТУПЛЕНИЕ
  - А. И. Погребная (Руденко), гвардии лейтенант в отставке
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

НА ОГНЕННОМ БЕРЕГУ
Сборник

НА ОГНЕННОМ БЕРЕГУ

ВОЛГОГРАД 1984

В. К. Коцаренко, полковник в отставке

ЗА КАЖДЫЙ ДОМ[1]

НАЧАЛОСЬ ЭТО ТАК

Район расположения нашего батальона представлял собой два островка, омываемых пересыхавшими рукавами Волги, на левой ее стороне. Здесь же, вокруг нас, по всему берегу реки в зарослях кустарника, между вербами располагались полки и отдельные подразделения 13-й гвардейской стрелковой дивизии, отведенные в тыл на переформирование после ожесточенных боев под Харьковом и на Дону. Наш отдельный пулеметный батальон создавался как самостоятельная боевая единица и временно был прикомандирован к дивизии.

В то время гвардейские звания присваивались, как правило, частям, которые отличились в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Нашему батальону это почетное наименование было присвоено при его создании. Очевидно, потому, что он предназначался для выполнения особо важного задания: усилить огневую мощь дивизии.

Этот, так сказать, «аванс» обязывал нас в самый кратчайший срок подготовить личный состав подразделений так, чтобы он по своим морально-боевым качествам, выносливости и стойкости в сражениях оправдал бы высокое звание.

Вскоре к нам начало поступать пополнение. Первая партия его состояла примерно из сорока младших командиров-сержантов. Все они были в новом обмундировании, в офицерских сапогах, еще пахнущих свежим хромом.

— Откуда прибыли, товарищи? — спросил я.

— Из пехотного военного училища, товарищ комиссар, — бойко ответил стоявший во главе колонны молодцеватый, худощавый сержант. — Хотели лейтенантов из нас подготовить, да, видно, обстановка не позволяет. Срочно присвоили сержантские звания — и вот сюда…

— Как ваша фамилия?

— Николай Родичев, товарищ комиссар.

В тот же день прибыла другая, более многочисленная команда солдат и сержантов. Встречал ее командир батальона майор Харитонов. Вечером я спросил у него, что за люди. Он ответил:

— Разные, и по возрасту, и по подготовке. Вот смотри, — он развернул список — Севчук, 1892 года рождения, руководитель колхоза, прямо с председательского кресла к нам. Стародубцев родился тоже в прошлом столетии, в 1894 году, участник гражданской войны, пулеметчик Чапаевской дивизии. Утверждает, что он даже стрелял из одного пулемета с

Василием Ивановичем, но после гражданской войны боевую подготовку не проходил… А вот Жандарбеков из Казахстана, ему 27 лет. Он прямо заявил, что не только не стрелял из пулемета, но и винтовки-то как следует не видел. А замполит-рука Мясников и пулеметчик Быстров уже нанюхались пороха — по два раза были ранены в этой войне.

— Что ж, комбат, будем обучать всех. Только нам нужно хорошо обдумать систему боевой подготовки.

— Я уже думал об этом. Необходимо сформировать расчеты так, чтобы в каждом из них были пожилые и молодые, опытные бойцы и новички. И с первого же дня больше уделять внимания изучению материальной части и стрельбе.

Так мы и сделали. Однако сразу же натолкнулись на непредвиденные препятствия: нам с трудом удалось получить на весь батальон шесть пулеметов, четыре противотанковых ружья, десятка полтора винтовок и несколько автоматов.

Подсчитав все это, Харитонов протяжно свистнул и проговорил:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Как хочешь, так и занимайся!

Трое суток, как говорится, не разгибая спины, сидели за составлением расписания занятий начальник штаба лейтенант Архипов и только что прибывший замкомбата капитан Плетухин. Наконец они доложили:

— Получается так, что все оружие будет занято и днем и ночью. Его придется передавать из расчета в расчет, как по конвейеру. Это сложно, но зато каждый взвод сможет изучать материальную часть не менее двух часов в сутки.

В этот же день к нам прибыл командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Герой Советского Союза Александр Ильич Родимцев. Комбат доложил:

— Личный состав батальона почти полностью укомплектован, а материальной части не хватает. Как и на чем учить людей — не знаю.

— На том, что есть. В бой посылать батальон с одним пулеметом немыслимо, а обучать можно. У вас шесть пулеметов…

Комбат заметно смутился и решил поправить свою ошибку:

— Мы тоже так думаем, товарищ гвардии генерал-майор. Вот составили план и график занятий.

Родимцев внимательно просмотрел наше «творчество» и, улыбнувшись уголками тонких губ, сказал:

— Отлично! С этого и нужно было начинать доклад. — И, возвратив план Харитонову, добавил — Желаю вам успеха!

В тот же день мы собрали командно-политический состав батальона и зачитали приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Читал сам Харитонов, читал не торопясь, стараясь, чтобы все слова, весь их смысл дошли до глубины души каждого присутствующего. Особо он выделил абзацы, где говорилось: «… Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину»; «Ни шагу назад!»; «…Пора кончить отступление». Закончив читать, он еще раз подчеркнул:

— Так-то, товарищи, назад ни шагу! А для того, чтобы выполнить эту задачу, мы должны ночью и днем изучать вверенную нам боевую технику, тактику боя и учить этому своих людей. Работать будем строго по плану. У меня все. Слово имеет комиссар.

Я сказал:

— Товарищи командиры, политработники! Приказ наркома обороны является, пожалуй, одним из самых суровых и в то же время необходимых документов в сложившейся для нашей Родины тяжелой обстановке. Враг рвется к Волге, к Сталинграду. Нам нужно во что бы то ни стало остановить и разбить его, очистить нашу землю от фашистской нечисти. А слова наркома «Ни шагу назад!» нужно понимать так: там, где нас поставят на фронте, мы должны стоять насмерть. Оставить позицию без приказа можно только в случае смертельного или тяжелого ранения. Других причин быть не может.

Нарком требует от командиров и политработников Красной Армии перестроить всю партийно-политическую работу, мобилизовать все силы и средства на разгром врага. Практически для нас это означает: не теряя ни минуты, настойчиво, упорно овладевать техникой, тактикой боя, учиться бить врага по-гвардейски. А для того, чтобы так бить, мы должны, в первую очередь, довести приказ наркома до сознания всего личного состава и вместе с этим добиться глубокой убежденности каждого бойца в том, что наше дело правое, что победа будет в конце концов за нами. Смерть немецким оккупантам!..

С этого часа приказ наркома № 227 стал законом жизни батальона. Все занятия — по тактике и топографии, стрельбе из пулеметов и противотанковых ружей— приближались максимально к боевой обстановке. Тем более, что для организации таких занятий нам не нужно было занимать опыта. Комбат Александр Данилович Харитонов, хотя и был молод, но, как говорится, не зелен. В Красную Армию он был призван в 1936 году, окончил военное училище и уже в 1939 году командиром взвода в составе 212-й воздушной бригады бил японских самураев на реке Халхин-Гол. За мужество был награжден орденом

Красного Знамени. В первый год Великой Отечественной войны, командуя ротой, защищал Киев, получил ранение и представлен ко второму ордену Красного Знамени. После излечения Харитонов командовал стрелковым батальоном 42-го стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии. Коммунист, он был человеком стойким, упорным в достижении цели.

Очевидно, учтя все это, ему в 23 года доверили командовать столь ответственным подразделением, каким был наш 102-й отдельный гвардейский пулеметный батальон.

За моими плечами тоже к этому времени были война с белофиннами в 1939–1940 годах и длинный боевой путь с первого дня Великой Отечественной войны. Он начался под Брестом и пролег почти в непрерывных оборонительных боях через Гомель, Киев, Харьков и донские степи.

Учитывая, что на формирование и боевую подготовку у нас будет мало времени, мы старались, чтобы бойцы освоили в первую очередь оружие и научились метко стрелять из него. Занятия проводили в открытом поле, стреляли на ходу и из окопов по движущимся и неподвижным целям. Учили разбирать и собирать станковый пулемет, автомат и противотанковое ружье, обращаться с гранатами и бутылками с горючей смесью.

Все это дало положительные результаты.

Как-то, проверяя 2-ю пулеметную роту, которой командовал старший лейтенант Мартынов, Харитонов заметил:

— Вот что значит война. Не прошло и двух недель, а рота стреляет отлично. В мирное время и при достатке техники таких результатов не добились бы за столь короткий срок.

24 августа в батальон пришла недобрая весть. Накануне немецко-фашистские войска в районе Вертячего на Дону бронетанковыми силами прорвали нашу линию фронта и, продвигаясь стремительно на восток, севернее Сталинграда подошли к Волге. С тех пор по ночам к нам стали доноситься приглушенные громы бомбовых разрывов. У наших гвардейцев с уст не сходили вопросы:

— Что будет дальше?

— Когда, наконец, мы погоним этого супостата на запад?

А солдат Бова заявил:

— Хватит нам расходовать боеприпасы по мишеням, нужно требовать, чтобы нас быстрее отправили на передовую.

Его поддержали другие гвардейцы.

Вскоре к нам приехал заместитель начальника политотдела дивизии гвардии старший батальонный комиссар Марченко. Он рассказал о тяжелых боях под Сталинградом.

— А почему наше командование не подтягивает туда новые

соединения? — выпалил комбат.

— Придет время — подтянут, — ответил Марченко. — А пока что соединения 62-й и 64-й армий ведут упорные бои между Доном и Волгой; стремясь отрезать вклинившиеся вражеские войска, на защиту города выступили рабочие сталинградских заводов, объединенные в ополченские отряды.

— Ополченские отряды? А что они могут сделать против такой силы, какую фронт не сумел удержать? — сказал кто-то сзади меня.

Присутствующие переглянулись и загомонили. Марченко поднял руку.

— Товарищи! Ополченские отряды — это, конечно, не регулярные войска, и вооружение у них слабее, но если учесть, что в сталинградском ополчении десятки тысяч рабочих и вооружены они не только винтовками и автоматами, то это немалая сила. К тому же в городе есть и войсковые части.

— А мы долго тут мариноваться будем? — спросил кто-то.

— Думаю, что недолго… Кстати, как у вас идет боевая подготовка? Какое настроение у людей? — обратился ко мне Марченко.

— Батальон хоть сейчас в бой готов. Только вот оружия мало. Неужели его нет?

— Почему же нет? — улыбнулся старший батальонный комиссар. — Теперь-то оружия как раз достаточно. Его уже выпускают не только старые заводы Урала, но и перебазированные в первые дни войны на восток. Но вы знаете, сколько сейчас формируется новых воинских частей? И все они оснащаются первоклассными танками, самолетами, артиллерией. Будет и у нас к сроку все, что положено.

…Во второй половине дня 10 сентября курьер штаба дивизии доставил очень важный приказ: нам предписывалось вместе с дивизией Родимцева передислоцироваться на новое место — в поселок у Волги.

Не успели мы познакомиться с приказом, как пришел транспорт. Он состоял всего из трех полуторатонных грузовых автомобилей.

Харитонов раскрыл карту, прокатил по ней колесиком курвиметра и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Ничего себе. От места расположения до этого волжского поселка ровно двести километров, и туда надо перебросить батальон на трех полуторках за двое суток, вернее, за две ночи. Днем-то нельзя двигаться вдоль фронта по открытой равнине. Но раз так — разглагольствовать некогда, надо отдать приказ и собираться.

Я тут же отправился в роты помочь политрукам организовать социалистические обязательства на поход, главным в которых было — не иметь ни одного отстающего и ни одной потертости ног. Были выпущены боевые листки, проведены беседы.

Вскоре подошел транспорт. Мы усадили в машины первую партию бойцов и отправили в путь. Остальные выступили пешком.

Отъехав километров за тридцать, бойцы высадились из машин и пошли пешком. Машины же повернули назад, забрали часть пешей колонны, увезли вперед. В течение ночи такая «челночная» операция повторялась несколько раз. А когда занялась утренняя заря, батальон прекратил движение, роты залегли у обочины дороги. Весь день нещадно палило солнце. Гвардейцы лежали, прижимаясь к земле, маскируясь, чтобы не было видно с воздуха. Прислушивались к громовым раскатам, доносившимся из-за Волги.

В таком же порядке батальон двигался и в следующую ночь. Рассвет застал нас у этого поселка, на его северной окраине. Здесь уже по-настоящему пахло войной: все бугры и овраги были изрыты щелями и траншеями, гулко стучали зенитки, а с аэродрома то и дело поднимались самолеты, спешившие на выполнение боевых заданий.

Послав донесение в политотдел дивизии о завершении марша, я направился в роты.

В одной из них в группе бойцов, сидевших под раскидистой вербой, услыхал, подходя, такой разговор:

— Станковый пулемет, братцы, — говорил сержант Стародубцев, — не только хорошо знать, но и всей душой любить надо. Это же такая сила!.. Вот когда я воевал с Василием Ивановичем Чапаевым под Уфой, бывало, навалится эскадрон белых казаков, а то и одни офицеры. Свистят, палят из винтовок и пистолетов, машут шашками. Смотришь на них, и волосы дыбом становятся. Возьмешь себя в руки, прицелишься, дашь по ним одну за другой очереди, потом пощупаешь кожух — выдерживает рука. Снова садишь. Смотришь, а там уже бить некого. Вот что такое пулемет!..

— Эх, ребята, видали бы, язви его в душу, сколько я этим «максимкой» положил фрицев в мае нонешнего года под Непокрытой на Донце, — поддержал Стародубцева сочный басок сибиряка Ивана Быстрова.

— Пехоту-то ты положил, а если танки? — отозвался тенорок.

— Ну и что? И у танков есть уязвимые места, — гудел все тот же басок. — Надо только не теряться и бить по их смотровым щелям. А подойдут ближе, лупи им в борт. Другой раз бортовая

броня пробивается, как сосновая доска. А у моего товарища один раз так вот что случилось… Громадный танк прет прямо на него. А он прилёг к пулемету да как дал по нему предлиннющую очередь. И что бы вы думали? Одна пуля попала прямо внутрь дула орудия и, видно, в тот самый момент, когда танкист загнал в него снаряд. Ну, а дальше что произошло, вы, поди, сами догадались. Снаряд разорвался, ствол орудия разлетелся вдрызг… Все это дело, скажу я вам, братцы, не хитрое. Главное, в бою нужно держать себя спокойно, и чтобы у тебя всегда пулемет был исправный… Только вот что меня беспокоит, ребята: пулеметов-то у нас нет. Неужто и в бой поведут батальон с шестью старыми пулеметами?..

Последние слова кольнули меня в сердце. Я всей душой понимал справедливую тревогу людей, но ничего не мог сказать им утешительного. Не только у нас в батальоне, но и в штабе дивизии никто не знал, получим ли мы, наконец, оружие или нет. Тяжело вздохнув, я медленно побрел своей дорогой. На пути меня встретил связной штаба.

— Товарищ комиссар, майор ждет вас в штабе, просит как можно быстрее подойти к нему.

— В штаб дивизии вызывают, — сообщил Харитонов.

Штаб дивизии находился в одной из школ того поселка. Там и состоялось важное совещание, на котором только что вернувшийся из управления Сталинградского фронта генерал Родимцев доложил:

— Боевая обстановка под Сталинградом с каждым днем, с каждым часом усложняется.

Войска фронта под натиском превосходящих сил противника отошли непосредственно к городу. Больше того, гитлеровцы прорвали оборону 62-й армии, и бои идут на улицах города. По данным фронтовой разведки, фашистское командование беспрерывно наращивает силы. Только за последнюю неделю оно перебросило сюда с Западного фронта 6 пехотных дивизий и до 500 танков. Наше командование срочно принимает контрмеры. Стоит вопрос о переброске в Сталинград нашей дивизии. Со вчерашнего дня она включена в состав 62-й армии, а 102-й отдельный пулеметный батальон придается дивизии. Как у вас с оружием, майор Харитонов?

— Пулеметов все еще нет, товарищ гвардии генерал-майор.

— Сегодня должно прибыть оружие, доукомплектуем, — твердо ответил Родимцев.

И, действительно, под вечер, когда мы с Харитоновым находились в роте противотанковых ружей, проверяя ее готовность к борьбе с танками, к нам прибежал Архипов и,

запыхавшись, выпалил:

— Пулеметы пришли!

Мы побежали к железнодорожному тупику. Там из одиноко стоявшего пульмана пулеметчики уже выгружали деревянные ящики. Не теряя ни минуты, мы сверили наличие груза с накладными, тут же на площадке разложили рядками новые, густо смазанные пушечным маслом станковые пулеметы, противотанковые ружья, автоматы. Собрали возле них батальон.

Я сказал короткую речь, предоставил слово комбату. От неожиданности он немного растерялся, но тут же подтянулся, начал:

— Товарищи! — его дрогнувший от волнения голос полетел над замершим строем и эхом отозвался далеко в роще. Майор, сделав небольшую паузу, продолжал — Славные гвардейцы! Друзья! Посмотрите туда, — он указал в сторону Сталинграда, который пылал единым костром на протяжении всех своих шестидесяти трех километров. — Наши отцы, матери, жены, дети ждут от нас победы. Оружие, что лежит сейчас перед нами, они сделали своими руками, не досыпая, не доедая, забывая про отдых. Они хотят, они требуют, чтобы мы вот этим самым оружием нанесли смерть фашистским захватчикам. Так поклянемся же, товарищи, в эту грозную минуту перед ними. Не посрамим своего оружия, как не срамили его русские воины никогда. Я целую этот пистолет и клянусь тебе, Родина-мать, все силы отдам делу разгрома ненавистного врага! И дойду до Берлина!

Последние слова комбата утонули в громовом солдатском «ура».

Начали раздавать боевое оружие.

Первым к пулеметам подвел свой расчет отличник боевой и политической подготовки комсомолец сержант Николай Родичев.

— Можно сказать несколько слов? — спросил он политрука роты Поленицу. И, получив разрешение, сержант опустился на колени.

— Родина, — сказал он, — во имя нашей победы я клянусь, что не расстанусь с пулеметом до тех пор, пока не настанет час окончательной победы над врагом. Я буду бить фашистов, пока глаза мои видят, пока сердце бьется, пока хоть один палец сможет нажимать на гашетку. Смерть немецким оккупантам!

Не успел Родичев закончить свою речь, как из рядов 3-й роты донеслось:

— Ни вода, ни огонь, ни сама смерть не будут мне преградой на пути к победе. Клянусь! — это говорил молодой коммунист, замполитрука Мясников.

Долго еще слышалось во всех ротах: «Клянусь!», «Клянемся тебе, Родина!». И тем ценнее были эти слова, что они говорились не по написанному, а вытекали из глубины души воинов. Увидев долгожданное оружие, гвардейцы, горя страстным желанием скорее сразиться с ненавистным врагом, произносили их как клятву.

Вручение оружия закончилось, когда на землю опустились густые сумерки.

Харитонов взглянул на свой хронометр.

— Через два часа пятнадцать минут — форсированный марш. За это время покурить, почистить оружие, приготовиться к маршу. Все, товарищи, — закончил комбат, и мы с ним отправились к кухне, чтобы подкрепиться. На пути из кустов донесся разговор и постукивание металла.

— Интересно, как идет чистка оружия в такой темноте? — сказал Харитонов и направился к одному из расчетов.

— Как тут у вас, не оказалось еще лишних деталей? — пошутил комбат.

— Что вы, товарищ гвардии майор, разбирать и собирать пулеметы мы теперь можем с завязанными глазами.

— Посмотрите, когда выпущен этот пулемет, — спросил я гвардейцев.

— А шут его знает, когда. На штампе даты нет, есть только год—1942. Названия завода тоже нет. Есть какой-то знак и больше ничего, товарищ комиссар. Да это и не имеет никакого значения для нас. Важно, что машинка что надо, — живо ответил один из бойцов и ласково погладил кожух пулемета.

— Это верно, — согласился я.

…В назначенный час батальон выдвинулся взводными колоннами, стал у обочины большака. По дороге с выключенными фарами шли автомашины, двигались артиллерия, обозы, пехота. Все спешили до рассвета попасть на переправу и там, у самой воды, в кустах, зарыться в песок, в землю так, чтобы при свете дня быть невидимыми для врага, а потом под покровом темноты переправиться на ту сторону реки.

Выждав какое-то время, наш батальон, словно маленький ручеек, влился в этот огромный людской поток.

— А ну, ребята, запевай! — крикнул командир 2-м роты старший лейтенант Мартынов. И батальон дружно грянул:

Вперед, гвардейцы, назад ни шагу.
Пред нами город и река,
Пусть нашу доблесть и отвагу
Народ запомнит на века…

Сухой, еще не остывший от дневного зноя воздух, смешанный с дорожной пылью, щекотал ноздри, сушил во рту. Но лицам солдат потекли ручейки пота, взмокли на плечах гимнастерки. Но батальон шел и шел вперед, на полыхавшее зарево. А когда едва порозовел восток, гвардейцы уже окапывались в оврагах на берегу Волги, километрах в трех севернее Красной Слободы. Отсюда было видно, как фашистские стервятники непрерывно атаковали город с воздуха и от бомб взрывались бензобаки на скате Мамаева кургана, рушились дома и заводские корпуса.

Утром мы с комбатом обошли батальон, осмотрели овраги. Один из них был узкий и глубокий. Увидев его, майор воскликнул:

— Смотри, Калиныч, это же настоящий тир! Как раз то, что нам надо для пристрелки оружия. — Он тут же вызвал командиров рот и оружейного мастера старшину Гуглю, приказал немедленно приступить к делу.

Раздался сигнал:

— Воздух!

Как порывом ветра, всех снесло в овраги и щели. Я на какое-то мгновение задержался на кромке впадины и, вскинув руку козырьком ко лбу, осмотрел мутное от дыма небо. С запада прямо на нас летели шесть «юнкерсов». Шли они низко, оглушительно ревя моторами.

— Какого черта ты торчишь там? Прыгай скорей сюда! — крикнул Харитонов.

Я юркнул к нему в узкую свежевырытую щель. Овраг наполнился трескотней наших пулеметов. Но вражеские бомбардировщики пронеслись над нами и сбросили несколько бомб в рощу, куда только что прибыла батарея артиллерийского полка дивизии.

Сбросив часть груза, самолеты набрали высоту и вновь стали пикировать на ту же батарею. И тут мы увидели, что воздушные пираты кинулись врассыпную, бросая бомбы куда попало.

«Что случилось?» — недоумевали мы.

Через несколько секунд все выяснилось.

С запада появились три «яка». Они стремительно бросились на «юнкерсов», от чего наши пулеметчики пришли в восторг, но не надолго. Сделав несколько выстрелов, два истребителя вдруг отделились, пошли на восток, а третий отбил от общей стаи одного бомбардировщика, устремился ему в лоб. Фашист, по-видимому, понял, что ему не миновать тарана, почти вертикально бросился вниз, но «ястребок» не отставал от гитлеровца. Не

стреляя, он наседал на врага сверху. С земли казалось, что истребитель уже взгромоздился «юнкерсу» на спину, и победа была очевидной. Но тут, ко всеобщему нашему огорчению, «як» вдруг отпрянул от бомбардировщика, взмыл вверх и ушел за своими товарищами.

— Тьфу, поди ты к черту! Мокрая карга, а не летчик. Упустил ведь фашиста… Ух, попадись ты мне под руку. Как бы я накостылял тебе за это, — с горькой досадой в голосе крикнул вслед истребителю молодой пулеметчик богатырского телосложения.

— Верно, за такой бой следовало бы ему дать, — отозвался бронебойщик, вылезая из щели.

— Да, надо бы накостылять, только не летчику, а тебе, — сказал замполитрука Мясников, вытряхивая землю из-за ворота.

— Мне? За что же? — удивился пулеметчик.

— Хотя бы за то, что ты тоже стрелял по самолетам и не сбил ни одного, и чтобы не болтал, чего не следует.

— А что не следует? — не сдавался гвардеец. — Фашист ведь улетел, факт.

— Ну, улетел, а ты видел, откуда шли наши истребители? Слышал, что они дали всего три-четыре коротких очереди? А больше-то у них и стрелять нечем было, да и в моторах, наверное, последние капли бензина догорали. А им еще до аэродрома тянуть надо. Понятно?

— Понятно… Только я к тому, что он ведь сидел на спине фашиста.

— Ну, сидел, а что из этого? Хотя, уж если говорить правду, то он вовсе и не сидел на нем. Это тебе так с земли показалось. Он, видно, хотел винтом рубануть его, да не удалось. Скажи спасибо, что не дали Гансам бросить бомбы на цель.

— Дак… — только и вымолвил смутившийся пулеметчик.

— Вот тебе и «дак». Разберись сначала, а потом каркай.

Овраг дрогнул от дружного хохота.

— Ладно, ты на меня не серчай, браток, это я ведь так, любя, преподал тебе урок воздушного боя. Я тоже в некотором роде летчик. В начале войны служил в БАО — есть такая часть, обслуживающая авиацию. Повоюешь с мое, тоже разбираться будешь. Давай лучше закурим махры, — и Мясников хлопнул пулеметчика по широкому плечу. Их плотным кольцом окружили гвардейцы, и седая дымка повисла над головами.

…Вечером к нам прибыл связной из штаба дивизии и вручил пакет. Ознакомившись с присланными бумагами, Харитонов чертыхнулся и передал их мне.

— Что такое?

— План форсирования.

— Ну и что же?

— Да ты прочитай сначала, а потом будешь спрашивать…

Планом предусматривалось начать переброску дивизии через Волгу в ночь на 15 сентября. Первым должен идти 1-й стрелковый батальон гвардии старшего лейтенанта Червякова с ротами автоматчиков и противотанковых ружей, а за ними и основные силы 42-го стрелкового полка. 34-й и 39-й полки предполагалось переправить 16-го.

Это-то и смущало комбата.

— Давай просить генерала включить нас в первый эшелон, — предложил он.

Я согласился.

Командира дивизии Родимцева мы отыскали на переправе. Он только что отправил головной отряд и следил за погрузкой 42-го полка. При всей своей занятости комдив выслушал нас и сказал:

— Во-первых, сделать это невозможно, так как первый эшелон уже на судах. А во-вторых, только завтра у командарма решится вопрос, как лучше использовать в боях ваш батальон — дать ли ему самостоятельный участок обороны или раскрепить по полкам. Я буду настаивать на том, чтобы не распылять батальон по полкам.

— И мы за это, — отозвался Харитонов.

— Вот и хорошо. Можете идти.

Мы отошли от переправы и стали наблюдать, как черные силуэты приземистых буксиров уводили в дымную темноту баржи, уходили рыбачьи моторные и весельные лодки, плоты с бойцами. Вслед за ними отбыли и два военных катера, на одном из которых находился Родимцев.

Какое-то время над рекой было спокойно, только из города доносился отдаленный грохот боя. А в черном небе мерцали бледные узкие нити прожекторов. Потом где-то за рекой вспыхнули огненные сполохи, и через несколько секунд засверкало, загрохотало по всей Волге.

— Обнаружили, гады. Бьют по нашим судам, это точно, — взволнованно произнес Харитонов.

А через несколько минут над Волгой появились вражеские самолеты. Пронзительно завыли сбрасываемые ими бомбы. На Волге то там, то здесь загорались костры. От них поднимались острые клинья дрожащего пламени.

Где-то рядом с нами «кашлянула» «катюша», и ее снаряды, оставляя огненные хвосты, с сухим скрипом пролетели над нами. По рощам и оврагам заговорили орудия армейской и

дивизионной артиллерии. А фашисты, словно и ждали того, чтобы в ответ накрыть наш берег своими снарядами.

Мы поспешили в батальон и всю ночь провели под этим страшным вражеским обстрелом, который только к рассвету начал утихать.

Однако на смену артиллерии с восходом солнца волна за волной пошли самолеты. Три раза они сбрасывали бомбы на наш батальон. Но обошлось без жертв.

НА ВОЛНАХ ОГНЕННОЙ РЕКИ

При тусклом свете карманного фонаря Харитонов еще раз изучающе осмотрел карту и бросил мимолетный взгляд на часы.

— Ну, батальонный, кажется, пришла пора нам поднимать людей и подтягивать к переправе.

— Пора, командир, — согласился я, проверив время.

Майор отдал распоряжение связным, и они исчезли в темноте.

Комбат сложил карту, сунул ее в планшетку. Но тут же снова вытащил, повертел в руках и опять спрятал.

— Волнуешься? — спросил я.

— Как тебе сказать? Немного. Не за себя, за людей. Не на парад идем, в бой…

— Будем надеяться, что все обойдется хорошо, — я ткнул его в бок пальцем. — Веселее гляди вперед, командир!

Спустя несколько минут вокруг послышался глухой топот, звяканье оружия, котелков. Подразделения, соблюдая заранее установленный распорядок, двинулись к переправе. Над Волгой стояла немая тишина. Не видно было ни единого огонька.

Но вот впереди раздался негромкий оклик:

— Стой! Кто идет?

Мы сообщили пропуск.

— Проходите!

У пристани на лодках, плотах и баржах копошились люди.

— Сюда, к этому трапу подводите людей, — приказал дежурный офицер.

По жиденькому мосту батальон поднялся на эстакаду. Вплотную к ней стоял рыбачий бот, на его палубе показался коренастый человек в фуражке с крабом.

— Капитан мотобота, — представился он и спросил:

— Много вас?

— Батальон, — ответил Харитонов.

— Хорошо. Грузитесь.

— Как ваша посудина, надежная? Выдержит?

— Вы, товарищ батальонный комиссар, вероятно, хотели спросить, исправен ли мой дрейфтер-бот? — ледяным голосом проговорил капитан.

Я понял, что допустил ошибку, и попытался исправиться.

— Извините, товарищ капитан, именно это я и хотел у вас спросить. Только вот совершенно забыл тип вашего судна (хотя слово «дрейфтер-бот» я до этого никогда не слыхал).

— За последние три дня судно имело две серьезные

пробоины. Но пока его штурвал в моих руках, вам беспокоиться нечего.

— Иначе и быть не может, — сказал я.

На том и кончились наши объяснения. (К сожалению, фамилия этого славного речника не сохранилась в моей памяти.)

Покачиваясь на волнах, бот начал оседать под тяжестью взошедших на него людей. Харитонов прошел на палубу, распорядился установить по два пулемета и одному противотанковому ружью на нос и борта. Рядом с ботиком тяжело ахнуло. Фонтан воды залил палубу, а на эстакаде раздались стоны. Фельдшер батальона Людмила Гумилина стремглав бросилась на помощь пострадавшему. Батальон продолжал грузиться.

Ботик наш оказался настолько мал, что на палубе и повернуться негде было. Капитан предложил занять пустующий трюм. Несколько человек спустились в него, но тут же возвратились.

— Нет, уж лучше быть в тесноте, да не в обиде. А то, в случае чего, из этого «ковчега» и выбраться не успеешь, — сказали они.

Услыхав это, капитан недовольно хмыкнул, взглянул на часы.

— Убрать трап! Отдать концы! — подал он команду.

Бот вздрогнул, медленно отошел от эстакады и поплыл в кильватера за другими судами. Вскоре в этой «эскадре» он оказался на самом левом фланге. А обстрел все усиливался. И капитан не преминул заметить:

— Имейте в виду, фланговому на воде всегда достается больше шишек.

Взрывы снарядов и мин потрясали воздух, освещая нас и вырывая из темноты белые буруны пены на черной воде. Но это были, оказывается, только цветики…

— Внимание! Подходим к огненным островам, — крикнул командир корабля.

Такими островами моряк назвал потоки горящей нефти, вырвавшейся на середину реки из разбитых бомбами нефтебаков.

— Полный! Полный! — кричал капитан, энергично поворачивая штурвал то влево, то вправо, стараясь обойти огненные зоны. А их становилось все больше и больше. Плыли они по реке то широкими длинными полосами, то, как огромный блин, кругами. Обойдя несколько пылающих островков, наше суденышко врезалось в самую широкую горящую полосу, на которую беспрерывно сыпались снаряды и бомбы, поднимая высокие столбы оранжево-белого огня.

Суровыми стали лица воинов. И тут кто-то крикнул:

— Глянь, что делается! Это же, черт возьми, настоящий

«страшный суд». Чего доброго, в кипящей смоле купаться будем.

На палубе воцарилась зловещая тишина, предвещавшая что-то недоброе. С секунды на секунду могла вспыхнуть паника. Но в этот критический момент раздался насмешливый голос Гугли:

— Що, злякався вже? А нащо ж ты писни спивав, що в води мы нэ утонэм и в огни мы нэ сгорым?

От этой шутки будто лопнула невидимая оболочка, удерживавшая напряжение людей, раздался смех.

— Полный, самый полный! — снова и снова подавал команду наш капитан.

Натужно ревел мотор, но скорость «ковчега» не прибавлялась. А за бортом, вихрясь и подпрыгивая, бесновалось разноцветное пламя. Трудно стало дышать, щекотало в носу и горле, рябило в глазах, шумело в голове. А снаряды все сыпались и сыпались, как из прорвы.

Несколько мин разом подняли вокруг нашего бота фонтаны горящей нефти и золотисто-огненным дождем обдали палубу. На многих гвардейцах задымились шинели, гимнастерки. Кто-то вскрикнул, видимо, от ожога, и тут над нами пролетел снаряд так низко, что больно кольнуло в ушах. От неожиданности я присел и, оглянувшись, увидел, что этот снаряд метрах в двадцати сзади нас попал в плот и разбил его в щепки. А ведь на нем находилось до взвода людей. Страшным было это зрелище.

Капитан снял фуражку, постоял так несколько секунд и, чтобы успокоить бойцов, сказал:

— Ребята, до берега теперь рукой подать.

Над моим ухом резко свистнула пуля, и длинная пулеметная очередь трассирующих пуль прочертила воздух.

— Да, это уже винтовки с берега бьют, — заметил Харитонов и, шутя, добавил: — А ты, Калиныч, меньше маячь, а то фашистские пули так и ищут комиссаров.

— Готовьтесь к высадке да поторапливайтесь! — предупредил капитан. — Мне до рассвета надо успеть отвести бот на тот берег и там укрыть его.

— А здесь вы не могли бы перебыть до следующей ночи? — участливо спросил я.

— Что вы, товарищ комиссар! Вы еще не знаете, что здесь днем делается в воздухе и на земле. Потопят гады в два счета. А этому ботику много еще надо перебросить сюда людей и разного груза с того берега…

Суденышко стало замедлять ход. Не успело оно бросить якорь, как в воду прыгнул командир взвода 2-й пулеметной роты лейтенант Маховик. За ним последовали бойцы его взвода, а там и весь батальон. Кто вплавь, кто вброд, поднимая над головой

оружие и боеприпасы, все спешили на берег, чтобы скорее укрыться под кручей от минометного огня.

Прощаясь с моряком, я поспешно обнял его сильные плечи, прыгнул за борт и крикнул:

— Ни пуха, ни пера тебе, морской волк!

Не знаю, слышал ли он это, потому что рядом с суденышком оглушительно грохнуло и взвихрило воду.

Батальон высадился севернее центральной городской пристани. Здесь, у самой воды, возвышалась отвесная круча, над которой проходила железная дорога. От этой дороги сразу начинался крутой подъем, откуда стреляли по нас гитлеровцы. Спуститься же к воде им не давала стрелковая рота 42-го гвардейского полка. Она занимала оборону вдоль железнодорожного полотна.

Взобравшись на кручу, Харитонов приказал командирам рот занять оборону по склону горы. Сам же, присев, стал выливать воду из сапог, приговаривая:

— Этак и Волга обмелеть может…

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ

— Разрешите, товарищ майор? Вас с комиссаром ожидает на берегу заместитель командира дивизии полковник Борисов, — сообщил Архипов.

— Хорошо, сейчас будем, — ответил Харитонов и торопливо стал натягивать на ноги мокрые сапоги.

Спустившись под обрыв и разыскав Борисова, комбат доложил ему о благополучной переправе батальона через Волгу.

Приняв рапорт, полковник спросил:

— Свет какой-нибудь найдется у вас?

— Конечно, — ответили мы и разом включили свои карманные фонарики.

— А теперь присаживайтесь на землю и разверните свои карты.

Мы зашуршали новенькими картами, расстилая их на песке.

— «Городская пристань», нашли?

— Нашли.

— Выше нее метров на восемьсот по течению Волги «Пивоваренный завод».

— Есть «Пивоваренный завод».

— Так вот, против него мы как раз и находимся сейчас, — сказал полковник и начал объяснять боевую обстановку.

Она была настолько сложной и путаной, что трудно было разобраться, где проходила наша передовая, а где немецкая. 1-й батальон 42-го стрелкового полка, который форсировал Волгу головным отрядом дивизии, дрался уже где-то в районе городского железнодорожного вокзала. 39-й полк сражался на Мамаевом кургане; другие части наступали в центре города и продвинулись на три-четыре квартала от берега реки.

— Ваш батальон придается 13-й гвардейской стрелковой дивизии, ставится на один из самых ответственных участков — на стыке со стрелковой бригадой 62-й армии. Какое из ее подразделений будет вашим соседом, уточните сами. Справа подразделения 42-го стрелкового полка нашей дивизии. Его 2-я стрелковая рота занимает оборону вдоль железной дороги — это от воды метров пятьдесят. Рота будет находиться в тылу вашего батальона. Ее основная задача не пропустить фашистов вдоль берега. За железнодорожной линией, на прибрежной возвышенности, фашисты. Они занимают здание Госбанка, пивоваренный завод и жилые многоэтажные дома севернее него. Задача батальона: выбить противника с пивзавода и трех многоэтажных домов, закрепиться. В дальнейшем прочно

удерживать левый фланг дивизии.

Поставив задачу, полковник обратил особое внимание на то, что фашисты обязательно попытаются вклиниться в стык дивизии и бригады, чтобы затем пройти вдоль берега, отрезать дивизию от реки.

— Все ясно, товарищ полковник, — заверил комбат и отдал распоряжение вызвать к себе командиров и политруков рот, поставил задачу и приказал создать штурмовые группы.

Получив направление и объекты, штурмовые группы приняли боевые порядки. Через несколько минут на склоне горы затарахтели автоматные выстрелы, загремели взрывы гранат, донесся глухой топот, какая-то возня. Кто-то громко крикнул: «Бей их, гадов, ребята!». Раздался хриплый стон, и тут же все утихло. Только изредка доносилась приглушенная команда: «Вперед, товарищи, вперед!» И снова отдаленный грохот сражения… Это штурмовые группы 1-й и 3-й пулеметных рот, сбив боевое охранение фашистов и преследуя их по пятам, вели бой в жилых домах.

Под стенами пивоваренного завода схватка развернулась по-иному. Здесь боевое охранение противника, не оказав никакого сопротивления, куда-то таинственно исчезло. Перебираясь от воронки к воронке, взвод лейтенанта Маховика подошел к стенам завода, из-за которых по крутой траектории поднялась белая ракета. В ее ярком свете Маховик успел сориентироваться: вправо от него громоздились жилые дома, влево тянулась высокая заводская стена. Вдоль нее расположилась часть бойцов, по которым фашисты били из пулеметов и автоматов. Другая часть пулеметчиков находилась на перекрестке улиц Набережной и другой, идущей от центра города к Волге.

При свете следующей ракеты лейтенант уточнил, где находятся заводские ворота, пробоины в стенах, направил туда удар своего взвода и подавил огневые точки противника. Однако как только пулеметчики поднялись и стали продвигаться, перед ними в черном проеме стены снова брызнули огневые струйки и свинцовый дождь забарабанил по земле. Сержант Ахметшин дал туда короткую очередь из автомата, и вражеский пулемет умолк. Тем временем сержант Андреев, бросив гранату в ворота, кинулся вперед, стреляя на ходу.

Часть бойцов его отделений проскочила в ворота, другая — в пролом стены. Завязался бой на заводском дворе.

— Иван Сидорович, ты оставайся здесь, а я поспешу к Маховику, — сказал Мартынов политруку Поленице и стал выбираться из воронки.

— Товарищ старший лейтенант, — вполголоса окликнул

Мартынова командир взвода Джаваго, — со стороны Госбанка, по оврагу, к Волге продвигаются немцы. Они, видно, хотят отрезать нас от реки.

— Положение меняется, Иван Сидорович. Теперь ты ползи к Маховику, а я буду здесь.

Поленица надвинул поглубже на голову каску и, взяв с собой пулеметный расчет, пополз к воротам. Мартынов же приказал Джаваге перехватить своим взводом овраг, отрезать гитлеровцев от Госбанка. Но, когда командир взвода выполнил этот приказ, произошло непредвиденное: от Госбанка подоспела еще одна группа вражеских солдат.

Овраг наполнился трескотней пулеметов, автоматов, взрывами гранат. В темноте Мартынов не видел, но по стрельбе определил, что фашисты окружают взвод Джаваги. Ротный поспешно доложил об этом комбату и приказал лейтенанту Коломойцеву подтянуть свой взвод к юго-восточному углу заводской стены, ударить по группе гитлеровцев, атакующих взвод Джаваги со стороны Госбанка. С территории завода поднялись, одна за другой, две белые ракеты и ярко осветили овраг.

— Ох, сколько же вас, гадов, тут накопилось! — удивился командир роты, увидев гитлеровцев в лощине.

Метрах в пятнадцати от себя он заметил трех ползущих немцев. Схватил гранату, хотел бросить в них, но гитлеровцы опередили его. За спиной Мартынова сверкнула молния, раздался оглушительный грохот, и что-то острое толкнуло его в плечо. Падая, он заметил, что граната все-таки взорвалась именно там, куда он намеревался ее бросить.

«Как же это получилось? Уж не бред ли?» — подумал он. Проверил. Граната в руках.

— Ты жив? — спросил его вернувшийся Поленица.

— А, это ты? Спасибо тебе, политрук! Вовремя подоспел и удачно бросил гранату.

Приказав бойцам вынести с поля боя командира роты, Поленица принял на себя командование.

Снизу, от Волги, донеслась ружейная и автоматная стрельба.

«Что это?» — подумал политрук, не зная, что первая группа автоматчиков, брошенная фашистами от Госбанка, по лощине пробралась к Волге и вела бой со стрелковой ротой 42-го полка.

Оценив обстановку, политрук приказал командиру взвода Коломойцеву перерезать овраг, а взводом Джаваги ударил по гитлеровцам, оказавшимся между стрелковой ротой и взводом Джаваги, и вскоре разгромил их. Затем пулеметчики стали теснить вторую группу фашистов к зданию Госбанка.

Огрызаясь, гитлеровцы поспешно отходили вверх по оврагу, к заводу, и там окапывались. К этому времени взвод Маховика освободил завод, вышел к его южной стене, накрыл гитлеровцев фланговым пулеметным огнем.

Оставляя убитых и раненых, враг откатился на старые позиции. И только несколько фашистов, засевших у обрыва овражка, все еще простреливали долину.

Наступал рассвет.

— Товарищ политрук, разрешите мне с моим расчетом пробраться к этим стрекачам? — обратился сержант Родичев к Поленице.

— Разрешаю.

Придерживаясь ближе к обрыву, четверо смельчаков устремились по дну оврага, заросшему корявым кустарником, навстречу смертельной опасности. Подползая к немцам, Родичев скомандовал:

— К бою!

Над оврагом грохнуло четыре взрыва гранат, раздались автоматные очереди, гвардейцы выскочили на гребень кручи. Здесь лежало несколько трупов. Остальные гитлеровцы, как призрачные тени, исчезли в темноте.

На холмике, похожем на могильник древних кочевников, сержант приказал окопаться. Но не успели бойцы взяться за лопаты, как из черных оконных проемов Госбанка блеснуло огнем и пули глухо застучали по курганчику. Ранило двух пулеметчиков, и здесь так кстати появился Поленица.

— Пулеметы сюда! — распорядился он.

Гвардейцы вытащили на курган два пулемета, открыли ответный огонь по Госбанку.

Под пулеметным и минометным огнем рыли ход сообщения, оборудовали огневую позицию на курганчике. В суматохе я не заметил, как рассвело. Харитонов восхищался:

— Смотри, комиссар, какое красивое утро встречает нас.

Из-за горизонта медленно поднимался кроваво-красный диск солнца, и его косые лучи золотой россыпью отражались на спокойной глади Волги.

— Хорошая примета, комбат. Она знаменует нашу победу.

— Я тоже так думаю, — согласился майор, всматриваясь в чистое небо. — А денек-то сегодня, насколько я понимаю, летным будет. Нужно полагать, что фрицы вот-вот начнут бомбить.

— Почему же «вот-вот», если они уже летят вон какой стаей? — заметил начальник штаба.

— Точно, черт их побери, торопятся, — подтвердил комбат.

— Воздух!.. Воздух!.. — раздалось по всей обороне.

С левого берега ударили зенитки. Дымчато-белые хлопья усеяли небо вокруг стаи «юнкерсов», которые уже гудели над нами.

— Пять… семнадцать… сорок два… шестьдесят семь… — считал самолеты с черными крестами связной Шарафутдинов.

Над Волгой вражеские бомбардировщики сделали крутой разворот. И тут же стали пикировать на нас. Мы поспешили в щели.

Гул моторов, завывание бомб и сирен, стрельба пулеметов и противотанковых ружей — все слилось в единый страшный грохот. Потом последовали один за другим оглушительные взрывы, качнулась земля, и бурый песчаник посыпался со стен окопов.

За первой волной бомбардировщиков шла вторая. И я невольно вспомнил слова речника: «Вы еще не знаете, что здесь делается днем».

— По щелям! — снова крикнул Харитонов.

На этот раз бомбовые взрывы прогремели где-то в стороне от нас.

— Кажется, пронесло! — выбираясь из щели, сказал Харитонов.

Мы последовали за ним. Над берегом висела густая серая пыль, и остро пахло сгоревшим тротилом.

— Установлена связь с ротами, товарищ комиссар. С вами хочет говорить политрук второй роты, — доложил связист и подал мне телефонную трубку.

— Товарищ «второй». Завод нами занят полностью, — докладывал Поленица — Подбросьте орехов и семечек, — так условно назывались гранаты и патроны. — Есть раненые.

Я сказал об этом Харитонову и предложил:

— Хорошо бы пройти туда сейчас.

— Конечно, надо бы там побывать, — быстро согласился он, — но как туда днем проберешься?

— Попробую, — решился я и спросил телефониста:

— Можно пройти сейчас во вторую роту?

— Трудно, товарищ комиссар, но если надо, проберемся. Есть задание?

— Меня проводить.

— Есть проводить вас! — бодро ответил боец.

И тут я услышал:

— Зачем он поведет? Со мной пойдем, товарищ комиссар. Я дорогу туда лучше знаю. Два раза уже там был, — ревниво отозвался связной Шарафутдинов, стоявший здесь же.

— А что же вы молчали? — спросил я, глядя в его почти

детское лицо, покрытое мелкими веснушками.

— Хотел сказать, да думал, ругать станете.

— Конечно, если без дела туда-сюда ползать будете.

— Зачем без дела, товарищ комиссар? Воду, письма таскал.

— А что, там воды нет?

— Какая там вода! Немец все пожег, поломал. Одну золу да куски кирпича оставил.

Шарафутдинов, увешанный флягами с водой, два солдата с боеприпасами и я поднялись на прибрежный косогор. Там связной огляделся, кивнул головой вправо, сказал:

— Туда надо ползти, — и легко скользнул в еще дымящуюся воронку. Мы поползли за ним.

Пробираясь от воронки к воронке по местам, где еще вчера располагались кварталы домов рабочих, мы натыкались на деревянные обломки, искореженный металл, обугленные трупы. То и дело пережидали налеты мин и снарядов. Наконец, Шарафутдинов перебежал к надежному прикрытию — к массивной стене дома. Весь мокрый от пота, он предложил:

— Давайте немножко отдохнем.

Мы присели. За стеной глухо «бубнил» пулемет. А со стороны пивоваренного завода доносились взрывы гранат и густая стрельба.

Наспех покурив, собрались продолжать свой путь. Но в этот момент вдоль стены пробежал порыв ветерка, и рядом с нами в кирпичах зашуршали, словно ожившие, страницы книг. Стали просматривать их. Под руку мне попались небольшой томик стихов А. Пушкина, роман «Как закалялась сталь» Н. Островского и другие интересные книги. Я прихватил их с собой.

Поползли дальше. Вскоре оказались в одном из домов. В нем были груды кирпича, железобетона, перемешанные с разбитыми диванами, столами и всем другим, что еще недавно называлось домашней обстановкой. Как со дна колодца, через пять этажей, голубым пятном виднелось небо. Всюду гулял ветер, громыхая сорванной кровлей.

В этом хаосе наши гвардейцы занимали огневые позиции, а рядом, за стеной, слышалась немецкая речь.

По завалам и узким закоулкам Шарафутдинов проводил нас в полутемное подвальное помещение. Там Мясников доложил мне:

— Второй взвод первой пулеметной роты отбил у врага дом и отражает атаку за атакой. Огнем станковых пулеметов и противотанковых ружей уничтожили до взвода вражеской пехоты. Настроение бодрое!..

Я крепко обнял замполитрука и поблагодарил воинов за мужество, беспримерную отвагу. Глаза бойцов радостно блестели.

Мы смотрели через оконный проем на улицу. Там над развалинами взвилась зеленая ракета, и тотчас же отозвался пулемет.

— Трусят, проклятые. Реагируют на малейший наш шорох, — пояснил Мясников.

— А мы тоже не спим, — вставил Быстров, лежавший у пулемета, и дал из него длинную очередь.

— То, что вы не спите, — это хорошо, но вам нужно подумать и об отдыхе, поспать поочередно, хотя бы по полчаса. Неизвестно, какая будет впереди ночь — посоветовал я гвардейцам и рассказал об успешных боевых действиях частей и подразделений дивизии.

Оставив часть боеприпасов и книг, мы отправились дальше. Территория пивоваренного завода предстала перед нами в сплошном огне, в котором догорали бочки, чаны, заводское оборудование. Где-то в глубине двора гремели бронебойки и станковые пулеметы.

Первый расчет, в который мы попали, размещался в нижнем этаже служебного заводского помещения, выходившего окнами на улицу.

— Как себя чувствуете, друзья? — спросил я бойцов после доклада командира взвода Маховика.

— Хорошо, товарищ комиссар. Отошли уже малость, а то кружились у всех головы от этого смрада.

— Как ведут себя немцы?

— Все еще не могут примириться с потерей завода, без конца штурмуют нас. Вот посмотрите, что здесь делалось, — посетовал лейтенант.

Я глянул в амбразуру. Прямо передо мной у самой стены, раскинув руки и выкатив большие, как у совы, желтые застывшие глаза, лежал фашистский ефрейтор. За ним на издолбленных снарядами и минами тротуаре и мостовой валялось десятка два трупов.

— Молодцы! Дали жару фрицам, — похвалил я гвардейцев и посоветовал лучше укрепить огневую точку.

Переходя от расчета к расчету, мы очутились у южной стены завода. Тут огонь каким-то чудом пощадил деревянный навес, под которым остались бочки и чаны гигантских размеров.

— Мы здесь, товарищ комиссар, — увидев меня, шепотом откликнулся политрук Поленица из-под крыши, где на помосте был установлен пулемет.

— Пулемет нужно перенести вниз, там лучше можно укрепить его кирпичом и бетоном.

— Это, товарищ комиссар, у нас маленькая хитрость: внизу

мы тоже оборудовали и укрепили пулеметное гнездо, но там свежая амбразура, и немцы ее уже обнаружили, обстреливают. А о том, что мы используем вентиляционное отверстие, они и не подозревают. Отсюда мы без надобности не стреляем, а внизу для видимости даем очереди. Вот, мол, где мы находимся, — пояснил мне командир расчета гвардии сержант Ахметшин.

Я посмотрел в вентиляционное окно. Сразу же за стеной виднелись разрушенные небольшие строения, а дальше, за ними, возвышались стены сгоревшего здания Госбанка. От Госбанка, вдоль южной стены пивоваренного завода, в сторону Волги шел овраг. В нем валялись трупы фашистов.

— Ну, навалили же вы их, — удивился я.

— Это работа взвода лейтенанта Коломойцева, — пояснил политрук.

— Молодцы! Так действуйте и впредь.

— Постараемся.

Поблагодарив бойцов и дав указания политруку, я отправился обратно. К штабу батальона добрались поздно вечером. Он располагался под крутым обрывом, в низенькой и узкой естественной пещере. Чтобы попасть вовнутрь, пришлось ползти на четвереньках.

В пещере при свете фонариков, лежа на животах, комбат и начальник штаба наносили на карту схему обороны батальона. Она была похожа на огромную букву «П» с пометками: двести метров по фронту и сто восемьдесят метров — в глубину, которую замыкала Волга.

КОГДА СТРАНА ПРИКАЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ…

Занимая оборону, мы не знали тогда, что на этом клочке священной земли батальону суждено в невероятно тяжелых условиях, прикрывая фланг дивизии, который с 22 сентября стал левым флангом 62-й армии, держать оборону в течение ста сорока долгих дней и ночей. Мы хорошо понимали, что отступать некуда, что именно здесь, на берегу Волги, решается судьба нашей Родины, что настало время, когда слова «победа» или «смерть» приобрели для каждого из нас особо глубокий и реальный смысл. С этого дня для нас перестали существовать понятия «отступать», «превосходящие силы противника». Их заменило другое: «Я должен уничтожить врага, сколько бы его ни было передо мной, до полной победы!» И мы уничтожали его. Все вместе и каждый в отдельности творили чудеса героизма и бесстрашия.

Фашисты никак не могли примириться с тем, что мы отбили у них несколько жилых домов и вышвырнули из пивоваренного завода. Стремясь во что бы то ни стало возвратить потерянные позиции, они на второй же день ранним утром перешли в контрнаступление. По всей нашей обороне внезапно загремела невиданной силы артиллерийская канонада, а в воздухе появилась огромная стая «юнкерсов».

У политрука Поленицы, прилегшего вздремнуть, как рукой сняло сонливость. Он бросился к юго-западному углу завода и, припав к амбразуре, осмотрел улицу. В квартале от него из-за разрушенного здания показались два вражеских танка, сопровождаемые автоматчиками. Слышны были хлопки наших противотанковых ружей. Со стороны Госбанка в овраге появилась пехота, по ней били наши пулеметы. Вскоре у самой стены завода стали рваться гранаты, взметнулись клубы огня и дыма от бутылок с горючей смесью, и вдруг в этот напряженный момент замолк один из пулеметов. Политрук поспешил туда.

— Что случилось? Почему не стреляете? — крикнул он бойцам.

— Вода в кожухе пулемета закипела, товарищ политрук, заменим ее и снова будем строчить, — ответил лейтенант Джавага, бросая связку гранат.

Поленица перебрался к расчету сержанта Ахметшина.

— Почему с перебоями стреляете?

— Патроны в ленты набивать некому, — доложил сержант.

— А где же ваши люди?

Ахметшин указал на дымящуюся воронку, вокруг которой

валялись клочья солдатской одежды…

— Держитесь крепче, я сейчас кого-нибудь пришлю к вам, — сказал политрук и скрылся за грудой кирпича.

В первом попавшемся расчете было два человека. Поленица, не останавливаясь, пополз дальше и наткнулся на солдата Севчука. Тот сидел, обхватив голову руками, упершись локтями в колени, и что-то бормотал.

— Что с вами? Ранены? Контужены?

— Нет, — мотнул головой Севчук, — лихорадка что-то трясет…

— Сейчас все пройдет, — сказал политрук, взяв под локти бойца, помогая ему подняться.

Севчук с трудом выпрямился и последовал за политруком.

— Вот, набивайте патроны в ленты, — приказал Поленица.

Красноармеец потянулся к патронам, но взять их не сумел — не разгибались пальцы.

— Смелее, смелее, вот так, — помог ему политрук.

Постепенно руки бойца обрели утерянную способность к работе. Севчук набил одну и вторую ленты.

— Ну вот, видите, как дело пошло, — подбодрил его Поленица.

— Пошло, черт возьми, пошло!.. И лихорадка исчезла, — воскликнул солдат.

Вечером политрук пришел в штаб и рассказал обо всем этом.

Возвратясь в роту, Поленица, он же политрук и временный командир, обошел расчеты, подвел итог боевого дня. В одном из взводов к нему обратился боец Насретдинов:

— Знаете, товарищ политрук, сегодня я мог бы дополнительно истребить не менее пяти-шести фашистов, если бы у меня была снайперская винтовка. Нельзя ли ее приобрести? Я же отличный охотник.

— Достанем такую винтовку, — пообещал политрук.

После того дня немцы не беспокоили нас целые сутки. Но зато 22 сентября они опять с утра, применив массированно авиацию, артиллерию и танки, по всей полосе обороны дивизии перешли в наступление. Особенно навалились на наш батальон. От сплошных взрывов бомб и снарядов содрогалась земля, колебался воздух.

— Смотрите, танками и артиллерией они будут бить по заводу, чтобы приковать там часть наших сил. В то же время пехота попытается прорваться к Волге, — предупредил Харитонов Поленицу.

— По всему видно, что так. Ну, да черт с ними. Пусть пытаются. Встретим их, как надо, по-гвардейски.

Положив телефонную трубку, Поленица припал к вентиляционному окну, пригляделся. От Госбанка по овражку к заводской стене ползли гитлеровцы. Вот они совсем близко.

— Огонь! — приказал политрук и метнул противотанковую гранату.

В это время у домов НКВД гремели взрывы — шла жаркая схватка наших петеэровцев с вражеским танком, который то вертелся на месте, стреляя во все стороны, то устремлялся вдоль улицы, прокладывая огнем путь своим автоматчикам.

Бронебойщик выждал удобный момент и бросил в танк бутылку с горючей смесью. Бутылка лопнула на лобовой части, и голубые языки огня потекли по броне. Танк окутался дымом. Спасаясь, танкисты поспешно открыли люк машины и стали выпрыгивать. Пулеметчики тут же срезали их огнем.

Бой усиливался с каждой минутой. Особенной силы он достиг южнее Госбанка и в районе городской пристани, над которой беспрерывно кружили стаи фашистских бомбардировщиков. По всему видно было, что противник наносит тут главный удар. Часам к двенадцати он подтянул в этот район новые силы танков и пехоты и, не распыляя их, ударил острым клином на пристань…

Во второй половине дня гул сражения стал перемещаться к Волге и вскоре утих. Прислушиваясь, комбат с горечью заметил:

— Кажется, сбылось предположение замком-дива. Фашисты вышли на берег, расчленили нас с бригадой. Теперь нужно ожидать еще большего натиска.

И действительно, через несколько минут на нас уже пикировало десятка три фашистских стервятников, появились новые группы пехоты и танков.

— Прошу подкрепления! — послышался в трубке голос Поленицы.

— Держись, дорогой, своими силами! В других ротах тоже не лучше, чем у тебя.

И тут я услышал доклад Харитонову запыхавшегося замкомбата капитана Плетухина:

— Товарищ майор, фрицы вдоль берега прорвали оборону стрелковой роты 39-го полка, сейчас будут на нашем командном пункте.

Мы выскочили из блиндажа. Взрывы гранат, выстрелы из пулеметов и автоматов гремели уже метрах в восьмидесяти от нас. Гитлеровцы шли вдоль берега.

Командный пункт 39-го полка, который только что перешел сюда с Мамаева кургана и сменил 42-й стрелковый полк, располагался в длинном тоннеле, вырытом в горе ниже нашего

КП метрах в двадцати. Командир полка майор Долгов собрал штабных работников и всех, кто находился поблизости, занял оборону.

— К пулеметам! — крикнул Харитонов.

Плетухин и Гугля здесь же, у блиндажа, открыли огонь из пулеметов. Писарь штаба Павел Гусев и фельдшер батальона Людмила Гумилина, припав к земле, палили из винтовок. Мы с Харитоновым стали бросать гранаты.

Фашисты залегли, начали торопливо окапываться.

— В атаку! — крикнул Долгов, и гвардейцы бросились на врага.

Оставляя убитых, гитлеровцы поспешно отошли за овражек, окопались.

В последующие два дня фашисты стягивали силы в район пристани и центр города. И не беспокоили нас ни пехотой, ни танками. Зато авиация и артиллерия с утра до ночи обстреливали и бомбили наши позиции так, что небу было жарко. Но и это уже считалось какой-то передышкой. Пользуясь ею, мы решили побывать в ротах. Харитонов отправился на пивзавод, я — в расположение 1-й роты. Мы обошли расчеты, отдельные огневые точки. Скрытно от вражеских глаз всюду кипела тяжелая фронтовая работа. Обливаясь потом, воины углубляли окопы, укрепляли огневые точки кирпичом, железобетонными глыбами, ставили мины, запасались водой для пулеметов и питья.

На углу одного из домов НКВД я встретил Джевагу.

— Ложитесь! — крикнул он.

Я упал, и вовремя. Несколько пуль свистнули надо мной, цокнули о кирпичи.

— Спасибо тебе, лейтенант, убил бы проклятый фриц, — сказал я, поднимаясь, и тут же почувствовал, что, падая, ушиб сильно бок.

— К политруку, наверное? — спросил Джевага. — Идемте, провожу. Как раз иду туда. Он вместе с командиром роты вон в том подвальном помещении.

— Как на вашем участке ведут себя фашисты?

— Притихли, видно, к штурму готовятся.

— А как с расчетом, который отрезан от вас? Установлена связь?

— Пока нет. Вечером начнем рыть туда траншею.

Тем временем мы подошли к подъезду и спустились в полуподвал. В нем было тихо и уютно. Прежде здесь располагалась канцелярия какого-то домоуправления. Теперь это помещение заняла наша 1-я пулеметная рота под командный пункт.

На столе, рядом с телефонным аппаратом, тихо шумел тульский самовар, вокруг него сидели бойцы и командиры.

— Проводим совещание партгруппы и комсомольского актива роты. Обсуждаем передовую роль коммунистов и комсомольцев в боях. Поступило три заявления с просьбой принять в партию, — доложил политрук роты и, вытащив из планшетки клочки бумаги, исписанные карандашом, подал мне.

«…В эти тяжелые для нашей Родины дни прошу принять меня в партию большевиков. Обязуюсь быть правдивым, честным и до последнего своего дыхания мужественно и стойко защищать нашу социалистическую родину. Бить фашистов до полной победы, а если погибну, тогда прошу считать меня коммунистом».

Я прочел это вслух. Потом сказал?

— Так вот, товарищи, насчет передовой роли коммунистов и комсомольцев в бою. Наверное, она и заключается в том, о чем пишется в этих заявлениях: «Обязуюсь до последнего дыхания беспощадно бить фашистов, бить до полной победы». А бить так фашистов, это значит, не страшась самой смерти, подавать пример мужества и героизма. И это, товарищи, не новость. Это давно подтвержденная кровью и жизнями многих тысяч коммунистов и комсомольцев истина. Так было в гражданскую войну, так есть и сейчас, в жестокой битве с немецко-фашистскими захватчиками. Я уверен в том, что коммунисты, комсомольцы нашего батальона, как и всей Красной Армии, будут достойными продолжателями замечательных боевых традиций большевиков.

— Правильно, товарищ комиссар. И примером в этом будут большевики и комсомольцы нашей роты, — заверил политрук Черкашин. Потом попросил:

— Расскажите, товарищ комиссар, как воюют полки нашей дивизии.

— Хорошо дерутся. Есть чему поучиться, — ответил я и стал рассказывать о героических подвигах полка Долгова, который в ночь на 16 сентября переправился через Волгу и, несмотря на массированный налет авиации, ураганный огонь артиллерии и других видов оружия обороняющегося противника, с ходу сбил его с вершины Мамаева кургана, овладел баками.

6-я рота гвардии капитана комсомольца Николая Чуприна первой подошла к вершине кургана. Фашисты встретили ее шквальным пулеметным огнем. Красноармейцы залегли. И тогда, презирая смерть, Чуприн поднялся во весь рост, подал команду: «За Родину! Вперед, товарищи!» Как один, поднялись гвардейцы, и мощное русское «ура» загремело над курганом.

Стреляя на ходу и бросая гранаты, бойцы подавили опасные

огневые точки фашистов, ворвались в их траншеи. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошло все, чем только можно было бить врага.

В этот день пистолетом и гранатами Чуприн уничтожил двенадцать гитлеровцев и только было прицелился в тринадцатого, как рядом с ним щелкнул выстрел, и этот щелчок оказался последним звуком в его юношеской жизни. Лейтенант был убит.

Словно эстафету из рук Чуприна, принял на себя командование ротой командир 1-го взвода комсомолец гвардии лейтенант Николай Кузнецов. Рота продолжала громить фашистов. Николай шел впереди. В один из моментов, когда он миновал развилок траншеи, на него сзади навалился враг, сдавил горло. Глаза лейтенанта заволокло туманом. Но, к счастью, подоспел гвардии старший сержант Борщун. Прикладом винтовки он ударил фашиста по затылку.

Глубоко вздохнув два-три раза, Николай вновь пришел в себя и снова бросился в бой. Под руку ему попался фашистский ефрейтор. Николай всадил в него две пули из пистолета и устремился дальше. Глубокий ход сообщения привел его к крутому повороту. Здесь Кузнецов столкнулся лицом к лицу с дородным гитлеровским офицером. Впопыхах Николай забыл о стрельбе и занес руку с пистолетом над фашистом. Тот тоже почему-то не стрелял, а присел, сжался, как пружина, и, блеснув погонами и железным крестом перед носом Николая, выскользнул из траншеи. Николай выстрелил в удалявшегося врага и с досадой заметил, что не убил его, а только ранил. Уронив парабеллум, «крестоносец» продолжал бежать.

— Уйдет проклятый! — вслух выругался лейтенант и снова стал целиться.

— Плохо стреляете, товарищ лейтенант! Смотрите, как нужно их бить! — крикнул Борщун и, вскинув винтовку, выстрелил.

Гитлеровский офицер, словно приветствуя своего фюрера, выбросил одну руку вперед, а затем, как сноп, рухнул на землю.

Это был последний из фашистов, занимавших оборону в траншеях перед самой вершиной кургана. В это же время другие подразделения полка били захватчиков справа и слева. Вскоре на гребень высоты вышли поддерживающие полк танки и воины стрелковой дивизии, наступавшей от нас справа.

Это была большая победа. Однако, говоря военным языком, полк пока что выполнил только ближайшую задачу. Теперь ему предстояло осуществить последующую — овладеть самой верхушкой кургана, которую венчали два бака, представлявшие собою огромные железобетонные резервуары. В них закачивалась

когда-то вода и затем самотеком расходилась по трубам водопровода. Сейчас там засели гитлеровцы. Во что бы то ни стало врага надо было лишить этого преимущества.

Во второй половине дня, перегруппировав свои силы и пополнив боезапас, все наши части одновременно пошли в атаку. Роте Кузнецова снова достался самый трудный участок: она штурмовала бак, который теперь именовался правым. Здесь ей помогли артиллеристы Клебановского и полковая минометная рота старшего лейтенанта Карпушенко.

Через три часа ожесточенного боя полк захватил оба бака, полностью овладел вершиной Мамаева кургана. Таким образом, задача, поставленная перед ним командующим 62-й армией генералом В. И. Чуйковым, была выполнена.

Вечером в 6-ю роту прибыл командир 2-го батальона гвардии капитан Кирин. Кузнецов доложил:

— Рота занимает правый бак, размещает в нем свои огневые средства с учетом круговой обороны. В наличии осталось всего 18 человек, израсходованы почти все боеприпасы.

— Восемнадцать человек, говорите? Маловато. Впрочем, и в других ротах не лучше. Но на пополнение пока не надейтесь. А боеприпасы соберите здесь, на кургане. Наши войска, ранее штурмовавшие его, оставили их столько, что хватит на оборону двух таких вершин. И еще. Ваша рота находится в самом лучшем положении в полку. Этот бак — настоящая крепость. Он теперь основной опорный пункт всего нашего полка.

Всю ночь бойцы собирали боеприпасы, укрепляли огневые точки. А утром началось: появились вражеские бомбардировщики, завыли бомбы и сирены, вздрогнула и встала дыбом земля. Фашисты бомбили долго и дошли до того, что начали сбрасывать дырявые бочки. Падая, эти бочки так ревели, что все внутри холодело. Потом ударили орудия и минометы, поползли танки, а в складках горы, как муравьи, закопошилась пехота фашистов.

Правый бак был обнесен трехметровым железобетонным забором, за которым стояли домик, сарай, лежали штабеля труб и другие материалы. Через двадцать минут от начала штурма все это превратилось в груды кирпича, железобетона. Весь бак заполнился пылью и гарью. Стало трудно дышать.

Командир роты обошел бойцов. Все они на своих местах, готовы к отражению вражеских танков и пехоты.

Лейтенант стал осматривать свой пистолет. Оглушительно грохнула бомба. Взрывная волна подхватила его и швырнула в сторону.

Несколько секунд лейтенант лежал без сознания, а когда

пришел в себя, оглядел свое тело, удивился: «Ни одной царапины!» Но все оно ныло, и страшно гудело в голове. С большим трудом приподнялся и, качаясь из стороны в сторону, подошел к пробоине в стене. К баку приближались танки и пехота врага.

— Приготовить гранаты и бутылки, — приказал Кузнецов и пополз наперерез танкам. Одну за другой он бросил гранаты. Над одним танком появился сизый дымок и тут же вспыхнуло пламя.

Летели гранаты и в другие танки. Уже через несколько минут вокруг бака пылало четыре бронированные машины и валялось десятка полтора трупов гитлеровцев.

Весь день шел кровопролитный бой, не прекращался он и ночью. А утром гитлеровцы бросили на штурм вершины более десятка танков, до полка пехоты и снова стали бомбить с воздуха, обстреливать артиллерией.

Николай окинул взором свою оборону и посчитал бойцов. Теперь их было всего восемь.

Без слов его понял командир дивизиона 32-го артполка Герой Советского Союза коммунист гвардии капитан Иван Михайлович Быков, прибывший сюда вечером для ознакомления с обстановкой и корректированием огня.

— Не беспокойся, лейтенант, — сказал он. — Все будет хорошо. В случае чего вызовем огонь на себя.

Кузнецов хотел что-то ответить, но тут ухнул снаряд, и он упал. Падая, Николай почувствовал, как в легкие будто кипятком плеснуло. Задыхаясь, прохрипел:

— Вызывай, капитан! — и снова свалился.

Но не прошло и пяти минут, как он уже стал стрелять из станкового пулемета по осаждавшим бак гитлеровцам.

Дивизион Быкова находился за Волгой, но его снаряды метко сокрушали цели. Уже после второго залпа вокруг баков горело шесть танков, а по пехоте точно ложились 76-миллиметровые мины минометной роты Карнаушенко.

Первая атака фашистов была отбита.

— Перерыв, братцы! Осмотреть оружие, сменить воду в пулеметах, проверить наличие боезапасов, — объявил Кузнецов и, подойдя к Быкову, закурил. Не успел выкурить папиросу, как в небе снова послышался рокот моторов вражеских самолетов, а под склоном горы заурчали танки, показались боевые порядки пехоты.

— Приготовиться к бою! — подал команду ротный.

Закрыв полнеба, две-три минуты «юнкерсы» кружили над баками, словно пернатые хищники, высматривавшие дичь. Потом самолеты стали пикировать на баки и сбрасывать бомбы. Свист,

гром, вспышки огня!.. Дрогнула земля.

Гвардейцы приготовили гранаты. Капитан Быков схватил телефонную трубку.

— «Волга»! «Волга»! я «Утес», я «Утес»! Слышите, я «Утес»! Прошу беглый на себя! Бейте по правому баку! Слышите, бейте по правому баку!

— «Волга» вас поняла. Бить по правому баку!

Огонь был сильный. Потеряв еще четыре танка и до роты пехоты, фашисты отступили на исходные позиции.

Наступило затишье. Быкова отозвали на командный пункт 39-го полка.

После его ухода в этом гарнизоне осталось семь человек. Фашисты перегруппировались и вечером снова пошли в атаку. Всю ночь шел жестокий бой, но гвардейцы Кузнецова при поддержке дивизиона Быкова и минометной роты Карнаушенко выдержали и это испытание. Правда, осталось в живых всего трое. Тяжелораненые Кузнецов и Борщун были направлены в госпиталь.

19 сентября 39-й полк сдал свою оборону на вершине Мамаева кургана другой части. Сейчас он наш сосед.

Пользуясь передышкой, батальон продолжал совершенствовать свою оборону: бойцы углубляли окопы, огневые точки укрепляли железобетонными глыбами и кирпичом, минировали подходы к переднему краю, запасались боеприпасами.

Прошло два дня затишья, и враг с новой силой стал штурмовать оборону дивизии и батальона. На рассвете грянула артиллерия, появились танки и пехота. Запылали новые очаги пожаров, и свежий утренний ветерок погнал над руинами густые облака черного дыма. Как и в первый день, стало трудно дышать. Красноармейцы надели противогазы.

Бой развивался. В небе появилась армада гитлеровских бомбардировщиков. Пользуясь временным отсутствием наших истребителей, они свободно отыскивали себе цели и набрасывались на них, как хищники. Пикируя, снижались так низко, что, порою, сквозь стекло кабины с земли хорошо было видно лицо летчика.

Штаб дивизии в это время находился километрах в шести от нас, на правом фланге соединения. Но мы не ощущали этого расстояния, потому что то и дело раздавались звонки:

— Что там у вас? Как держитесь? Хватает ли боеприпасов? Зорче следите за врагом. Чаще докладывайте о положении на вашем участке, — говорил Родимцев.

Понимая, насколько ему важно было знать, что и где делается, старались докладывать не только о положении на

нашем участке, но и обо всем районе, который обозревали.

А бой становился все напряженнее. В половине дня Харитонов прислушался и сказал:

— А ты знаешь, Калиныч, правее нас бой, кажется, стал подвигаться ближе к Волге. Видно, немцы и впрямь решили столкнуть нас в реку. Наверное полки не выдерживают. И, как назло, до сих пор не появился ни один наш самолет: ни бомбардировщик, ни истребитель.

— Может, на других участках фронта они нужнее, чем здесь?

— Не думаю. Где же это они могут быть нужнее? — возразил Харитонов и, тяжело вздохнув, принялся звонить в роты.

Оттуда докладывали: из всех развалин, как тараканы из щелей, ползут немцы. Мы их бьем, а они все лезут и лезут. Быстро тают боеприпасы.

— Как можно больше доставить за ночь боеприпасов с левого берега, — выслушав, распорядился комбат.

В блиндаж кубарем вкатился запыхавшийся Шарафутдинов.

— Самолеты! Наши самолеты появились! — крикнул он.

Мы выскочили из блиндажа и увидели четыре И-16 и три «чайки». Приняв боевой строй, похожий на клубок пчелиного роя, они кружились над обороной дивизии. Вражеские бомбардировщики, подлетавшие к Сталинграду, увидев их, круто повернули на север и сбросили свой груз где-то за Мамаевым курганом. Спустя несколько минут появились «мессеры». Они тоже облетели этот странный строй на почтительном расстоянии и, не вступив в бой с нашими истребителями, улетели прочь.

Позже мы узнали, что в таком боевом порядке наши истребители были неуязвимы.

Двое суток днем и ночью шли кровопролитные бои в центре города. Потом гитлеровцы подтянули свежие силы танковых подразделений и пехоты, усилили артиллерийский и минометный огонь, к утру взяли перевес. Сражение стало разгораться еще сильнее. На всех улицах пылали танки.

Во второй половине дня бой достиг высшего накала и под вечер стал греметь уже не в центре города, а совсем близко к берегу Волги.

Быстро темнело. Однако бой ни на минуту не прекращался и ночью.

Утром гранаты и снаряды рвались уже на берегу. Я спустился по откосу горы к КП 39-го полка. Там меня встретил дежурный по штабу и проводил длинным узким тоннелем в отсек.

Командир полка майор Долгов, склонясь над столом, рассматривал оперативную карту. Заметив меня, он приветливо поздоровался и спросил:

— Ну, как? Вы еще держитесь?

— Пока держимся, товарищ майор.

— Это хорошо. А вот, смотрите, что в полках делается, — майор указал на карту. На ней, почти у самого берега Волги, тянулась извилистая красная черта, обозначающая передний край обороны дивизии. — Сплошные клинья. Некоторые подразделения моего полка дерутся уже на прибрежных обрывах. Вот только на правом фланге дивизии эта красная черта проходит от воды метров на триста-четыреста. А здесь? Здесь? — Долгов, тыкал карандашом в карту. — Фашисты простреливают насквозь всю глубину обороны не только из автоматов, но и из пистолетов. Ну что ж, будем драться до последнего и на этой полоске земли. И ни один из нас не прыгнет в воду, нс дождутся фрицы.

Используя обрывы, воронки, руины, гвардейцы дивизии закрепились на этой узенькой ленточке земли протяженностью до шести километров, а шириной в среднем около 150 метров. И сколько после этого ни бесновались фашисты, столкнуть нас в реку у них не хватило сил. Не удалось им, разбить нас и тогда, когда они перешли от тактики наступления по всему фронту к тактике вгрызания клиньями на отдельных участках.

Это была коварная тактика. Вечером 30 сентября нам докладывали из рот: «Стоит подозрительная тишина. Немцы не подают никаких признаков жизни».

— Значит, что-то готовят. Будьте на взводе! — предупредил майор.

Тревога была не напрасной. Когда время перевалило далеко за полночь, в стороне Мамаева кургана раздались частые автоматные очереди и взрывы гранат.

Комбат схватил телефонную трубку.

— «Ястреб»! «Ястреб»! Я «соловей», я «соловей». «Ястреб», отвечай! Я «соловей»… Вот, черт побери, пропал штаб дивизии. Не отвечает. А ну, попробую вызвать «орла».

Но и 34-й полк не отозвался. Комбат положил трубку. Тотчас же зазуммерил второй телефон. Говорил майор Долгов:

— Вы слышите, что делается на правом фланге?

— Слышим, только совершенно не знаем, что там происходит.

— На участке 34-го полка гитлеровцы прорвались к берегу, расчленились. Одна группа пошла на север, к штабу дивизии, другая идет к нам. 42-й полк попытался остановить ее, но ничего не вышло, не хватает сил. Нужно срочно сообща принимать меры, иначе они уничтожат нас по отдельности. Давайте с комиссаром быстро к Елину. Мы тоже туда отправляемся.

Штаб полковника Елина располагался в прибрежном склоне,

против дома НКВД, в надежной штольне, вырытой гвардейцами недалеко от нашего КП. Чтобы добраться до него, преодолевая впотьмах всякого рода препятствия, нам пришлось затратить минут пятнадцать. Все это время с берега доносились стрекот автоматов, тарахтение пулеметов, взрывы гранат, а у соляной пристани, будто обухом ударяя по пустой деревянной бочке, палили минометы. Все это, усиленное ночным эхом, грохотало над рекой.

Шли мы молча, потом комиссар 39-го полка старший батальонный комиссар О. И. Копушкин сказал:

— Кажется, фрицы сделали ход конем, зашли нам в тыл большой силой.

Разговор прервал строгий окрик:

— Стой, кто идет?

Долгов сообщил пароль, и мы вошли в темный длинный тоннель.

Елин сообщил:

— Противник усиленным батальоном прорвал оборону 34-го полка в районе оврага Крутого. На берегу разделился: одной группой продвигается на север к штабу дивизии, другой — идет к нам. На берегу у нас нет никаких подразделений. Снять же с передовой хотя бы несколько человек — немыслимо. Гитлеровцы, наверное, ждут этого, чтобы нанести удар с фронта. Выдвинутый заслон из минометной роты 2-го батальона и созданная мною группа из нескольких стрелков и штабных работников во главе с начальником штаба полка майором Цвигуном остановить продвижение врага не в силах. Нужны решительные совместные наши действия.

— Ясно, — сказал Долгов и, взяв телефонную трубку, отдал распоряжение дежурному по штабу своего полка собрать штабных работников и добавить к ним несколько автоматчиков, прибыть на Соляную пристань в распоряжение Цвигуна.

Харитонов также приказал Плетухину выделить два станковых пулемета с полными расчетами во главе со старшим лейтенантом Поляковым.

Сбор и переход наших пулеметчиков и бойцов 39-го полка к пристани занял минут двадцать.

Появился запыхавшийся Цвигун, с ходу доложил:

— Мы больше не в состоянии сдерживать натиск фашистов, а бойцов 39-го полка и пулеметного батальона все еще нет. Но даже если они и прибудут, нам не обойтись без мощного удара артиллерии. Фашисты прут, как очумелые. Неизвестно, сколько там их есть.

— Да-а, — протянул Елин, — где ж ее взять, эту артиллерию?

Артполк наш на той стороне Волги.

— Придется попросить огоньку оттуда, — предложил Долгов.

— Я уже думал об этом. Да, черт побери, цель-то находится в тылу нашей передовой менее чем в ста метрах. А штаб мой почти на одной линии с ней. Сейчас только-только светать начинает, к тому же висит этот проклятый туман. Не мудрено ударить и по своим.

— Все это верно, товарищ полковник. Но другого выхода нет, — настаивал на своем Долгов.

— Мы должны вызвать на себя артиллерию, — поддержал Долгова Цвигун.

В блиндаже воцарилась тишина. Еще отчетливее стала слышна стрельба, доносившаяся из-за Соляной пристани.

— Хорошо, вызываем, — согласился Елин и стал связываться с командиром артполка.

Связаться с ним оказалось не просто. Кабельную линию, проложенную вдоль берега к штабу дивизии, захватили гитлеровцы, а пока связывались окольным путем, обстановка на берегу еще больше осложнилась. Невзирая на отчаянное сопротивление группы Цвигуна и интенсивный огонь восьми минометов старшего лейтенанта Брика, фашисты значительно продвинулись и стали обстреливать пристань из автоматов. Больше того, несколько их автоматчиков, прижимаясь к воде, проскользнули на южную ее сторону, намереваясь захватить огневые позиции минометчиков, расположенные за железнодорожным полотном, под обрывом.

Между минометчиками и прорвавшейся к ним группой гитлеровцев стояли товарные вагоны. Вести огонь фашисты могли только поверх этих вагонов, по обрыву. И они такую стрельбу открыли.

В эту минуту Григорий Евдокимович Брик стоял на гребне обрыва и корректировал огонь минометчиков. Когда первые вражеские пули взвизгнули над его головой, он пригнулся и затем кубарем скатился вниз, к подножию обрыва.

У развалин небольшого дома суетились бойцы. Командир роты направился к ним. Неподалеку от него что-то шлепнулось и зашипело.

— Граната, — крикнули гвардейцы и скрылись за угол развалин. Командир роты кинулся туда же, но не успел; за его спиной раздался взрыв, и он почувствовал ожог на спине и ногах.

В горячке Григорий прыгнул в ближнюю воронку от снаряда и быстро осмотрел берег. Там виднелась огромная катушка — деревянный барабан с электрическим кабелем. Из-за него-то и была брошена граната. Теперь из-за барабана бил вражеский

ручной пулемет.

Чувствуя, как по телу текут ручейки крови, старший лейтенант собрался с силами и проскочил за угол дома к своим бойцам. Приказал сержанту Горячеву взять одного минометчика и гранатами забросать фашистов у барабана.

Сержант с бойцом поползли. По кювету вдоль железнодорожной насыпи они подобрались к барабану на бросок гранаты. Горячев нанес удар точно. Фашистский пулемет умолк. Затихли и тарахтевшие рядом с ним автоматы. Воодушевленный успехом, сержант приподнялся, чтобы бросить вторую гранату, но правее барабана, казалось, прямо из-под земли, вырвался огненный фонтанчик выстрела. Сержант вздрогнул и застыл с гранатой в руке. Тяжело ранило и бывшего с ним бойца.

Считая сопротивление подавленным, гитлеровцы, скопившиеся у реки, пошли в атаку. Для минометчиков наступила крайне опасная ситуация.

Два расчета попытались поставить прицелы минометов на предельно короткую дистанцию, чтобы ударить по атакующим, но тщетно: мины взорвались дальше на реке, не поразив ни одного врага. Тогда минометчики взялись за карабины, стали бросать гранаты. Но фашисты лезли напролом, непрерывно строча из автоматов.

Силы были неравные, и трудно сказать, чем бы могло это кончиться, если бы не большая сила воли и мужество старшего лейтенанта Брика. Превозмогая адскую боль во всем теле, Григорий под градом вражеских пуль проскочил к ближайшему миномету, сел на его опорную плиту, охватил ногами и руками ствол и потянул его на себя. Крикнул заряжающему:

— Бросай мину!

Боец недоуменно поглядел на командира роты. Такого в его практике еще не было, это категорически запрещалось инструкцией по ведению огня из минометов, так как мина могла поразить своих.

— Ну, что же ты стоишь?! Бросай, говорю! — еще раз приказал комроты.

Боец бросил мину в ствол и, холодея, стал глядеть, что будет.

Мина вылетела и разорвалась среди вражеских автоматчиков.

— Бросай! — снова приказал Брик.

Выпущенные таким образом еще несколько мин почти начисто выбили фашистов, пробравшихся на южную сторону Соляной пристани. Оставшиеся два или три гитлеровца попытались уйти обратно, но их уничтожила группа Цвигуна.

К этому времени на пристань прибыли наши пулеметчики и

бойцы 39-го полка. Получив такое подкрепление, майор Цвигун воспрянул духом. Он быстро скоординировал действия стрелков, пулеметчиков и минометчиков и яростно атаковал фашистов, прорвавшихся на берег Волги. Враг попятился, залег.

В это время связист сообщил, что майора вызывает по телефону командир полка.

Цвигун подбежал к аппарату.

— Слушаю вас, товарищ «первый».

— Как там у вас?

— Наши дела пошли веселее. Похоже, что фрицы дрогнули.

— Дрогнули, говорите? Это хорошо. Но вот что: гаубичный дивизион Клебановского готов ударить по берегу. Приостановите пока наступление и спрячьте людей в руины. Когда это сделаете, доложите мне. А минометная рота пусть пока усилит огонь.

Майор Цвигун быстро выполнил распоряжение командира полка. Артиллеристы дали плотный огневой налет. Загремело, загудело над берегом. Поднялась земля, полетели камни, кирпичи. Огненный шквал бушевал минут пятнадцать.

Как только прогремел последний взрыв, гвардейцы выскочили из укрытия. С криками «ура», бросая гранаты, стреляя из автоматов, кинулись на противника. Фашисты не оказывали никакого сопротивления. Да его и оказывать некому было: весь берег покрыли трупы в серо-зеленых мундирах. А оставшиеся в живых десятка два гитлеровцев, безумно выпучив глаза, топтались на одном месте, что-то кричали или бессвязно бормотали.

Однако чуть дальше от места артналета фашисты снова попытались организовать сопротивление, но это было уже похоже на лай избитой собаки, удиравшей от преследователя. Минометный огонь роты Брика и сводная группа майора Цвигуна неудержимо гнали гитлеровцев вдоль берега на север. В это же время штаб и политотдел дивизии, собрав своих людей и мелкие подразделения, теснили другую группу гитлеровцев вдоль берега на юг. В устье оврага Крутого остатки преследуемых фашистов соединились и, отстреливаясь, устремились по дну оврага к своим.

Что было дальше, поведал мне командир 7-й роты и 2-го батальона 34-го полка лейтенант Юрченко. Ночью, когда фашисты прорвались по оврагу Крутому, они оказались во вражеском тылу и заняли круговую оборону. А утром услышали приближающийся со стороны Волги бой. Послали разведку. Выяснив, что гитлеровцы отходят по оврагу Крутому, он снял часть бойцов с оборонительного рубежа и пошел на перехват.

Отступая по дну оврага, гитлеровцы гнали перед собой

несколько раненых красноармейцев. Среди них Юрченко узнал заместителя командира нашего 2-го батальона старшего лейтенанта Султанова. Юрченко прицелился и дал короткую очередь. Тащивший Султанова ефрейтор упал. Раненые красноармейцы залегли, позволив нашим пулеметчикам дружно ударить по гитлеровцам. Многие из врагов упали, остальные кинулись бежать обратно. Но от берега их прижали огнем другие наши бойцы. Гитлеровцы подняли руки.

Спустившись на дно оврага, Юрченко прошел месту, где располагался штаб батальона. Увидел страшную картину. Все было изрыто и опалено взрывами гранат, валялись вперемешку трупы фашистских и наших солдат. Тела убитых старшего политрука Ракчеева и старшего лейтенанта Локтионова (комиссара и командира 2-го батальона) были изуродованы. По всему было видно, что здесь произошла ожесточенная схватка.

Командир роты поднялся на блиндаж, снял пилотку, сказал дрогнувшим голосом:

— Товарищи, у нас нет времени для длинных речей. Скажу коротко. Безгранично жаль погибших товарищей. Они ушли навсегда от нас, отдав свои жизни за свободу и независимость Родины. Вечная им слава! Так поклянемся же, друзья, перед их телами, что мы отомстим за них фашистским извергам сполна!

— Клянемся! — раздалось в ответ.

Поднялось солнце, повысилась видимость, и гитлеровское командование, уже получившее, наверно, к этому времени донесение о результатах ночной вылазки, открыло ураганный огонь по всей обороне нашего полка. Мы думали, что вслед за этим последует атака, но ее не было. Видимо, фашисты за ночь выбились из сил и весь этот день в атаку не поднимались.

О целях ночной вылазки фашистов рассказал плененный нами сержант. Их особый десантный батальон только на днях прибыл в Сталинград. Им сказали, что дела идут хорошо, что в центре города почти уже нет русских войск. Они разбиты и только какие-то остатки держатся на обрывах вдоль берега реки. Надо очистить от них берег, и Сталинград будет полностью в немецких руках. Эта почетная задача и поручается их особому десантному. батальону. Они должны прорваться по оврагу на берег реки, уничтожить штабы, а потом, получив подкрепление, ударить с тыла по русским на переднем крае.

Слова этого сержанта подтвердила одна находка на поле боя. Старший лейтенант Брик, обходя южную часть пристани, обнаружил у барабана с электрокабелем несколько фашистских трупов и на одном из них медаль «За взятие острова Кипр».

— Долетались фашистские птички! — зло сказал Брик и

вдруг почувствовал, как у самого в глазах поплыли красные круги, подкосились ноги. Он приник к барабану. Минометчики подхватили своего командира и понесли в полковой медпункт.

— С чем пожаловали? — спросил их врач.

— Командира принесли, ранен он еще ночью, — пояснил один из бойцов.

— Ну и ну, — удивился хирург, осмотрев тело Брика. — Да он же весь как решето. Почему сразу не отправили в медсанбат?

— Некогда, некогда!.. Немедленно на операционный стол.

Долго врач ковырялся в теле Брика. Он навытаскивал, пожалуй, половину тарелки мелких осколков.

После этого боя гитлеровское командование разработало другой план разгрома нашей дивизии. Оно бросило на узкую полоску земли мощную боевую технику. Особенно свирепствовали артиллерия и авиация. Как после нам стало известно, эта ленточка земли была объявлена адом, из которого живым никто из нас не должен выйти.

О подробностях этого коварного плана я случайно узнал только в 1945 году.

Это было в Венгрии. Я должен был лететь в Бухарест. Аэродром находился недалеко от города Мишкольц. Приехал туда за полчаса до вылета. Зашел в штаб авиачасти. В помещении было тепло. Я разделся и заметил, что румынский летчик в звании капитана проявляет ко мне видимый интерес.

— Хотите что-то спросить? — обратился я к нему.

— Да, разрешите поближе рассмотреть ваши награды?

— Пожалуйста.

Одну из медалей румын взял в руку, вслух прочитал: «За оборону Сталинграда». Потом резко опустил ее и пристально посмотрел мне в лицо.

— Вы воевали в Сталинграде?

— Воевал. А что?

— Да так, ничего, просто уточнил.

— Нет, не так просто, — сказал я. — Видимо, вы тоже там воевали.

— Воевал, — признался капитан-румын. Он хорошо говорил по-русски.

— Интересно, — бросил я.

— Какой тут интерес? В то время, как вам известно, королевская Румыния была союзницей гитлеровской Германии.

— И вы, конечно, бомбили нас в Сталинграде, — перебил я румынского летчика.

Капитан замялся:

— Приходилось.

— А теперь?

— А теперь… с большим удовольствием бомбим гитлеровцев. Вот посмотрите, — он вытащил из планшетки одиннадцать фотографий автоматической съемки бомбежки и с гордостью сказал — Один раз только промазал.

— Вы и нас так же метко бомбили?

Капитан помолчал. Потом взял лист бумаги, начертил Волгу, два острова на ней и обозначил Мамаев курган.

— Где вы здесь находились? — задал он мне контрвопрос.

Поскольку разговор шел о прошлых событиях, не имевших уже никакого секретного значения, я сказал:

— Вот здесь.

— Боже мой, так это же дивизия Родимцева! — воскликнул капитан.

— Совершенно верно.

— Вот это да!.. — протянул удивленно. — Но будьте откровенны, скажите, сколько дней вы воевали в Сталинграде?

— Как сколько дней?.. С начала и до конца обороны города. А если точнее, то с 14 сентября 1942 года по 2 февраля 1943 года.

— Поразительно! — воскликнул румын. — Не верю.

— Почему не верите?

— Разрешите задать вам один вопрос, — не отвечая, попросил капитан. — Сколько ваших дивизий под номером 13-я гвардейская прошло на этом участке за время обороны города?

Я с недоумением посмотрел на собеседника.

— Извините, капитан. Это неслыханная глупость или шутка? Вы, как военный человек, должны знать, что во всех армиях мира испокон веков один и тот же номер присваивается только одной воинской части. С гибелью части исчезает и ее номер.

— Вы правы, — ответил румын. — Но гитлеровское командование убеждало нас, что на участке от Мамаева кургана до пивоваренного завода ими было истреблено три ваших дивизии под номером 13-й гвардейской и убито, по крайней мере, два генерала под фамилией Родимцева.

Я рассмеялся.

— Простите, капитан, но по поводу такого вымысла у нас говорят — «бред сивой кобылы». Со всей ответственностью советского офицера скажу вам, что за весь период обороны города, кроме нашей дивизии, никакой другой части под этим же номером не было.

— Хорошо, — не сдавался капитан, — я-то точно знаю, что на обороняемом вами клочке земли любое живое существо, в том числе и человек, могло продержаться не более двух суток. Как же вы остались невредимы?

— Почему мы должны были продержаться не более двух суток?

— Поясню. Занимаемая вами территория не превышала двух квадратных километров. Она была разбита на клетки таким образом, что от взрыва одной бомбы на ней все разрушалось и уничтожалось дотла. Клетки были пронумерованы и строго закреплены за летчиками. Налеты мы совершали большими группами, и чтобы в точности знать, куда попала чья бомба, сбрасывали их только с двух или трех самолетов. Зато сирены включали все. Если кто не попадал в свой квадрат в первый заход, делал второй и третий. Бомбили на следующий день. Бомбили до тех пор, пока, наконец, каждый летчик разрушал свою цель. Массовое же включение сирен, имитирующих звук падающих бомб, должно было воздействовать на психику ваших солдат. В промежутках между налетами авиации била тяжелая артиллерия, шли в атаку танки и пехота.

— Это верно. В те дни на всем участке обороны нашей дивизии трудно было найти хоть квадратный метр земли, заново не вспаханный бомбами или снарядами в течение двух суток, — подтвердил я.

Тут вошел дежурный по аэродрому и пригласил меня на посадку в самолет. Так для капитана-румына и осталась нераскрытой тайна, как мы выдержали ад бомбежки и остались невредимы. А секрет нашего спасения заключался в прибрежной круче. В ней рыли длинные, порой до 15–18 метров, тоннели для штабов и служб частей, строили надежные блиндажи. Во время налета вражеской авиации или артобстрела в этих сооружениях скрывалось все, что находилось на берегу. Передовую же гитлеровцы почти не бомбили из-за опасения поразить своих: позиции находились слишком близко друг от друга.

В условиях уличных боев в Сталинграде нейтральной полосы, как таковой, не было. В одном месте мы вклинивались в их оборону, в другом— они в нашу. Бывало, и в одном доме находились, занимая разные этажи и комнаты.

К началу октября наш пулеметный батальон был потрепан настолько, что во 2-й роте на весь пивоваренный завод осталось всего три бойца, два станковых пулемета и одно противотанковое ружье. Немцы не могли не заметить этого. И вот в один из погожих дней они установили квартала за полтора от завода орудие, стали бить из него по амбразурам огневого гнезда, где стояли пулемет и противотанковое ружье. Выпустив несколько снарядов, но не сделав ни одного прямого попадания в амбразуры, гитлеровцы прекратили стрельбу. Но через несколько минут у стены завода зарычал танк.

— Гляди! Откуда он взялся? — сказал пулеметчик Черный пэтээровцу Нагирному, указав на машину с черным крестом на борту. — Ты бей его по гусеницам, а я попробую ослепить смотровые щели.

Не успел пулеметчик закончить последнего слова, как орудие танка плеснуло огнем. Дрогнула стена, и амбразуру заволокло густой пылью.

Танк бил в упор. Несколькими снарядами он разбил межоконные простенки, подрезал стену нижнего этажа. Еще выстрел — и все затрещало, качнулось, и в огневой ячейке стало совсем темно. От неожиданности Черный вскочил на ноги, но больно ушибся головой о плиту потолочного перекрытия, осевшую на кучи кирпичей, приготовленных гвардейцами для укрепления своей позиции. Нагирный на ощупь пополз к привычному узкому выходу, но тщетно — «выход был плотно завален.

— Ты жив? — спросил пэтээровец пулеметчика.

— Пока вроде жив. А тебя не помяло?

— Нет. Но я не пойму, что случилось…

— Похоже на то, что нас захлопнула злодейка-западня. Ползи сюда, давай вместе попытаемся. Может, сдвинем завал.

Черный на четвереньках подполз к товарищу. И они, упираясь спинами в пол, стали толкать завал ногами.

— Нет, брат, здесь, наверное, и трактору будет не под силу… — сказал пэтээровец, и бойцы утихли.

Сквозь завал к ним доносились говор и крики.

— Слышишь? Кажется, наши подоспели, — схватив за руку товарища, сказал пулеметчик.

— Откуда им взяться, нашим-то? Скорее немцы прут в пробоину.

Да, Черный не ошибся. Это фашисты с криком „русь, капут!“ бросились к образовавшейся бреши в стене.

Пулеметчик Ахметшин видел, как гитлеровцы беспрепятственно подбирались к заводу. Он выходил из себя, но ничего не мог сделать — амбразура не позволяла ему развернуть пулемет так, чтобы стрелять вдоль стены. „Что делать? Что?!“ — в отчаянии спрашивал себя сержант.

А Черный и Нагирный тем временем, отдышавшись от пыли, прислушивались.

— Точно, немцы проклятые, — сказал Нагирный, нащупал противотанковое ружье, с силой толкнул им в амбразуру.

— Смотри, кажется, поддается кирпич, — и он с еще большей силой навалился на ружье.

Нагромождение кирпича подвинулось, и через расщелину

брызнул голубой свет. Черный прилег к своей амбразуре и увидел прямо перед собой фашистов. Они были так близко к нему, что он успел разглядеть зрачки их глаз.

„Еще секунда, и они будут над нами“, — сообразил пулеметчик и нажал на гашетку. Глухо прострочила пулеметная очередь, и несколько гитлеровцев стали медленно сползать по кирпичам на мостовую. Остальные кинулись бежать. Но метко посланные Черным пули настигли их.

— Хорошо ты их угостил, — сказал Нагирный и своим выстрелом заклинил поворотную башню танка.

Машина сердито заревела, задним ходом покатила по улице и скрылась за поворотом.

К заводу подоспела группа гвардейцев, посланная нами на помощь храбрецам. Заняв оборону, пулеметчики принялись откапывать заваленных товарищей, зная, что сами они оттуда выбраться не смогут: стена железобетонная, а амбразура слишком узкая.

Больше суток работали солдаты. А когда дело подходило к концу, они позвонили мне. Я прибыл туда как раз в то время, когда поднимали с завала последний обломок железобетонной плиты. Оба красноармейца были бледными и совершенно обессиленными.

— Смотри, живы… — сказал кто-то из гвардейцев.

— А мы и не собирались умирать. Нас больше смерти беспокоило то, что мы израсходовали все боеприпасы и нам нечем было бить фрицев, — сказал Черный.

— Хватит с вас… И так вон сорок два трупа валяются, — ответили бойцы.

Такие черты мужества и самоотверженности были присущи не только гвардейцам пулеметного батальона и дивизии Родимцева. Они были свойственны всем защитникам Сталинграда.

Однажды, средь бела дня, возвращаясь с КП командира роты на огневую позицию, Мясников услыхал в одном из помещений подозрительную возню. Заглянул туда, а там фашисты хозяйничают. Незаметно пробравшись в помещение, они убили одного нашего пулеметчика, а другого, тяжело раненного, пытались утащить к себе вместе с пулеметом. „Не бывать этому!“ — подумал замполит и бросился на помощь товарищам.

В узком полутемном проходе Мясников столкнулся лицом к лицу с фашистским офицером и, опередив его на какую-то долю секунды, выстрелил ему в грудь из пистолета. Выхватив из сумки гранату, хотел бросить ее, но почувствовал, как что-то горячее пронзило его грудь. Он упал. Но, собрав все силы, приподнялся,

метнул гранату и снова свалился. Когда к нему возвратилось сознание, он заметил немецкий автомат, лежавший неподалеку. Дотянулся до него рукой и дал по фашистам очередь. Те оставили раненого гвардейца, пулемет и бросились врассыпную.

Когда прибежали свои, замполит лежал без сознания.

— Люда, Людочка! Быстрее сюда! — стали звать медсестру солдаты.

— Я тут, бегу, — где-то отозвалась Гумилина.

Но не успела девушка сделать и двух шагов, как над ней грохнула мина, обвалилась часть потолка. Все помещение заполнилось пылью. Раздался тяжелый стон.

— Все, нет больше нашей сестрички, — закричал Быстров и кинулся в густую пыль.

— Люда, Людочка, отзовись! Где ты?!

— Я здесь. Идите сюда.

Преодолевая завалы, Быстров, наконец, оказался рядом с Гумилиной. Она, присев на корточки, осматривала неловко лежавшего на кирпичах бойца.

— Помочь перенести?

— Нет, уже поздно, — сказала Людмила, глядя на мертвенно-бледное лицо солдата.

Снаружи что-то застучало. Быстров припал глазом к отверстию в стене. Метрах в десяти чернела свежая воронка. В нее, один за другим, как зеленые ящерицы, вползали немцы. Сибиряк отклонился от отверстия.

— Замполит тяжело ранен. Не теряй времени, Люда, беги к нему и передай ребятам, что здесь накапливаются немцы.

Снова забарабанило по стене. И в отверстие, в которое только что смотрел Быстров, свистнула пуля. „Нельзя больше в него смотреть. Надо искать другое место. Засекли, гады“, — сообразил Быстров.

По обвисшему потолку он быстро взобрался на второй этаж. Оттуда ему стала хорошо видна та же воронка. В ней притаилось более десятка гитлеровцев, готовящихся ворваться в дом. За воронкой, замаскировавшись в кирпичах, притаился офицер. „Вот же, негодяй! — в сердцах сплюнул Быстров. — Кого же из вас первым укокошить?“ На память ему пришли разные случаи из охоты в тайге. Там часто приходилось решать, какого зверя стрелять вначале, чтобы обезопасить себя. „Эх, была не была!“ — решился сибиряк и дал одиночный выстрел из автомата по офицеру и тут же бросил противотанковую гранату в воронку. Грохнул взрыв, веером полетели земля, камни. Фашистов разметало. Не шевелился и офицер. Но другие гитлеровцы обнаружили Быстрова и открыли по нему артиллерийский огонь.

Одновременно до взвода вражеской пехоты бросилось в атаку.

Несколько раз они подбирались вплотную к дому, но пулеметчик успевал бросить гранату, и они бежали прочь. Однако двум фашистам удалось подползти сторонкой к окну нижнего этажа. „Самый раз бросить бы в них гранату, — подумал Быстров, — да их у меня уже нет. Ничего, угощу вас из автомата“, — решил пулеметчик, но и в диске не оказалось патронов. — Ворвутся, гады, в дом, но этого не должно быть!» Боец огляделся вокруг, выхватил из стены глыбу кирпича, бросил ее на одного из фашистов. За этой глыбой полетела другая. Но второй гитлеровец успел отскочить в безопасное место и выпустить по гвардейцу автоматную очередь. Быстров упал.

Предупрежденные медсестрой, пулеметчики поспешили к Быстрову и нашли его на кромке стены, истекающего кровью. Оказали ему первую помощь, а вечером, под прикрытием темноты, доставили на берег, а оттуда, вместе с Мясниковым, отправили во фронтовой госпиталь. Когда от берега отчалил катер, Мясников, превозмогая боль, поднял вверх руку, крикнул:

— Ждите меня, товарищ комиссар, я скоро вернусь, и мы с вами дойдем до Берлина!

— Обязательно дойдем! Поправляйтесь! — поддержал я раненого замполитрука.

Проводив катер, я долго стоял в раздумье на берегу Волги. А потом поднялся на свой командный пункт.

— Комиссар, нам посылка, — встретил меня комбат, указывая на небольшой ящичек, опечатанный сургучом.

Я попытался взять посылку одной рукой, да не тут-то было. Ящичек оказался увесистым.

Мы распечатали посылку. В ней лежали сверкавшие свежей позолотой, гвардейские знаки.

— Как же мы их вручать будем? — озабоченно спросил майор. — Рекомендуют все это провести в торжественной обстановке.

— Сделаем проще простого… Вот так, — Я взял один из знаков и торжественно произнес — Товарищ гвардии майор, для принятия гвардейского знака стать «смирно»!

Комбат понял шутку, улыбнулся, вытянулся и опустил руки по швам. Поднялись начальник штаба, медсестра и писарь.

Тем временем я продолжал чеканить слова:

— За личную храбрость, за умелую организацию и руководство боем при наступлении и в обороне, за чуткое и внимательное отношение к подчиненным вам присвоено звание гвардейца. Командование и политотдел дивизии надеются, что вы и впредь будете так же геройски сражаться с врагом и не уроните

чести гвардейца, и уполномочили меня вручить вам гвардейский знак.

При этих словах я прикрепил знак к гимнастерке Харитонова, пожал ему руку.

— А знаешь, Калиныч, ей-богу, торжественно получилось, — признался комбат.

— Вот так мы и проведем это мероприятие. Только, вручая знаки новичкам, расскажем, за что нашей дивизии присвоено звание гвардейской. Словом, обойдемся без митингов…

Поужинав, мы прихватили с собой несколько пачек гвардейских знаков, разошлись по ротам. Харитонов ушел на пивзавод, я направился в жилой дом, а оттуда перебрался в бывший военторг — длинное двухэтажное здание, выходившее фасадом на площадь имени 9-го Января. Поначалу его занимали бойцы 42-го полка, а потом оно стало объектом обороны гвардейцев полка Долгова, которых мы и поддерживали. А когда боевая обстановка усложнилась настолько, что там, где в первые дни оборону держала рота, стали роскошью взвод, а то и отделение, все это здание стали оборонять только пулеметчики взвода Джеваги. Строение было уже сильно разбито. Верхний этаж полностью разрушен, а в стенах нижнего этажа зияли огромные пробоины.

Всякое появление кого-либо из командования батальона ночью на особо важных огневых точках вызывало у бойцов большую радость. Гвардейцы встретили меня, как говорят на Украине, «як ридного батька». И удивительно, когда я спросил, как идут дела? — никто не пожаловался ни на какие трудности, ни на какие лишения.

— Дела у нас одни, товарищ комиссар, фашисты лезут, а мы их бьем. Черт знает, какая бездна накоплена их здесь, — сказал один из бойцов.

— Пусть лезут. Всем хватит свинца. Больше перебьем, легче будет гнать их до Берлина, — добавил другой пулеметчик.

Вручив гвардейские знаки и сообщив последние фронтовые новости, я уже совсем было собрался в обратный путь. Но тут один из бойцов что-то шепнул на ухо сержанту Зуйкову, и тот, резко махнув рукой, сказал:

— Да что ты? Разве можно ему туда?

— О чем это вы? — поинтересовался я.

— Так, пустяки, товарищ комиссар.

— А все-таки?

— Да у нас тут есть еще одна точка, там два бойца. Но туда вам не пройти. Это как раз на середине площади. Может, оставите им знаки?

Я знал, что гитлеровцы днем и при помощи ракет ночью просматривают всю площадь и интенсивно обстреливают ее из пулеметов и минометов. Пройти туда действительно было трудно, но и не пойти означало навсегда потерять перед пулеметчиками свой боевой авторитет и уважение.

— А как вы пробираетесь туда?

— А мы добираемся туда по «кротовому» ходу. Это узенькая нора под землей. Пока преодолеваем ее, совсем задыхаемся, — ответил Зуйков.

«Интересно, что это за кротовая нора здесь?» — подумал я и решительно сказал:

— Полезем.

Осветив карманным фонариком подвальное помещение, я увидел в стене черную нишу, уходившую под тротуар. Зуйков вытянул перед собою руки, пригнулся и, словно нырнув, скрылся в этой черной дыре. Я последовал за ним.

Тоннель оказался не более 60 сантиметров в диаметре, и ползти в нем можно было только вытянувшись во всю длину тела.

Вскоре у меня пересохло во рту и защекотало в ноздрях, я чихнул.

— Будьте здоровы, — отозвался сержант и молча пополз дальше.

Я включил фонарик. Вся нора была наполнена рыжей пылью. Труднее стало дышать.

— Какая длина этой чертовой дыры?

— Больше тридцати метров, товарищ комиссар, — ответил Зуйков. — Что устали?

— Да нет, ничего. Доползем.

Кому и когда пришло в голову прорыть этот ход, об этом никто из нас не знал. Скорее всего, что это было какое-то незаконченное гражданское сооружение.

Пользовались мы им до той поры, пока немецкие танки не разрушили его.

Заканчивался тоннель круглой ямой. В ней едва могли развернуться два человека. Это и был наблюдательный пункт.

— Ну, как дела, гвардейцы? — задал я свой шаблонный вопрос.

— Отлично! — бодро ответил один из них.

— Ну, а фашисты?.. Где располагаются, как ведут себя?

— Они здесь, товарищ комиссар, вы их увидите, если чуть подниметесь.

Я, как сурок, высунул голову из норы. В небе сквозь тучи светила луна, чуть правее от меня виднелись дома, среди которых был и тот, что позже стал называться Домом сержанта Павлова.

Слева громоздились развалины каких-то зданий. В них находились враги. Они в любое время могли пустить на площадь танки, разрушить тоннель и отрезать наших наблюдателей.

Осмотрев все вокруг, я опустился в нору. Побеседовал с солдатами, вручил им гвардейские знаки. И надо было видеть, какой радостью озарились их лица, заблестели глаза. Мне подумалось: «Неплохо бы этим людям вместе с гвардейскими знаками вручить и боевые ордена».

К утру я благополучно возвратился на свой КП и вместе с комбатом провел день над составлением документов на представление большой группы воинов к правительственным наградам.

Вечером провели заседание партийного бюро непосредственно в одной из рот, на огневых позициях. На повестке дня был один вопрос — прием в партию испытанных в боях людей.

На заседании присутствовали члены дивизионной партийной комиссии и заместитель начальника политотдела дивизии Марченко. Они тут же утверждали решения партбюро и принятым в партию товарищам выдавали партийные билеты.

— Эта красная книжечка, — говорил потом Поленица, — придает гвардейцам особую энергию и мужество, обязывает быть более находчивыми, проявлять военную смекалку.

Политрук был прав. Часто после таких заседаний у многих пулеметчиков солдатская находчивость и изобретательность доходили до фантастики.

Особенно этим отличался маленький юркий солдат Вова, ласково прозванный товарищами «малышкой». Неутомимый выдумщик, он начинял порохом и взрывчаткой консервные банки, вставлял в них трубки, издававшие при горении пороха пронзительные звуки. А ночью, когда немцы отдыхали, он подползал к их обороне и вместе с гранатами бросал эти «консервы». Ходил на «охоту» Бова, как правило, один и всегда удачно заканчивал свои «операции».

Однажды он заметил в немецкой траншее миномет. Дождавшись ночи, проник в боевые порядки врага и метнул в минометный окоп гранату, забросал его своими знаменитыми банками. Стал наблюдать за поведением гитлеровцев.

— Взрыв гранаты, — рассказывал потом Вова товарищам, — взбудоражил немцев, но ни один из них не побежал. А когда они увидели банку, из которой струился дымок, один из них схватил ее и хотел выбросить из окопа. Вот тут-то и началось: банка в руках фрица сначала запела разными голосами, потом засвистела, заревела. Фашист растерялся, упал. В это время

засвистели и заревели другие такие же банки. А я подкинул им туда парочку «лимончиков». Тут фрицы и дали стрекача — только каски замелькали над бруствером вдоль траншеи. Ну а я, не зевай, Фомка, на то ярмарка, спрыгнул в окоп, схватил минометик да и был таков.

Любимцем батальона стал и Насретдинов. Получив обещанную снайперскую винтовку, он начал творить чудеса. В первый день Насретдинов много часов лежал не шелохнувшись в своем окопе, выслеживая врага. Но гитлеровец был опытнее его. Как ни старался молодой снайпер, но так и не смог понять до вечера, откуда стреляет враг. Вечером, досадуя на свою неудачу, Насретдинов решил во что бы то ни стало перехитрить немецкого снайпера.

Всю ночь он был занят приготовлениями. К рассвету изготовил чучело, натянул на него гимнастерку, прикрепил винтовку и поместил в «гнезде» в руинах. Получилось здорово — издали чучело можно было принять за солдата, стреляющего из развалин. Сам Насретдинов устроился по соседству с чучелом, протянув к себе от него длинный шнур.

На рассвете затаился и стал ждать. Время тянулось томительно долго. Фашист не подавал признаков присутствия, хотя солнце было уже высоко.

Тогда Насретдинов решился. Дернул шнур. Раздался выстрел, и шевельнулось чучело. Тут же ответная пуля вырвала у чучела клочок гимнастерки. Но Насретдинов не успел заметить вражеского снайпера.

Пролежав спокойно еще несколько минут, гвардеец снова шевельнул своего «двойника». И опять немецкая пуля прошила чучело. В этот раз Насретдинов засек на противоположном скате оврага маленькое голубоватое облачко, поднявшееся над небольшим земляным холмиком. Это и был окоп злополучного снайпера. Гвардеец взял его на прицел, еще раз дернул шнур, и одновременно нажал на спусковой крючок.

Вражеский снайпер больше не стрелял.

Через неделю на личном счету у Насретдинова значилось уже до десятка истребленных фашистов. Но немецкие снайперы продолжали охотиться за нашими связными, подносчиками пищи и боеприпасов.

Комсорг 2-й роты старшина Григорий Шкабора проявлял особую заботу о питании бойцов. Не было случая, чтобы личный состав этого подразделения не получил бы пищи.

Так было и сейчас. В блиндаже Родичева старшина появился, как всегда, вовремя. Но был бледен и расстроен. Снимая с плеч термос, он через силу улыбнулся:

— Сегодня, братцы, вам придется быть на пище святого Антония. Видите, что сделал паразит — немецкий снайпер? — Шкабора указал пальцем на дыру в термосе. — Но это полбеды. Он, проклятый, испортил мне комсомольский билет, — Григорий достал из нагрудного кармана гимнастерки пробитую пулей красную книжечку. Потом, расстегнув гимнастерку, провел пальцем по фиолетовой полоске на груди. — Вот где прошла моя смерть.

— Счастливый ты, Гриша, легким испугом отделался. Могло быть и хуже, — заметил Николай Родичев.

— Не горюйте, товарищ старшина. Билет вам заменят, а синяк исчезнет. Вечером покажите мне то место, где вас обстрелял этот «паразит», и мы рассчитаемся с ним, — сказал Насретдинов.

…Наступило утро. Наш снайпер куда-то исчез. А на том месте, где вчера обстреляли старшину, начали твориться чудеса. По открытому полю вдруг пополз неведомо откуда взявшийся, набитый соломой мешок с прикрепленными к нему термосом и каской.

И «рыбка» клюнула на эту приманку. Вражеский снайпер выдал себя и был сражен.

Как-то вечером, когда совсем стало темно, вдруг за дорогой, против 1-й роты, в развалинах, зашипело радио, раздалась музыка, а за нею послышалась ломаная русская речь.

— Русь зольдат!.. Кончай война, здавайся плен… Тогда ты будешь живой. Много кушай. Не здаешься плен, будешь жаловаться. Наш армия ест сильная армия. На Вольга буль-буль тебе сделает…

— А сам ты не захлебнешься? — крикнул пэтээровец и дал несколько выстрелов. Репродуктор тут же умолк.

…Такие пропагандистские передачи гитлеровцы вели часто. Причем после каждой из них забрасывали наши позиции пачками пропусков, привязанными к кускам кирпича.

Однажды после такой передачи я ушел в 1-ю роту. Пробрался к самому крайнему расчету. Там у пулемета был всего один человек, а рядом с ним лежало противотанковое ружье. У меня екнуло сердце: «Что же случилось?»

— Где остальные? — спросил я солдата в тревоге.

Пулеметчик предупредительно прошептал:

— Тише, товарищ комиссар, немцы-то рядом. А бойцы вон там… — он указал рукой на темный дверной проем.

Я втиснулся в тесную комнатушку, пахнущую затхлой сыростью. За небольшим столиком, над миниатюрной коптилкой, сделанной из гильзы противотанкового ружья, рядом с которой

стояла пустая литровая бутылка и лежала стопка немецких пропусков, склонились два пулеметчика и два пэтээровца.

— Что здесь происходит? Почему оставили оружие? — спросил я.

Гвардейцы встали и вытянули руки по швам.

— Мы на минутку оторвались, товарищ комиссар, вот для этого дела, — смущенно проговорил старший сержант Дятлов, подавая мне исписанный карандашом лист бумаги.

Читаю:

«Черти вы, фашистские дураки. Что вы пугаете нас Волгой? Это наша старая русская река. Чтобы бить вас, мы переправлялись через нее, когда она горела, и то не утонули. Мы думаем, что скорее сделаем „капут“ вам, чем вы нам „буль-буль“. А потому отправляем вам ваши пропуска обратно, может, они пригодятся вам в момент расстройства желудка после нашей бомбежки или обстрела „катюш“. А если вы вздумаете переходить к нам, то вам не нужно никаких пропусков, а просто поднимайте руки вверх и идите смело. Ждем вас. Пока. Гвардейцы».

Прочитав эту писанину, я улыбнулся.

— Что, может, не так? — робко спросил Дятлов.

— Все так. Только для этого у нас при политотделах есть инструкторы по работе среди войск противника. Они этим должны заниматься.

— Жди, когда они займутся, а тут как раз момент, — отозвался из полумрака бронебойщик.

— А мы и бутылку приготовили, чтобы послать им гостинец. А оно, выходит, нельзя, — разочарованно проговорил старший сержант.

— Почему нельзя? Бросайте!

Солдаты быстро начинили бутылку пропусками, вложив туда и свою записку. Закупорили ее пробкой. А потом Дятлов с бутылкой в руках влез на остатки стены второго этажа и швырнул ее через улицу. Посудина упала на кирпич, звякнула осколками стекла. Гитлеровцы всполошились, по всему кварталу подняли беспорядочную стрельбу. В небе засветились ракеты.

Разбрасывая пропуска и листовки в эти осенние дни, фашисты нередко совершали налеты мелкими группами на оборону наших войск, и там, где им удавалось захватить врасплох советских воинов, они втихомолку уничтожали их. Трупы уносили с собой, оставляя записки примерно такого содержания: «Мы ушли к немцам. Следуйте нашему примеру».

В те тревожные недели, особенно в ночное время, мы с Харитоновым регулярно бывали на переднем крае.

Однажды, облазив все огневые точки 3-й роты, мы на

рассвете возвращались к себе. Пригибаясь в мелких траншеях и переползая открытые места, наконец добрались до прибрежного склона горы. Там было менее опасно, мы присели передохнуть.

Внизу тихо катила свои воды могучая Волга. В городе раздавались пулеметные и автоматные выстрелы, в районе вокзала торопливо хлопала зенитка, то и дело вспыхивали ракеты. Белые щупальца прожекторов бороздили небо, выискивая ночного бомбардировщика «У-2» или, как его звали гвардейцы, «кукурузника», а гитлеровцы — «русь-фанер».

Какое-то время пристально всматривались в лучи прожекторов, а самолета не видно, не слышно. Потом, спустя несколько секунд, совсем в противоположной стороне от прожекторных лучей прорвался рокот мотора, раздался сильный взрыв, и снова все затихло.

— Молодцы наши летчики, даже на «кукурузнике» ухитряются всю ночь держать фрицев под напряжением, — нарушил молчание Харитонов.

— Об этих «кукурузниках» стали слагаться целые легенды. Вчера я слыхал, как один солдат заверял другого, будто летчики «У-2» прихватывают кроме бомб корзину противотанковых гранат, подлетают к городу, выключают мотор и, бесшумно планируя, находят нужный дом и прямо в окна бросают гранаты. Потом включают мотор, набирают высоту, летят к основному объекту, сбрасывают бомбу. Снова выключают мотор, уходят втихомолку.

Харитонов усмехнулся и начал рассказывать:

— Вчера здесь появилась шестерка «илов».

Красивые машины, главное — вооружение на них хорошее: две реактивные пушки и скорострельные крупнокалиберные пулеметы. А стре… О! Что это? — вдруг воскликнул он, остановившись на полуслове, увидев зеленые ракеты, поднявшиеся над пристанью и в районе Госбанка.

Над нами прогудели мины. Одна из них шлепнулась в воду, другие легли у берега. Мы кубарем скатились к своему командному пункту, юркнули в укрытие. Одна из мин, словно преследуя нас, рванула у самого входа и завалила его. В блиндаже погасла коптилка, в уши и рот набился песок. Выплевывая его, я спросил, все ли живы. К счастью, никто не пострадал.

— Что случилось? — спросонку вскочил на ноги Паша Гусев.

— В мышеловку попали, — отозвался Плетухин.

Откуда-то из-под земли тоскливо пропищал зуммер.

— Смотри, связь-то уцелела! — удивился комбат. Быстро работая руками, он отрыл телефон. — Алло! Алло! «Первый» слушает.

Говорил командир 3-й роты. Слышимость была плохой.

— Что? Подошли немецкие танки и пехота?.. Поднимите на ноги всех своих людей… Проверьте, чтобы расчеты противотанковых ружей были на местах. Свяжитесь с другими ротами… Что? Связались? И у них не лучше? Ну, ничего. Отразим и эту волну! — и комбат положил трубку.

Зазуммерил другой телефон.

— Вы слышите, что здесь делается? — гремело в трубке.

— Конечно, слышим.

— Такой силы они еще не бросали на нас, — кричал Поленица. — Как из мешка, сыпят снаряды. К оврагу подошла пехота, а по улице снова идут танки. У меня действуют все огневые точки.

— Чаще докладывайте, — распорядился майор и обратился ко мне — Вот это дела…

— Что же вы, товарищ майор, сказали, что мы все слышим? — спросил Плетухин.

— А что же, по-вашему, лучше сказать, что мы уже похоронены?

— Виноват, товарищ комиссар, упустил политику.

— А вот мы сейчас и позвоним, чтобы нас откопали, — произнес комбат.

В это время через толщу завала снаружи донесся до нас еле слышный голос:

— Живой там кто-нибудь остался?

— Живы все! — отозвались мы разом.

Все отчетливее слышались удары лопат. Наконец показался кусочек неба, вовнутрь блиндажа ворвались свежий воздух и грохот разыгравшегося боя.

Вырвались мы из подземелья, когда стрелковая рота 39-го полка, оставив овраг, вела бой рядом со своим КП. А дальше все повторилось, как 22 сентября. Только на этот раз гитлеровцы отошли за овражек, и там с ними пришлось долго возиться.

Осложнилось дело и у завода. Штурмуя 2-ю роту, враги намеревались захватить курганчик сержанта Родичева, чтобы с этого холмика взять под обстрел овражек до самой Волги и под прикрытием огня пройти к берегу реки, соединиться с прорвавшейся туда своей группой.

В утренней мгле Родичев уловил подозрительные шорохи в стороне Госбанка. Напрягая зрение, он метрах в двадцати от своего блиндажа увидел, как поднялась и в тот же миг исчезла человеческая фигура. Тревожно заныло сердце.

Сержант стал еще более чутко прислушиваться к каждому звуку, пристальнее всматриваться в притаившийся рассвет. Он

увидел, что его блиндаж окружают. «Еще секунда — и гитлеровцы займут ход сообщения с оврагом», — быстро сообразил он. Тотчас же созрело решение.

— По первому моему выстрелу открывайте огонь из пулемета, — приказал сержант первому номеру расчета, сам же с двумя пулеметчиками выскочил из блиндажа, ударил по врагам из автомата. Со всех сторон гитлеровцы дали ответный огонь, ранили одного из бойцов.

Завязалась яростная схватка. Бой длился ни много ни мало — больше восьми часов.

Во второй половине дня, когда Поленица отбил последнюю атаку у стены завода, он с несколькими бойцами поспешил к Родичеву. Там уже все номера расчета были ранены. Некоторые по два раза. Сам же Николай — трижды. Но никто из них и не думал уйти с позиции. Оказав медицинскую помощь сержанту, политрук приказал немедленно покинуть место боя.

У Родичева на глазах сверкнули слезы. Он заволновался:

— Разрешите мне, товарищ политрук, на сей раз не выполнить ваше приказание. Я останусь здесь и буду драться, пока жив…

Он так и не ушел с поля боя, пока гитлеровцы не были отброшены на исходное положение.

И КИНОКАМЕРА «СТРЕЛЯЕТ»

Вечером того же дня я подробно описал бой в донесении и отправил его в политотдел дивизии.

Утром звонок. Говорил Марченко:

— Политотдел направил к вам кинооператора. Постарайтесь создать ему все условия для съемки героев вчерашнего боя. При этом обеспечьте полную безопасность, а то он еще новичок на фронте.

— Когда он вышел? — спросил я.

— Часов в шесть утра. Скоро должен быть.

— Все будет сделано, товарищ «седьмой», — ответил я. Положил трубку, и вдруг слышу:

— Разрешите войти?

Я обернулся. В проходе в блиндаж стоял худощавый, невысокого роста, молодой человек в штатском.

— Фронтовой кинооператор Валентин Иванович Орлянкин, — представился он. Изложив цель своего прихода, спросил: — Не могли бы вы, товарищ комиссар, выделить мне сейчас человека, который проводит меня к сержанту Родичеву?

— Не могу…

Орлянкин опустил глаза, пожал плечами и скорее себе, чем мне, бросил:

— А как же мне быть?

— Сначала позавтракать, помыться в нашей бане, получить обмундирование, а потом уже браться за дело. Нельзя же на передовой быть в штатском. К тому же и не по сезону ваша одежда.

— Это верно, — добродушно согласился Валентин, оглядывая свой старенький костюм. И в то же время, вероятно, подумал: «Шутит комиссар. Какая может быть баня в этих руинах?».

— Паша!

— Слушаю, товарищ комиссар, — отозвался писарь.

— Накормите гостя, сведите в баню и передайте распоряжение хозяйственникам полностью обмундировать его.

— Слушаюсь, товарищ комиссар! Пошли, товарищ Орлов.

— Не Орлов я, а Орлянкин, Валентин Иванович, — поправил Гусева кинооператор.

— Виноват, ослышался. Пошли в другой блиндаж, это рядом. У нас там есть гороховый суп и немного шрапнели.

— Шрапнели? — усмехнулся кинооператор.

— Да, это так называют у нас перловую кашу.

Позавтракав, Гусев и Орлянкин спустились к берегу, под

кручу, подошли к нише, занавешенной серым немецким одеялом.

— Вот это и есть наша баня, — пояснил Гусев, приподнимая одеяло. Они вошли в подземелье, освещаемое все теми же коптилками из гильзы.

В бане балагур Гусев, как искусный экскурсовод, стал рассказывать:

— Это сооружение построено в конце сентября 1942 года по проекту нашего командования и состоит из трех отделений: предбанника, в котором мы находимся, банного зала и душегубки, то есть помещения для уничтожения насекомых с помощью высокой температуры.

А теперь, Валентин Иванович, раздевайтесь, мойтесь. А я подброшу вот это вещество в топку.

— А что это за вещество? — поинтересовался Орлянкин.

— Обыкновенный тол, которым взрывают мосты.

— Как тол?

— Не волнуйтесь, Валентин Иванович. У нас он не взрывается, а горит и выделяет много килокалорий. Как раз то, что нам нужно.

При этом Гусев бросил несколько небольших серых кусочков взрывчатки в топку.

Кинооператор с любопытством посмотрел, как они загорелись.

Подобрать одежду по росту кинооператора оказалось делом нелегким. При штабе батальона было всего с десяток комплектов обмундирования, и только больших размеров. Валентин перебрал все и остановился на последнем.

— Ну, как я выгляжу, товарищ комиссар? — задорно подняв голову, спросил Валентин.

В непомерно большой шинели и такой же шапке, он показался мне мальчиком в одежде с чужого, взрослого плеча.

— Гвардеец хоть куда! — подбодрил я его.

Вторую половину дня Орлянкин провел у Родичева. Вечером он вернулся уставший, но довольный.

— Как успехи? Было что снять? — поинтересовался я.

— Еще бы! Сколько вы их там навалили, этих фрицев!

— Поди уже целый фильм сняли? — сказал замкомбата.

— Фильм, не фильм, а метров пятьдесят полезных будет.

— А что значит эти пятьдесят полезных метров?

— Это значит, что зрители будут смотреть на экране эту пленку около минуты, — пояснил кинооператор.

— Хо, хо! Полдня снимать, а около минуты смотреть! — удивился Плетухин.

— Прыткий вы, товарищ замкомбата, — улыбнулся

Орлянкин.

— Да что ты пристал к нему? Человек первый день на передовой, устал, — заметил комбат своему заместителю.

Плетухин заметно смутился и умолк.

Поужинав и пользуясь временным затишьем между боями, мы улеглись спать в штабном блиндаже. Быстро уснули. Уже за полночь кто-то обнаружил, что кинооператора нет. Мы обшарили все вокруг штаба и на берегу реки, но так и не нашли его.

…Ранним утром следующего дня нас взбудоражила вражеская артиллерия. Она яростно гвоздила один из домов, занятых нашими бойцами.

— Что там происходит? — спросил я по телефону политрука 1-й роты Ивана Андреевича Пчелкина.

— Ночью занесло кинооператора на пятый этаж одного из наших домов. Там этот киношник установил красное знамя.

— Знамя? А сам он где находится?

— Да там же где-то лазит, черт его забери. Вот и садят туда немцы из пушек, как очумелые…

Артиллерийский огонь был страшный, но как ни старались фашисты, а сбить знамя им не удалось. Набесновавшись досыта, они, наконец, прекратили огонь, и мы увидели, как по маршевой лестнице стремительно стали спускаться два человека. Один из них был Орлянкин. Прижимая к себе кинокамеру, он не прыгал, а летел по ступенькам.

Вот они на третьем этаже. Гитлеровцы заметили и опять открыли по ним огонь. Снова дом заволокло пылью и дымом.

На сей раз вражеские артиллеристы свирепствовали так, что вскоре поперечные стены дома начали светиться насквозь. Конечно, трудно было поверить тому, чтобы там уцелели герои.

Но вот прекратился обстрел. И тут же в доме раздалось: «Ура!»

— Что там? Уж не штурмуют ли фрицы дом? — тревожно воскликнул комбат Харитонов и начал звонить в роту.

— Все в порядке, это пулеметчики приветствовали кинооператора. Он в полном благополучии спустился на нижний этаж! — сообщил Пчелкин.

В штаб Орлянкин явился поздно вечером и до предела возбужденный. Сокрушаясь, он все время чертыхался.

— Что с вами, Валентин Иванович? — участливо спросил я.

— Да как же, товарищ комиссар? В жизни не было, чтобы меня подвела кинокамера. А тут надо же ей, проклятой, в такой момент испортиться, — ответил Орлянкин, копаясь при тусклом свете коптилки в своем стареньком «Аймо».

Повозившись с аппаратом, он воскликнул:

— Тьфу, дьявол! А аппарат-то исправный, только чуть-чуть пусковая кнопка заела…

— На войне, браток, всякое бывает. Помню, у некоторых бойцов в первых боях автоматы заедало, а потом, когда люди пообвыкли, оружие стреляло безотказно.

— Это все так, товарищ комиссар. Но упустить такой кадр!.. Ведь там через флаг весь Сталинград виден. Во что бы ни стало я должен снять его и им разоблачить брехню Геббельса, который раструбил на весь мир, будто гитлеровцы заняли весь город.

— Да, такой кадр нужен, — согласился Харитонов, — только вы туда больше не полезете снимать. Ваша жизнь дороже этого кадра, к тому же мы за нее в ответе…

Орлянкин умоляюще смотрел то на меня, то на майора.

— Не падайте духом, что-нибудь придумаем, — сказал я.

Утром у Валентина сработала камера. И на пленке был запечатлен гордо развевающийся красный флаг над истерзанным, но непокоренным городом. В этом помогли кинооператору гвардейцы роты, соорудившие ему надежное «гнездо».

Правда, после съемки Валентину пришлось пробыть в этом «гнезде» до позднего вечера. Но он нисколько не пожалел об этом. Наоборот, появился в нашем блиндаже радостный от того, что ему удалось выполнить особое задание политического управления РККА.

Казалось, теперь-то кинооператор удовлетворен. Но не тут-то было. Он высказал свое новое желание:

— Теперь бы мне подснять еще хоть один боевой эпизод, и тогда у меня был бы полный сюжет о героических делах вашего батальона.

— Ничего, подснимете, — успокоили мы Валентина.

Такого случая ему долго ждать не пришлось. На второй день на правом фланге нашей обороны, как гром средь белого дня, раздались взрывы вражеских снарядов, заскрежетали гусеницы танков, а за ними двинулись автоматчики.

Это было на перекрестке улиц Пензенской и Солнечной, на стыке флангов 39-го полка и нашего батальона. Враг продвигался стремительно. Один из его танков подходил к угловому дому НКВД, где оборону держал пулеметный расчет коммуниста сержанта Стародубцева. В расчет входили коммунисты ефрейтор Желтков, рядовой Мартынов и беспартийные Савельев и Обухов.

В это время в расчете Стародубцева совершенно случайно находился кинооператор. Заметив приближавшийся танк и следовавших за ним до взвода автоматчиков, Стародубцев приник к пулемету. Не теряя удобного случая, Валентин поспешно вытянул кинокамеру из чехла, взял наступающего противника на

«прицел» аппарата. Но что это? В аппарате проходит один, три, пять метров пленки… За стеной ревет мотор, громыхают гусеницы, дрожат стены… А Стародубцев все еще лежит, как застывший, не открывает огня…

Вот танк прет уже прямо на амбразуру. Как при съемке наездом, в кадре кинокамеры увеличился и расплылся его лобовой черный крест.

— Врешь, не раздавишь, сволочь! — крикнул Стародубцев и только теперь нажал на гашетку. Пулемет затарахтел во всю свою мощь.

Орлянкин продолжал снимать, и ему показалось, будто вдруг стала стрелять его камера, покрывая броню танка черными оспинами. Рядом с Валентином в стену ударила пуля и, скользнув рикошетом, задела ухо Желткова. Грянуло бронебойное ружье. Танк скрипнул и остановился. Стальное чудовище сделало несколько огневых плевков из орудия по дому и вдруг задымило, покатило вспять. Без прикрытия автоматчики не посмели броситься в атаку.

Пулеметчики оказали первую медицинскую помощь ефрейтору и предложили отправиться в медпункт полка.

— Да что вы, братцы, я совсем здоров, а что ухо пробило, так это вроде клейма, чтобы не потерялся, — пошутил Желтков и с огневой точки не ушел.

После боя, осматривая перекресток улиц через амбразуру, кинооператор насчитал десятка полтора трупов захватчиков. Они валялись не более чем в двадцати метрах от дома, и Валентину страшно захотелось снять их. В его воображении четко вырисовывались кадры, в которых просматривались бы не только трупы, но и следы гусениц, воронки, пробоины в стене от снарядов, стреляющие пулеметчики. И все это снять со стороны противника.

Кинооператор осмотрел помещение, увидел в стенке пробоину, в которую можно свободно пролезть, и решил…

— Глянь, что он, с ума сошел? — воскликнул Желтков, увидев кинооператора, подползающего к трупам.

— Товарищ кинооператор, вернитесь! Вернитесь, вас там убьют! — взволнованно взвыл Стародубцев.

Но Валентин молча полз, то по-пластунски, выставляя кинокамеру вперед себя, то на четвереньках, а когда достиг намеченного места, поднялся на колени, стал снимать. И тут произошло то, что и должно было произойти: гитлеровцы открыли по нему огонь из минометов.

Уцелев от первых взрывов мин, Валентин скатился в соседнюю воронку. Фашисты дали по нему еще несколько мин и

перенесли огонь на пулеметчиков. Наши бойцы в свою очередь открыли огонь из пулеметов. Перестрелка возобновилась. Валентин откашлялся, отдышался и опять стал снимать.

Вскоре перестрелка прекратилась, но кинооператор какое-то время лежал в воронке, не подавая признаков жизни.

— Неужели погиб? — заволновался кто-то из красноармейцев.

— Жаль, такого парня потеряли, да еще и нагоняй получим за него, — огорченно сказал Мартынов.

— Да что ты, «потеряли», такие не погибают. Вон он из воронки рукой машет.

— Валентин Иванович, вы ранены? — окликнул Стародубцев.

— Нет, — глухо донеслось в ответ.

— Лежите там дотемна, не шевелитесь и не кричите.

Вечером ребята крепко пожурили кинооператора и в то же время сказали:

— А все-таки, наверное, так и надо снимать. Молодец, Валентин Иванович!

Когда рассказали об этом мне, я подумал: «Все это хорошо, правдиво, колоритно, как говорят кинематографисты. Просматривая эти сюжеты, кинозритель не только увидит войну, но и почувствует ее запах. Только поймет ли этот зритель, что, снимая боевые кадры, кинооператор рисковал своей жизнью больше, чем герои, которых он снимал».

После этого случая, гитлеровцы еще не раз штурмовали дом Стародубцева. Похоже было, что они проявляли к нему какой-то особый интерес. То ли потому, что он имел особое важное значение в нашей обороне (захватив его, можно было легче пойти к берегу), то ли им были известны боевые качества чапаевского пулеметчика, и они охотились за ним. Во всяком случае Харитонов приказал командиру пулеметного взвода гвардии лейтенанту Джеваге чаще бывать в доме НКВД.

Не забывал Джевага и про второй свой пулеметный расчет, который занимал оборону в здании военторга и площади 9-го Января (им командовал гвардии старший сержант Зуйков).

Однажды лейтенант спустился в подвал этого магазина и увидел на стенке велосипедную камеру. Он взял ее, повертел в руках, попробовал на крепость. Постоял, подумал и, разыскав оконную раму, натянул на нее резину, а потом к резине прикрепил шматок голенища. Получилась мощная рогатка. Лейтенант вложил в нее кусок кирпича и швырнул в сторону противника. «Далеко летит!» — отметил, усмехнувшись, Джевага и предложил бойцам бросить во врага вместо кирпича «лимонку». Но как быть с чекой? До броска ее вытаскивать опасно. Чуть

промешкаешь с закладкой в рогатку, и граната ударит по своим. Поразмыслив, Джевага нашел способ выдергивания чеки гранаты в момент броска из рогатки. И вот граната, описывая высокую траекторию, летит к врагу и взрывается над его позицией, словно шрапнельный снаряд.

— Отлично! — обрадовались наблюдавшие за действиями командира пулеметчики.

С этих пор они каждую ночь беспокоили противника взрывами «лимонок». Гитлеровцы проводили ночь без сна и тупели, теряли боеспособность.

Хорошо использовал Василий Джевага и снайперскую винтовку. Более тридцати гитлеровцев уложил он из нее за время обороны Сталинграда.

…В начале ноября, ранним утром, гитлеровцы вдруг стали обстреливать из тяжелых орудий дом Стародубцева. Первые снаряды легли вокруг дома, не причинив вреда.

— Плохо что-то они сегодня стреляют, — заметил боец Савельев.

— А тебе, наверное, скучно, если они не попадают в наш дом? — улыбнулся Обухов.

— Приготовиться к бою! — подал команду лейтенант.

Стародубцев открыл амбразуру, стал осматривать сектор обстрела. Ни пехоты, ни танков противника не увидел. У самого дома проходила траншея. Сержант осмотрел ее и только хотел закрыть амбразуру, как в траншее разорвался снаряд. Взрывная волна отбросила Стародубцева в сторону и осколками кирпича размозжила ему лицо и голову. Так не стало нашего чапаевца. Одновременно сильно контузило лейтенанта Джевагу и исковеркало станковый пулемет.

За стеной появились фашисты. Оставшиеся в живых пулеметчики стали бросать гранаты. Обухов кинулся к ручному пулемету, предусмотрительно принесенному командиром взвода. Атака гитлеровцев была отбита.

БОЙ В ВОЗДУХЕ

Большая группа немецких бомбардировщиков появилась над нами во второй половине того же дня. Гвардейцы стреляли по ним из пулеметов, а Гугля — из противотанкового ружья, пристроенного на колесе для стрельбы по воздушным целям.

Пролетев над нами, «юнкерсы», как обычно, стали разворачиваться над Волгой. Из-за тучки показались три наших истребителя. Достаточно было «якам» дать одну-две очереди из пулеметов, как бомбардировщики стали бесцельно сбрасывать бомбы в Волгу и удирать.

На реке поднялись белые султаны.

— Что они делают, подлецы! — сокрушался пожилой гвардеец.

— Не видишь, что-ли? Бросают бомбы в воду, — отозвался другой.

— Без тебя вижу, что бросают, знаешь, сколько рыбы погубят?

Вокруг раздался смех и сражу же оборвался. В воздухе появились «мессеры». Их было вдвое больше, чем наших истребителей.

Два «мессера» отбили одного «яка» и увлекли его на запад. Бой развернулся над городом на такой высоте, что трудно было различить, какой из самолетов наш, какой вражеский. Мы ахнули, увидев, как один из них развалился на две части и между ними показался раскрытый парашют. Одна часть самолета сразу отвесно полетела вниз и взорвалась почти у самой земли. Другая — долго описывала спирали над железнодорожным вокзалом.

Оставшиеся два истребителя продолжали вести бой, и мы поняли, что наш летчик сбил фашиста. Западный ветерок гнал его парашют к Волге.

— Смотрите, что делает проклятый фриц. Зажег парашют, чтобы не попасть в плен, — крикнул кто-то, увидев под куполом парашюта дым. Но дым скоро рассеялся и парашютист приземлился где-то севернее штаба дивизии.

Позже выяснилось, что немец вовсе не собирался разбиваться. Он просто сжег свою планшетку с документами.

Оставшиеся «мессер» и «як» продолжали сражаться уже над Волгой. Выжимая полную мощность из моторов, противники шли друг против друга в лобовую атаку, однако в последнюю секунду у фашиста не выдержали нервы. Он перед самым носом «яка» отвернул, да было поздно: наш истребитель ударил его снизу, и обе машины упали в реку, подняв высокие столбы воды.

Два других наших истребителя сбили еще одного «мессера».

Воздушный бой закончился победой советских летчиков.

Несколькими днями позже произошел еще один удивительный, можно сказать уникальный, случай. Стоял по-осеннему прекрасный день. Фашисты досыта набесновались и к полудню успокоились. Пользуясь этим, несколько наших бойцов собралось у какой-то развалины над обрывом покурить.

Неожиданно с вражеской позиции ударили зенитки, затарахтели пулеметы, а в воздухе послышался нарастающий гул моторов. Смотрим: пять «илов», очевидно, идут с боевого задания.

Над линией фронта один из них, как подстреленная птица, вдруг качнулся из стороны в сторону, резко сбавил скорость, стал отставать от строя. За ним потянулся длинный шлейф густого черного дыма.

Через несколько секунд «ил» пролетел над нами. Еще момент, и он мог бы опуститься на том берегу, но его охватило пламя. Клюнув носом, штурмовик пошел в пике. Кто-то не выдержал, крикнул:

— Что же не прыгает летчик? Ведь самолет сейчас взорвется или упадет в воду…

— Наверное, он уже отпрыгался, — грустно возразил ему другой боец.

И здесь от «ила» отделилась черная точка, полетела вниз. Почти над самой водой раскрылся парашют. А самолет, достигнув того берега, врезался в землю, с грохотом взорвался.

Летчик гвоздем вошел в воду. Опустившийся купол парашюта накрыл его. Мы оцепенели. Но через несколько секунд до нас донеслось:

— Смотрите, смотрите, летчик жив!

Я всматривался в бинокль. Летчик старался освободиться от отяжелевшей мокрой одежды и обуви, пока парашют служил ему точкой опоры. А когда полотно стало тонуть, летчик взмахнул ножом, отрезал стропы.

— Помочь! Немедленно помочь! — прокатилось по берегу. А как помочь, если на берегу ни лодки, ни бревна. Пуститься вплавь на середину такой большой реки, когда у берегов намерзает кромка льда, и думать было нечего…

Студеные волны все дальше и дальше уносили пилота. Меня охватило чувство отчаяния, и я взглянул на противоположный берег, в надежде на то, что там есть плавучее средство и, может быть, кто-нибудь бросится на помощь гибнущему человеку.

Мои надежды оправдались. Из прибрежных зарослей двое выдвинули лодку на волжский стрежень, стали энергично работать веслами, направляясь к утопающему.

Все наши бойцы с замиранием сердца наблюдали за двумя

точками на воде. За ними следили и немцы. Фашисты выждали, пока лодка вышла на простор реки, и открыли по ней огонь из минометов.

Напряженно следили мы за храбрецами. А они, маневрируя между разрывами снарядов, все с большей силой налегали на весла. Вот, наконец, приблизились к летчику, втащили его в лодку, повернули обратно.

«Урр-ра!» — прокатилось по всему нашему берегу.

А гитлеровцы еще интенсивнее стали обкладывать лодку минами, снарядами. Но она, как заколдованная, все плыла и плыла. И только тогда, когда до берега оставалось, как говорится, рукой подать, у ее борта взвился белый султан и швырнул ее в сторону. Словно ветром сдуло с лодки людей, и она, никем не управляемая, медленно поплыла вниз по течению.

Мы молча провожали ее печальными взглядами. Пожилой солдат снял шапку, перекрестился. Кто-то достал кисет, закурил. И тут, как в сказке, в лодке показались все трое. Они схватили весла и погнали ее вперед.

Ликующе загудел берег. А фашисты взяли этих храбрецов в двойную «вилку» артиллерийского огня и били по ним до тех пор, пока один из снарядов не попал в цель.

На этот раз, казалось, все погибли. И, конечно, мы были ошеломлены, когда через несколько минут в лодке снова появились двое. Они уже не пытались грести, а, нащупав веслом дно, прыгнули в воду, вытащили из лодки третьего и, поддерживая его под руки, пошли к берегу, и скрылись в зарослях.

НЕОЖИДАННОЕ

Октябрьский праздник отметили скромно, по-фронтовому. В двадцать шестой год революции мы вступили с большой уверенностью в своих силах, в скорой победе над фашистскими захватчиками в Сталинграде.

Эту уверенность нам вселяли письма из родных краев, в которых все чаще гвардейцы читали: «У нас уже работает во всю свою мощь новый завод. Говорят, его перебросили с запада. Он сейчас выпускает нужную продукцию для вас. Держитесь, дорогие, скоро вам будет легче». Кроме того, бойцы замечали, что фашисты стали намного трусливее, поубавилась их наглость.

В эти дни нам прислали из штаба дивизии какой-то пакет. Комбат вскрыл его.

— Вот и навоевались мы с тобой, комиссар, — произнес он, просмотрев бумагу.

— Что стряслось?

— На курсы «Выстрел» посылают меня. Нашли время, когда учить…

— Откажись, да и только.

— Поздно, приказ подписан.

Я позвонил генералу Родимцеву. Он выслушал мое ходатайство насчет Харитонова, а потом сказал:

— Все это верно, товарищ батальонный комиссар. И решающая битва в Сталинграде, и Харитонов — храбрый офицер, умело руководит батальоном, и ваша сработанность с ним, что нельзя не ценить. Но надо же и вперед смотреть. Фашистов-то нам еще бить да бить после Сталинграда. А для этого Красной Армии нужны не только хорошие комбаты, но и командиры полков и соединений…

— Это правда, товарищ генерал…

— То-то и оно.

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться с ним и повесить трубку. Харитонов, сидевший рядом, без объяснений понял весь разговор.

Вечером в землянке собралось несколько командиров. Распростились со своим любимым комбатом, пожелали ему доброго пути и успехов в учебе.

Не знаю, как у кого, но у меня в тот день тяжело было на душе — то ли потому, что жалко было расставаться с Харитоновым, то ли сердце болело за батальон: сумеет ли вновь назначенный комбат капитан Плетухин держать в нем такую высокую боеспособность, какую держал Харитонов.

Но работать с Плетухиным мне не пришлось, так как к этому времени вступил в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года о введении полного единоначалия и упразднении института комиссаров, по которому политработники, проявившие способность руководить боем, командовать частями и подразделениями, переводились на командные должности. В категорию таких политработников попал и я.

В начале ноября ко мне в блиндаж вошел гвардии майор Синицын, работник политотдела 13-й гвардейской дивизии.

— Фу, наконец-то я добрался… Раз пять за дорогу попадал под минометный огонь. А в ложбине за Соляной пристанью с полчаса пришлось пережидать в воронке: вначале пулемет прижал, а потом снайпер пристал, как оса. Наверное, пришлось бы лежать до темноты, если бы по ним не сыграла «катюша», — смахивая пот с лица, говорил майор.

— А какая необходимость заставила вас тащиться сюда днем? Не могли дождаться ночи? — спросил я.

— Никакой необходимости не было. Раньше я проходил сюда благополучно, вот и дернуло меня, — как бы оправдываясь, сказал майор, вынимая из планшетки свернутый лист бумаги. — Нате вот, читайте.

Это был приказ. В нем говорилось, что Синицын назначался заместителем командира отдельного гвардейского пулеметного батальона по политической части. Меня же утвердили заместителем командира 34-го гвардейского стрелкового полка по строевой части.

Полк этот в дивизии считался неплохим, а его командир гвардии подполковник Дмитрий Иванович Панихин был энергичным, волевым офицером. Прочитав приказ, я остался вполне доволен своим новым назначением и после никогда не жалел об этом.

Весь день мы с Синицыным провели на передовой. Лазая по траншеям, я познакомил его с особенностями обороны батальона, с рядовыми гвардейцами и командирами.

В одном из расчетов 2-й роты встретили Севчука.

— Как ваши дела? — спросил я.

— Воюю, товарищ комиссар, — застенчиво ответил он.

— Хорошо воюет. Только за вчерашний день он, как первый номер, увеличил боевой счет своего расчета на двенадцать истребленных фашистов, — пояснил Мамедов, недавно принявший командование ротой.

— От лица службы выношу вам благодарность, товарищ Севчук.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил гвардеец.

А когда мы отошли от расчета, Поленица сказал:

— Мы с командиром роты подготовили материал на представление к наградам нескольких пулеметчиков. В их числе и Севчук. Что вы о нем скажете?

— Думаю, надо наградить.

Когда над Волгой повисли сумерки, я распростился со своими боевыми товарищами и в сопровождении связного, присланного Панихиным, отправился в полк. Он находился в трех километрах от нашего батальона.

Длинными оказались эти километры. Та ночь выдалась настолько темной, что трудно было что-нибудь различить на расстоянии вытянутой руки. Пользоваться же карманным фонарем нельзя: и без того на каждую искру, малейший шорох гитлеровцы отвечали шквальным минометным огнем. И нам пришлось не идти, а ползти на четвереньках, ныряя из воронки в воронку.

Чтобы было менее опасно продвигаться, мы шли вдоль реки, придерживаясь ближе к круче, то и дело пересекали траншеи, идущие от берега к блиндажам. На каждом шагу слышалось строгое: «Стой! Кто идет?»

В районе Соляной пристани, вернее ее развалин, мы поднялись на кручу. В этот момент кто-то из нас задел ногой металлическую пустую бочку. Громыхая, она покатилась к реке. По всему берегу в ту же минуту ярко вспыхнули ракеты, длинными очередями заговорили пулеметы, зачастили разрывы мин.

Мы снова поспешно скатились под кручу и там нашли надежное укрытие. А когда противник угомонился, я поднялся, хотел идти дальше. Но сопровождающий меня гвардии рядовой Иван Кривулин, паренек лет двадцати, видать, уже имевший боевой опыт, тронул меня за руку!

— Давайте, товарищ майор, еще малость посидим. А то впереди будет «ложбина смерти», придется метров сто ползти без передышки…

Я согласился. Мы спрятались под железобетонную глыбу.

С Мамаева кургана морозный ветер доносил приглушенный грохот боя и запах горевшей нефти. На Волге глухо потрескивал и шуршал движущийся лед.

В детстве я любил слушать осенние ледоходы. В их мягком шуме угадывалось что-то могучее, победное. Однако с тех пор, как лед стал союзником нашего врага — нарушил нам нормальную доставку продуктов и боеприпасов с того берега, — он стал вызывать у меня раздражение.

— Вы не в курсе, когда останавливается здесь шуга? — спросил я Кривулина.

— Это зависит от того, какая будет осень. Если теплая, то может и весь ноябрь идти…

На реке послышался какой-то всплеск, разговор. Над нами вспыхнула ракета. Мы увидели метрах в пятнадцати от берега, на куске льдины, двух человек с длинными шестами в руках и огромными рюкзаками за плечами.

— Кто там? — окликнул я вполголоса.

— Свои! Свои! — отозвались поспешно люди.

Ракета погасла, стало еще темнее.

Тотчас же над глыбой, под которой мы сидели, оглушительно треснуло, и осколки мин посыпались в воду, зашипели.

— Живы там, на реке? — окликнул я.

— Живы. Где нам лучше выбраться?

— Идите прямо на нас.

Новый взрыв мины поднял куски льда высоко вверх.

«Погибли», — испугался я. Но, к счастью, ошибся. Через несколько минут люди оказались уже рядом с нами. И какова же была моя радость, когда в одном из этих мокрых с ног до головы людей я узнал старшину Гуглю, посланного нами с неделю назад на тот берег сопровождать катер.

— Как же это вы, братцы, попали сюда? — искренне удивился я.

— Очень просто, товарищ комиссар. Изо дня в день мы пытались пробиться катером, но не удалось преодолеть шугу, А я-то знаю, в каком положении находится батальон. И вот нашел еще одного товарища из новичков, изъявившего желание помочь мне доставить сюда хоть немного продуктов и боеприпасов. Как там у нас, все благополучно?..

Он сказал это все так просто, будто только что перешел улицу. А я, видавший виды, был потрясен.

Ведь только подумать — в сплошную темень прыгать по широченной реке со льдины на льдину, не зная, выдержит ли она тебя. А подо льдом — местами до тридцати метров глубины. К тому же пробираться почти под беспрерывным минометным обстрелом.

Поблагодарив героев и показав им, как добраться до батальона, мы с Кривулиным пошли своей дорогой.

— Вот оно и открытое место — «ложбина смерти», — пояснил мой проводник.

На карте это место ничем не отличалось от всей обороны дивизии, но в натуре здесь отсутствовала прибрежная круча. Не было построек. И немцы со всех огневых позиций, которые

располагались не далее, чем в восьмидесяти — ста метрах от берега, обстреливали ложбину и днем, и ночью.

Приготовив на всякий случай гранаты, оружие, поползли, прижимаясь к земле. Несколько раз нас обстреливали из пулеметов и минометов. Но все обошлось благополучно. Вскоре мы снова оказались под защитой крутого берега. Сели передохнуть.

В городе протяжно проскрежетал немецкий крупнокалиберный миномет, прозванный гвардейцами «скрипуном». Его снаряд с тяжелым стоном пролетел куда-то на восточный берег. Другой такой разорвался у полуразрушенного дома, стоявшего над самой кручей. Во время взрыва одна стена развалилась в прах, а другая почти целиком полетела под откос и едва не накрыла нас.

Это зрелище напомнило мне картину «Последний день Помпеи» художника Брюллова. Отдышавшись от пыли, я спросил своего спутника, видел ли он когда-нибудь это знаменитое полотно. Оказалось, видел и полностью согласен с моим мнением.

Потом, усмехнувшись, солдат спросил:

— Как вы думаете, товарищ майор, если верить попам, что где-то есть ад, может быть в нем тяжелее, чем нам сейчас в Сталинграде?

Сразу я не нашелся, что ему ответить. А потом шутя заметил: собираетесь из одного ада переселить свою душу в другую?

— Да нет, товарищ майор, не думайте, что я верующий. Просто пришла на ум такая глупая мысль. Я комсомолец, собираюсь вступить в партию.

— Почему же глупая? Вполне обоснованная. Я думаю, что будь с нами рядом сейчас сам папа римский, и он, пожалуй, задал бы стрекача отсюда как можно подальше.

Здесь я вспомнил свою юность и случай, происшедший накануне Октябрьской революции. Тогда я учился в сельской школе. Учился неплохо. Но однажды явился на урок закона божьего неподготовленным, а этот урок, по мнению нашего сельского священника, был самым важным из всех уроков: изучалась родословная святых до рождения Иисуса Христа, что-то вроде «Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова» и т. д.

Выслушав трех ребят, батюшка расплылся в елейной улыбке, кого-то похвалил и поднял меня.

Я промямлил себе под нос что-то невнятное и умолк.

— Ты что, не учил урок?

— Грешен, батюшка, не выучил.

— Почему?

— Да вот все думал, как мог родить Исаак Якова, ведь рожают женщины, а он был му…

Не дав досказать, поп хлобыстнул меня линейкой по лицу, потом вцепился в волосы, трепал и приговаривал:

— Да как ты смеешь, антихрист окаянный, богохульствовать?

Затем поп за шиворот выбросил меня за дверь. Но на этом дело не кончилось. Не успел я войти в калитку своего дома, как увидел, что поп стоит во дворе и что-то говорит моему отцу. Я услышал, что он предлагает отслужить в доме молебен и весь двор окрестить святой водой.

Выслушав все это, отец окликнул меня. Я не отозвался, тут же выскочил в окно и только поздно вечером вошел в дом на цыпочках. Однако жесткой кары не миновал.

— А дальше что? — спросил Кривулин.

— А дальше… Я был все время под присмотром попа. Ненавидел его люто и все мечтал отомстить этому извергу в сутане.

— И удалось?

— Да как сказать? В 1924 году по ленинскому набору меня приняли в комсомол, обязали выписывать газеты, журналы. В это время очень популярным был журнал «Безбожник». Я выписал два экземпляра этого журнала: один себе, а один попу. Журналы приходили регулярно, и поп не выбрасывал их до тех пор, пока не распространился по селу слух, что, мол, поп-то наш самый настоящий безбожник: журнал безбожный выписывает. И вот не знаю, по этой ли причине или по какой другой, «святой отец» вскоре покинул село, и больше в нем попы не водились.

При оранжевом, едва мерцавшем свете карманного фонаря я глянул на часы.

— О, браток, почти три часа мы ползем, а конца еще не видно.

— Теперь уже рядом… Идти здесь будет легче, — уверенно сказал солдат.

Действительно, минут через пятнадцать мы добрались до командного пункта полка. Он располагался на берегу, буквально метрах в пяти от кромки волжской воды.

— Сюда, — указал Кривулин на черный проем, видневшийся под невысоким обрывом.

Миновав два крутых зигзага в земле, мы оказались в обшитой досками землянке. Здесь, у входа, обняв автоматы, свернувшись в калачик, на полу спали двое солдат. В дальнем углу писарь выстукивал что-то на машинке. Склонившись над столом, при свете «сталинградки» (так называли сплюснутую артиллерийскую гильзу, приспособленную под коптилку) несколько офицеров

рассматривали карту. Среди них я увидел и командира полка подполковника Дмитрия Ивановича Панихина. Он, как всегда, держал в зубах неизменную черную трубку «Мефистофель» и попыхивал ею с особым смаком.

Увидев меня, Панихин бодро поднялся и, припадая на одну ногу (после ранения), подошел ко мне. Выслушав мой доклад о прибытии, он представил высокого, широкоплечего, с волевым лицом подполковника Петра Васильевича Данилова — своего заместителя по политической части. В помещении еще находились начальник штаба полка Михаил Тимофеевич Сочнев — коренастый майор и худощавый, с бородкой клинышком, строго подтянутый, с проницательными серыми глазами начальник артиллерии Василий Игнатьевич Мачулян. Все они, кроме Данилова, были молодыми офицерами, едва ли каждому из них перевалило за тридцать.

— Кадровый? — спросил у меня Панихин.

— Кадровый, но из политработников. Без всякой общевойсковой переподготовки прямо к вам в заместители.

— Знаю. Воюете давно?

— С первого дня.

— Стреляный, значит, гусь?

— Стреляный, и немало.

— Вот и хорошо. А насчет переподготовки не беспокойтесь. Лучшей академии, чем в Сталинграде, нигде не пройдешь.

— Это верно.

— Знакомьтесь с обстановкой и действуйте. Вот вам и вся академия.

Поговорили, как водится в таких случаях, о разных разностях. А потом я спросил:

— На что мне, товарищ гвардии подполковник, обратить внимание, чем заняться сейчас?

Панихин изучающе посмотрел на меня и, улыбнувшись, посоветовал:

— Ложитесь спать. Глаза-то вон как воспалены. Наверное, суток трое не спали?

Я был тронут его вниманием.

ЗАДАЧА НОМЕР ОДИН

Несколько дней я провел в подразделениях. Знакомился с солдатами и офицерами, интересовался их фронтовым опытом и политико-моральным состоянием.

У всех воинов было одно стремление, одно желание — быстрее победить врага.

В одном из блиндажей, в роте старшего лейтенанта Наливайко, мне показали только что выпущенный «боевой листок». В нем было помещено незатейливое стихотворение солдата. Начиналось оно так:

Гитлер двинул в Сталинград,
Мы набили ему зад.
Скоро нами будет бита
Рожа фюрера-бандита.

— Обязательно будет бита. Иначе и быть не может, — сказал я.

Наливайко почесал затылок, вопросительно посмотрел на меня.

— Что вы, товарищ старший лейтенант?

— Пополнение будет? Людей у нас не густо. На сегодняшний день у меня в роте всего двенадцать активных штыков.

Такое положение было и в других ротах. Пополнение в те дни прибывало, действительно, туго. Поэтому комбаты опирались на военную смекалку бойцов и свой опыт, днем и ночью совершенствовали оборону: рыли дополнительные ходы сообщения, строили ложные огневые позиции, из которых, для видимости, периодически стреляли.

Знакомясь с личным составом, я одновременно изучал систему обороны, передовую линию полка.

Передовая проходила по резко пересеченной местности, линия ее была сильно изломана. На правом фланге, у нефтесиндиката, немцы вклинивались в нашу оборону. В районе Крутого оврага, напротив, подразделения полка вклинивались во вражескую оборону метров на сто пятьдесят. На левом фланге наши огневые точки располагались прямо на прибрежном обрыве Волги.

К тому же на всем участке обороны полка не было ни одного кирпичного строения, где можно создать хотя бы один опорный пункт. Стоявшие здесь до войны деревянные частные дома после

первых бомбежек сгорели и превратились в хаотическое нагромождение, которое совершенно закрывало местность перед нашими окопами.

Гитлеровцы же располагались против левого фланга полка в шестиэтажном доме. Это давало им огромные преимущества: отсюда они пулеметным и автоматным огнем не давали нам поднять головы и под непрерывным обстрелом держали большой участок переправы.

Словом, это был один из самых худших и опасных участков обороны дивизии. И, видимо, потому именно здесь гитлеровцам удалось сделать впоследствии прорыв.

Основательно познакомившись с состоянием обороны, я доложил командиру полка:

— Не нравится мне наша оборона. Особенно опасен овраг Безымянный, который подходит почти вплотную к Г-образному дому. Используя его, гитлеровцы в любое время могут отрезать второй батальон.

— А что делать? Нельзя же ради выравнивания передовой оставить этот полуостров?

— Может, попросим фрицев, чтобы они отошли подальше, освободили этот дом? — пошутил начальник штаба.

— Просили уже не раз, да дорого обошлись нам эти просьбы, — иронически заметил Данилов.

Говоря это, он имел в виду, что этот дом уже несколько раз штурмовали, но ничего не получилось.

— И все-таки мириться с тем, чтобы немцы висели над нашими головами, нельзя, — решительно сказал командир полка. — Надо искать какой-то способ выбить их оттуда.

— Значит, снова штурмовать? Рисковать последними людьми? Нет, хватит, — возразил Сочнее. — К тому же мы убедились, что без тяжелой артиллерии его не взять. А ее-то использовать здесь нельзя — можно поразить своих.

— Что же, выходит, будем ждать у моря погоды? — горячился я.

— Пораскиньте умом, товарищ майор, может, что придумаете и без артиллерии. Но имейте в виду, что взять этот дом — Для нас задача номер один, — заметил Панихин.

— Кстати, это и будет твоим первым академическим заданием. А овладеем домом — страна, как говорится, будет знать своих героев, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Данилов.

На том мы и закончили разговор. Разошлись по своим блиндажам.

В пасмурном небе белым пятном выделялась луна.

На покрытую шершавым льдом Волгу, завихряясь, сыпался колючий снег. Надвигалась суровая зима.

А война шла своим чередом. На восточном берегу ухала артиллерия, из центра города ей отвечал шестиствольный немецкий миномет, где-то заливисто стучали пулеметы, били зенитки. У шестиэтажного дома взвивались ракеты, освещая нашу оборону.

По утоптанной скользкой тропинке я поднялся на крутой взгорок, юркнул в свою землянку. В ней было тепло и почти уютно: стояли «душегрейки», столик и шикарная никелированная кровать.

Не раздеваясь, завалился в постель. При этом приказал ординарцу не будить, пока не проснусь сам. Но уснуть не удалось: вспомнилась «задача номер один», и тысячи мыслей зароились в голове.

Как только стало светать, я переговорил по телефону с командиром полка и позвонил в батальоны, попросил комбатов немедленно прибыть на КП командира 7-й роты и сам отправился туда же.

Когда я добрался к назначенному месту, все уже были в сборе. Не теряя времени, попросил лейтенанта Юрченко провести нас в один из блиндажей, ближе к шестиэтажному дому.

Глубокая, вьющаяся, как змея, траншея привела нас на правый склон оврага Безымянного и уперлась во вход пулеметного дзота. В нем было жарко: бойцы ухитрились сделать в стене этого сооружения печь и с наступлением вечерних сумерек топили ее дровами, толом и всем, что попадало под руку. Нагревалась большая часть стены, и это тепло могло сохраняться до двух суток.

Весь этот дзот был под землей, только его бойница черным оком смотрела из откоса оврага на шестиэтажный дом.

Приятно обогревшись, мы стали через бойницу рассматривать злополучный дом. Он находился метрах в восьмидесяти от нас и в сером тумане выглядел волшебным замком. Это фантастическое впечатление создавали разбитые стены, напоминавшие причудливые шпили. Между ними зияли огромные пробоины, сквозь которые виднелись лестничные марши, куски перекрытий полов, потолков, неизвестно каким чудом державшихся.

Дом стоял внутренним углом к оврагу. Одно его крыло тянулось в целый квартал на запад, другое — на север. На топографической карте он значился как большая буква «Г», отсюда и получил у нас название Г-образного дома. С южной его стороны возвышался почти неповрежденный трехэтажный дом

железнодорожников. Проходившая между этими домами Пензенская улица разделяла стыки флангов наших подразделений и соседа слева — 42-й гвардейский полк.

Вокруг Г-образного дома, и особенно во внутреннем его углу, обращенном к оврагу, чернели многочисленные воронки и завалы, валялись сотни трупов — следы недавних жестоких сражений.

— Что же вы не убрали их? — спросил я командира 1-го батальона капитана Григория Афанасьевича Кулаева.

— Пытались не один раз, но гитлеровцы это место так обстреливают, что ни днем, ни ночью там и мышь не проскочит.

— Откуда же они стреляют?

— Изо всего дома.

— А вы еще не составили карту их огневых точек?

— Для чего ее составлять, товарищ гвардии майор? И так все ясно. Палят они изо всех окон, со всех этажей. Черт знает, чего у них только нет. Иногда, кроме пулеметов и автоматов, оттуда бьют даже пушки и минометы. А вон, видите ряд столбов впереди дома? Это проволочные заграждения в два кола. Перед ними — минное поле.

— Какие, по-вашему, там сосредоточены силы?

— Это, пожалуй, только одному аллаху известно. Прячутся они там, как сурки в норах. Воюют бандитскими методами — из-за угла, — капитан смерил меня взглядом с ног до головы, улыбнулся в свою черную, как смоль, бороду. — Вот если бы драться с ними на кулаки, по-честному, тогда бы они знали, как воевать. Мы бы с вами вдвоем, пожалуй, справились со взводом паршивых фрицев, — при этом Кулаев сжал кулаки и потряс ими.

— Кто вы по национальности, товарищ Кулаев?

— Осетин, товарищ майор.

— Кадровый?

— Нет. В начале войны был призван. Прошел офицерскую подготовку да вот и воюю. А что?

— Да так, в порядке знакомства. А насчет единоборства с фрицами скажу так: может, еще справимся и с ротой, только к этому надо серьезно готовиться. Сейчас воюют умением и техникой, а не кулаками.

— Понятно, товарищ майор, — смутившись, ответил капитан.

— Так вот, если понятно, займитесь изучением подступов к дому, характера укрепления, составьте точную карту расположения огневых средств противника. Имея эти данные, можно будет судить о причинах наших неудач. Не зная броду, не суйся в воду — гласит русская пословица. На все это даю вам трое суток. С командиром полка согласовано.

— Будет выполнено, товарищ майор.

Не больше, чем Кулаев, рассказал мне об этом доме и командир 3-го батальона капитан Егор Владимирович Гущин.

— Неужели снова думают штурмовать? — насторожился он.

— Пока ничего неизвестно. Просто хочу все подробно изучить, — успокоил я его.

— Как теперь штурмовать, товарищ гвардии майор? Мы же этот дом дважды пытались взять отборными силами двух полков и учебным батальоном, когда еще были полнокровными, но ничего не вышло. А сейчас…

— Чем же вы объясняете эти неудачи?

— Кто ее знает! То ли там действительно скопилась большая сила фашистов, то ли необдуманно мы действовали. Но с точки зрения тактики все, вроде, делалось правильно. Судите сами… — Гущин развернул карту: — Вот этот дом. Крутой овраг начинается от берега Волги и проходит метрах в восьмидесяти вдоль восточного крыла и почти вплотную подходит к северному крылу дома. Овраг позволяет скрытно накопить в нем не один батальон и нанести внезапный удар во внутренний угол дома. Так мы и делали. Вспомогательный удар наносили в торцевую стену восточного крыла. Она отстоит от Волги в два раза дальше, чем само это крыло от оврага. Одновременно с нами 42-й гвардейский полк штурмовал дом железнодорожников. И что получалось? Каждый раз, как только мы достигали минного заграждения, на нас обрушивался свинцовый дождь: огонь был в три-четыре яруса. Стреляли в нас и с тыла через овраг, со стороны нефтебаков.

— А другие планы штурма никто не разрабатывал?

Капитан пожал плечами:

— Пожалуй, нет… А что здесь можно еще предложить?

— С ходу трудно судить, — заметил я и в свою очередь спросил: — Как случилось, что полк оказался в таком тяжелом положении?

— Это, пожалуй, долго придется рассказывать.

— Да нам-то сейчас спешить некуда, а фрицы по своему расписанию будут отдыхать еще часа полтора-два, рассказывайте.

— Разрешите мне? — попросил пригревшийся у стенки Кулаев.

— Пожалуйста, Григорий Афанасьевич.

— Эта тяжелая обстановка, товарищ майор, начала складываться для нас с переправы. Вам должно быть известно, что наш полк предполагалось переправить одновременно с 42-м полком в ночь на 15 сентября. Но по каким-то причинам переправа была перенесена в ночь на 16, а потом, как видно, положение наших войск в Сталинграде настолько изменилось,

что командование дивизии решило переправить нас днем, полагаясь на непроглядную завесу дыма, висевшую над Волгой. Утром 1-й и 2-й батальоны погрузили в две большие самоходные баржи. К одной из них, а именно в которой разместился мой батальон, прицепили огромную безмоторную лодку. В нее погрузили полковую батарею 76-миллиметровых пушек. Двинулись в путь. Вначале все шло хорошо, и Панихин, наблюдая в бинокль за удаляющимися судами, потирал руки. Но когда суденышки прошли более трети реки, вокруг них стали вспыхивать огненные вихри горящей нефти. С каждой секундой вражеские мины сыпались все чаще и гуще. Разрывы приближались к нашей барже. Увидев это, капитан резким рывком повернул штурвал. Баржа сильно накренилась и, развернувшись на месте, пошла вниз по течению. Это спасло нас от прямого попадания мины. Она взорвалась по правому борту, сзади. Но ее осколки повредили нашу баржу так, что ей пришлось повернуть обратно. Перебили также буксирный трос лодки и вывели из строя ее рулевое управление. Туго пришлось ребятам. На лодке не оказалось ни весел, ни шестов. Кто-то сказал: «Давайте вырвем пару досок из верхней части борта, а потом их заделаем». Вырвали, сколотили, связали их. Получился неудобный, но довольно длинный шест. Попробовали: до воды достает. Сделали еще такой же. И с большим трудом стали изменять направление движения лодки.

Поздно вечером кое-как подошли к острову Голодному, и тут набежавшей волной лодку выбросило на песок так, что она легла на борт, и все, что было в ней, полетело в воду. Трое суток сидели наши артиллеристы на этом острове. А нашему батальону пришлось вернуться обратно. К вечеру речники закончили ремонт лодки, и мы вместе с 3-м батальоном к утру 16-го переправились сюда. Так что днем 16-го переправился только один 2-й батальон. В жестокой схватке он отбил у фашистов небольшой плацдарм, на который мы высадились. И прямо в бой. Он был жаркий. Гитлеровцы не только не отступали, а наоборот, пополняя свои силы, непрерывно атаковали и контратаковали. Удалось отбить у них всего квартала два. С тех пор на этом крошечном плацдарме шли ожесточенные бои. Недоедая, недосыпая, гвардейцы отражали по восемь-десять атак в сутки.

— Особенно тяжелые дни наступили с 27 сентября, — сказал командир 2-го батальона капитан Мудряк. — В эти дни с раннего утра и до позднего вечера перед нами громыхали танки, била тяжелая артиллерия. Пехота же ползла, как саранча, по всем оврагам.

— В этот день в овраге Безымянном наши пулеметчики

уложили около двухсот врагов, а пэтээровцы подожгли два танка. В целом полк истребил до шестисот фашистов, уничтожил шесть танков и два бронетранспортера, — сообщил командир 7-й роты Юрченко.

Рассказ продолжил Гущин:

— Полк понес большие потери и вынужден был отойти на вторую позицию. Здесь особенно стало заметно, как поредели наши боевые ряды, как ослабли мы. А поддержки ждать было неоткуда, так как другие наши полки находились в таком же положении, как и мы. Не было надежды и на приличное пополнение. Оставалось одно: стоять насмерть, держаться до последнего. Политработники обошли все траншеи, окопы, встретились, можно сказать, с каждым бойцом. Надо было воодушевить людей на подвиг. Бойцы поняли, каждый стал драться с удесятеренной энергией. Особенно отличился взвод полковой разведки под командованием лейтенанта Сорокина. Ночами воины ходили на разведку, а днем находились на самых ответственных участках обороны, отражая по нескольку атак пехоты и танков. Это были сталинградцы: и сам командир взвода, и боец Вячеслав Белов, и сержант Иван Глазков, и другие. Под стать им были сибиряки Алексей Бурба, Михаил Бабанских, сержант Алексей Донченко, дальневосточник Владимир Ругаль.

— К концу дня 29 сентября ценою больших потерь фашистам удалось оттеснить наши 1-й и 3-й батальоны на самый обрыв Волги. С тех пор мы и находимся в таком дурацком положении: с одной стороны, кажется, висим на обрыве, с другой — сидим, как в яме. Мы просматриваем и простреливаем перед собою местами не более 30–40 метров. Гитлеровцы же из этого проклятого дома не дают нам поднять головы и держат под обстрелом Волгу. Захватить этот дом — наша задача номер один, — как бы подвел итог разговора командир 2-го батальона.

— Спасибо за рассказ, товарищи. А теперь нам пора расходиться по своим местам.

Знакомясь с расположением дома, с планами предыдущих штурмов, я все больше и больше начинал понимать причины их неудач и загорался огромным желанием во что бы то ни стало найти ключ к решению этой сложнейшей задачи.

Идея захвата дома в те дни волновала, конечно, не одного меня, а всех в полку. В течение суток можно было услышать десятки различных вариантов боя не только от офицеров, но и от солдат. Однако все они, в том числе и идея подкопа и взрыва дома, никак не подходили.

Однажды я обходил позиции полка и поздно вечером усталый возвратился на КП. Вошел в штабной блиндаж, а навстречу —

Панихин.

— Вот хорошо, что ты пришел. Только что звонил «хозяин» — командир дивизии. Интересовался, что у нас делается по подготовке штурма Г-образного дома. Торопил с предложениями. Докладывай, что нового тебе удалось узнать или придумать за эти сутки?

— Пока ничего, товарищ подполковник…

— Гм… Маловато…

Но тут позвонили из батальона: немцы стали проявлять подозрительную активность по оврагу и в Г-образном доме.

Оборвав разговор, мы разошлись по участкам, заранее распределенным между нами на случай опасности. Поднимаясь на пригорок, начальник артиллерии полка спросил:

— Ты хорошо уже изучил нашу оборону?

— Да как тебе сказать?.. Облазил все окопы, осмотрел минные поля…

— А в «гнезде аиста» был?

— В каком еще «гнезде»?

— В заводской трубе на наблюдательном пункте артиллеристов.

— А что там?

— Оттуда виден весь мир. Рекомендую побывать там обязательно.

На бруствере траншеи, прямо у нас над головами, рванула мина, за ней — другая. Рой осколков пропел разными голосами. Посыпались куски мерзлой земли. Зашумело и зазвенело в ушах.

— Ты жив? — спросил я Мачуляна, прочищая пальцем ухо.

— Жив. Мне теперь туда, — он указал на черневший развилок в ходе сообщения.

— Будь здоров, Василий Игнатович.

— Желаю удачи. В «гнезде» побывай обязательно, не пожалеешь.

— Что здесь происходит? — спросил я капитана Кулаева, добравшись до его блиндажа.

— Человека задержали, товарищ майор. Он то, наверное, и взбудоражил немцев. Обойдется. Постреляют и перестанут.

Задержанный оказался рослым парнем в лохмотьях, обросший бородой и худой до невозможности. Я спросил:

— Кто вы?

— Рядовой из 10-й дивизии войск НКВД, товарищ майор. Застопорили нас фашисты в центре города еще в сентябре, и с тех пор пробираюсь оттуда. В конце этого оврага живет старуха с дочерью. Так они-то, спасибо им, и помогли мне добраться сюда…

Этот человек рассказал нам, что перед подходом немцев к Сталинграду он бывал в Г-образном доме. Что каждый этаж дома разделен по всей длине коридором и под всем зданием есть подвальное помещение. Эти сведения оказались очень ценными при составлении нового плана штурма.

Утром, петляя по извилистым траншеям, я за несколько минут добрался до трубы, спустился в подземный дымоход-боров и, пройдя по нему метров двенадцать, оказался внутри трубы. Здесь тускло мерцали коптилки, и их тощий оранжевый свет, дрожа, золотил стены и лица бойцов — это были наши разведчики, связисты, наблюдатели, артиллеристы не только нашего полка, но и других частей дивизии.

Беседуя с гвардейцами, осведомился:

— Какая высота этого сооружения?

— Более тридцати метров.

— Как поднимаетесь к амбразуре?

— А вон по тем скобам…

Я осмотрел стену, она была совершенно чистая, так как труба еще не эксплуатировалась. Стальные скобы, вделанные в нее, убегали вверх, в черную бездну. Не раздумывая, я снял шинель и, уцепившись за скобу, хотел подниматься. Но чья-то сильная рука опустилась мне на плечо.

— Подождите, товарищ гвардии майор, — сказал боец с артиллерийской эмблемой на петлицах.

— В чем дело?

— А вы уверены в своих силах?

— На турнике-то хорошо подтягиваетесь? — спросил еще кто-то.

На миг меня охватило чувство какой-то глупой амбиции, и я резко сказал:

— Хорошо, посмотрите! — и тут же, ухватившись за скобу, раз семь-восемь подтянулся на руках.

— Ну, ладно, теперь передохните малость, товарищ майор, и попробуйте подняться. Только смотрите, если почувствуете головокружение или слабость — остановитесь, передохните и спускайтесь вниз.

Ох, как они были правы. В этом я убедился, когда добрался до половины трубы и там, ухватившись за одну из скоб, вдруг почувствовал, что она качнулась, и мне показалось, будто я полетел вниз. До сих пор не могу понять, как я не сорвался. Придя в себя, полез выше (самолюбие не позволило сдаться) и минуты через полторы оказался на прочном помосте среди двух наблюдателей.

Отдышавшись, я глянул в пробоину трубы. Предо мной

открылась панорама города, над которым словно только что бушевал страшной силы тайфун. Всюду, насколько хватал взор, простирались серые, желтые, обугленные развалины строений, среди которых, как святой среди грешников, стоял совершенно целый Дом сержанта Павлова. Сохранился он, видимо, потому, что вклинивался в оборону немцев, и они боялись бомбить его, чтобы не поразить осколками своих.

От Дома Павлова, ближе к Волге, виднелась разбитая паровая мельница. Рядом с ней, словно огарок свечи, торчал остаток ее кирпичной трубы. А еще ближе ко мне, от берега реки на запад, черными лентами тянулись овраги Крутой и Безымянный. За ними серой горой поднимались руины Г-образного дома. Присматриваясь к нему, я заметил, что от него через всю улицу, в направлении здания 38-й школы, тянулась траншея. Она разветвлялась на два рукава — один из них шел на юг, другой — на запад.

Где-то в центре города и на его окраинах изредка мелькали автомашины, мелкие группы людей и одиночные пешеходы.

В пробоину хлынула резкая струя холодного воздуха, завывание приближающегося снаряда и взрыв — все это отозвалось страшным стоном на дне ствола трубы. Прислушиваясь, я глянул в верхнее отверстие трубы. Там виднелся кусок осеннего неба, по нему плыли густые облака. Но мне показалось, что они стоят на месте, а наше гнездо медленно летит к земле. Я глянул на наблюдателей. Их лица были совершенно спокойны.

— Часто бывает так?

— Как? — переспросил меня артиллерист помоложе.

— Да вот, такая музыка.

— А мы не замечаем ее.

«Привыкли или, может, нервы у вас стальные», — подумал я, и мне стало неловко за самого себя. Потом я еще раз оглядел Г-образный дом, пожелал наблюдателям успеха, стал спускаться вниз.

— Ну и как вам понравилась панорама? — спросили меня внизу.

— Другого такого места для НП не найти на территории нашего полка, да и, пожалуй, всей дивизии. Правда, место очень опасное, но игра стоит свеч. Кому это в голову пришло использовать эту трубу под НП?

— Кому?.. А вот этому герою, — сказал разведчик Анышкин, указав на юнца.

— Гвардии рядовой разведчик Вячеслав Белов, — козырнув, представился тот.

В то время Вячеславу было всего 15 лет. Родился он, в Сталинграде, учился в школе. Когда фашисты подошли к городу, эвакуировался за Волгу. Там, в одном из поселков, случайно встретил товарища своего старшего брата — лейтенанта Сорокина, которому было поручено комплектовать взвод разведчиков. Трое суток парнишка ходил по пятам Сорокина, со слезами на глазах донимая его своими просьбами взять в разведчики.

Наконец тот сказал:

— Ладно, поговорю с начальством.

Вскоре он объявил:

— Ну, Славка, идем получать обмундирование.

Вскоре взвод лейтенанта Сорокина влился в состав 34-го стрелкового полка, и Вячеслав Белов стал гвардии рядовым разведчиком. 16 сентября он принял боевое крещение.

В тот день Белов находился на НП. К нему подошел Сорокин.

— Ну, что тут видно? — спросил он и в бинокль стал рассматривать город.

— Ничего особенного, — ответил Белов.

— Ничего, говоришь? На-ка, посмотри получше, — лейтенант дал Славке бинокль. Славка посмотрел в него и увидел многое из того, чего не видел обычно. Чугунный мост через овраг Крутой был словно рядом. По мосту проскочил грузовик с фашистскими автоматчиками, промелькнуло несколько пешеходов.

«Вот, гады, хозяйничают, как у себя дома. А ведь по этому мосту мы ходили на Мамаев курган за цветами», — подумал он и почувствовал щемящую боль в сердце. Ему стало обидно за все: за мост, за Мамаев курган, за родной дом, который был рядом, за город. У Славки сверкнули алмазные искорки в глазах, он громко шмыгнул носом.

— Ты что, Слава?

— Бить их надо, паразитов, и я буду бить их, пока жив!

— Правильно Славик. Все мы должны бить их до победного конца.

Это была своеобразная клятва юного воина и бывалого командира, которую они потом свято выполняли, — Сорокин до героической смерти на Орловско-Курской дуге, а Славка до полной победы над фашистами.

В конце сентября гитлеровцы потеснили полк на прибрежный обрыв. Командир полка Панихин приказал найти новое подходящее место для НП. Сорокин с Беловым обошли всю территорию обороны полка, но ничего подходящего не нашли. Тогда-то Вячеслав сказал лейтенанту:

— А что если приспособить вон ту заводскую трубу?

Это предложение показалось Сорокину несерьезным, и он возразил:

— Обследовать трубу, конечно, можно, но как ее использовать? Кто согласится туда лезть?

— Давайте сначала обследуем, а потом будем решать, кто полезет туда. Думаю, охотники найдутся, — не сдавался Славка.

И они отправились к трубе, обошли ее вокруг, но лаза не обнаружили. Разочарованные, собрались было уходить, но тут метрах в пятнадцати от трубы заметили небольшой провал в земле. Это был подземный боров-дымоход, заваленный невзорвавшимся крупнокалиберным снарядом.

Преодолев завал, разведчики оказались внутри трубы. Проверили надежность скоб, поднялись по ним до пробоины. А когда посмотрели в нее — замерли. Перед ними, как на ладони, были видны не только вражеская передовая, но и далекие тылы.

О своем открытии поспешили доложить командиру полка.

— Вам что, жить надоело? — сказал Панихин, выслушав их. — Ведь это же артиллерийский репер фашистов. Они сшибут вас оттуда в два счета. Нет, нет! Ищите другое место.

Но другого места не было.

Надвигался вечер. Фашисты, набесновавшись за день, утихомирились и всю ночь не беспокоили. Однако ранним утром по всему участку обороны полка пошли в атаку. От снарядов дрогнул обрыв, белыми бурунами поднялась Волга. Где-то рядом, почти над головами, зарокотали танковые моторы, затрещали пулеметы и автоматы. Но гвардейцы сидели в своих окопах, словно с завязанными глазами, лишенные возможности поражать врага на дальнем расстоянии.

И снова встал вопрос о НП. Тут на глаза Панихину попался вездесущий Славка.

— Подыскали что-нибудь? — спросил его командир полка.

— Нет, товарищ подполковник, кроме трубы ничего нет.

— Опять труба… — Панихин отпустил свое излюбленное словцо. Но потом все-таки согласился и отдал распоряжение саперам обследовать ее и, в случае надежности, оборудовать сиденье для наблюдателей.

Сорокин с командиром роты связи подобрали добровольцев-наблюдателей, их нашлось немало. Однако при первой же попытке подняться по скобам к пробоине многие не выдержали испытания. Поэтому в первые дни на новом НП больше всего пришлось дежурить самому Славке, а потом к нему присоединились разведчик Анышкин и другие.

Дежурили по два-три часа, больше не выдерживали из-за сильного сквозняка, пронизывающего до костей.

— С первого же дежурства мы убедились, что пробоина в трубе, — рассказывал Славка, — не дает нам полного обзора вражеской обороны. Поэтому саперам пришлось пробить дополнительные амбразуры. Их гитлеровцы сразу заметили и выставили против них снайпера. Снайпер стрелял отлично, но тут он оказался бессильным причинить нам существенный урон, потому что труба была высокая, а толщина ее стен вверху доходила до полутора метров. Выпущенные им пули входили в амбразуру под острым углом, ударялись в их верхнюю стенку и шлепались, а до нас долетали только мелкие осколки кирпича.

Много еще рассказывал Белов интересных случаев, связанных с трубой. В некоторые было трудно даже поверить. Вот один из них.

— Однажды мы со своим напарником — связистом Николаем Качуриным сидели на перекладине у амбразур, наблюдали за траншеями противника, — говорил Славка. — Они были так близко, что мы хорошо видели лица фашистов. Они суетились, устанавливали миномет, присматривались к трубе. «Что они хотят делать?» Вскоре поняли: намереваются бить по трубе. На всякий случай я посоветовал Николаю быстро спуститься вниз, а сам стал наблюдать дальше. Взяв крутую траекторию, гитлеровцы и впрямь стали стрелять по трубе. И не просто стрелять. Они могли бы разрушить ее снарядами. Но им хотелось попасть в отверстие трубы, чтобы уничтожить все, что в ней находится, а трубу сохранить как репер. Поняв это, я крикнул вниз: «Всем уйти в канал борова!» — а сам вынул из упоров перекладину, на которой сидел, и привязал ее кабелем к скобе — на всякий случай: если мина попадет в трубу, то не взорвется рядом со мной. Сам же, ухватившись за скобу, прижался к стене и стал смотреть в амбразуру, считая мины, выпущенные фашистами. Несколько их просвистело над трубой, а, кажется, девятая с грохотом разорвалась над ее верхушкой, и на меня посыпались куски кирпича. Силы мои инстинктивно удесятерились, держась за скобу, я глубоко всунул голову в амбразуру, полностью закрыв плечами отверстие. Еще не успел прийти в себя, как за моей спиной свистнуло так, что больно резануло в ушах, и в тот же миг на дне трубы раздался страшный грохот взрыва. Замкнутая трубой взрывная волна устремилась вверх с необыкновенным шумом и свистом и чуть было не сорвала меня. Если бы я не успел всунута голову в амбразуру и не закрыл ее плечами, то, наверное, задохнулся и был бы выброшен в верхнее отверстие трубы. Но коль не случилось этого, я собрался с духом и продолжил наблюдение. Увидел, как фашистские минометчики, торжествуя, убирали миномет. В то же время до меня донеслись

крики «ура» и аплодисменты. Но атакующих не было видно. Когда в трубе осела пыль, я, спустившись вниз, узнал, что «ура» кричали гвардейцы учебного батальона, занимавшие оборону у трубы. Оказалось, что они, заметив выходившую из трубы пыль, приняли ее за дым и подумали, что завод возобновил работу…

Я отправился на левый фланг обороны полка. По пути заскочил в медпункт, который располагался у берега в полуподвальном помещении полуразрушенного дома. Из операционной показался худенький молодой человек в белом халате:

— Начсанслужбы полка гвардии капитан медицинской службы Комелев Николай Кириллович.

Поскольку это была первая наша встреча, я тоже представился.

Устало вытирая пот со лба, Комелев сказал:

— Черт знает, что за день выдался сегодня. Вроде бы и боя нет, а раненые все поступают и поступают.

— Снайперов, наверное, подбросили на наш участок.

— Да, да! Представьте себе, все с пулевыми ранениями. А у этого, которого только что оперировали, два ранения навылет в плечо и одно слепое в шею. Сложнейшая операция была.

— Будет жив?

— Не знаю, сам главный хирург полка Каранадзе оперировал. Рука у него легкая.

С Иосифом Георгиевичем Каранадзе я тогда не был знаком, но как о специалисте-хирурге слышал много. Рассказывали, что он даже в темноте, на ощупь, извлекает у раненых пули, осколки и «штопает» рану. Позже я убедился, что хвалили его не напрасно. Это был хирург высшего класса и благороднейшей души человек. Сотням воинов спас он тогда жизнь.

— Ну и душно здесь, — сказал вдруг Николай Кириллович и предложил выйти на улицу. Молча мы поднялись по ступенькам и тут же, при входе уселись на кирпичи под стенкой. Мимо нас по траншее юркнула девушка с двумя кубиками в петлицах и медицинской сумкой на боку.

— Привет! — кокетливо крикнула она и помахала рукой.

— Кто она?

— Командир санитарного взвода 1-го батальона Оля Гонтарева.

— Гонтарева? Позволь, рассказывали, что в первые дни боев в Сталинграде ее привалило кирпичами в подвале, потом еле откопали.

— Точно она, товарищ майор, — оживился начсанслужбы, — это было 29 сентября, когда фашисты пытались столкнуть нас в

Волгу. Беспрерывно бомбили с воздуха и били из артиллерии, то и дело бросались в атаки. Ольга со своей помощницей — санинструктором Дусей — нашли подвальное помещение, организовали в нем медпункт и начали обрабатывать раненых. Однако гитлеровцы порой нажимали так, что им приходилось откладывать бинты и браться за винтовки, а отбив атаку, ползти за ранеными.

Потом от взрыва снаряда случился обвал. Отбивая атаки, гвардейцы одновременно стали откапывать подвал. Мало кто остался там в живых. Ольга была без сознания, и ее отправили в госпиталь. К счастью, там она быстро поправилась и вот, как видите, воюет вместе с нами.

Уже после войны я узнал, что Ольга Ивановна стала женой Николая Кирилловича.

Простившись, я отправился на левый фланг обороны полка. Там вновь осмотрел Г-образный дом и дом железнодорожников. Установил, что оба они связаны между собой траншеей. Это еще раз подтверждало наше предположение о том, что Г-образный дом — крупный опорный пункт гитлеровцев, и к нему, в случае необходимости, они могут в любое время дня и ночи перебросить живую силу из любого района города. Я увидел с этого места, что правый угол восточной стены закрывал собой часть северного крыла здания.

Размышляя над этим открытием, я быстро вычертил план дома на клочке бумаги и тут же определил точку своего нахождения по отношению к этому объекту. Затем, анализируя чертеж, перенес на нем точку своего стояния несколько ближе к дому. Потом провел от нее линию. Она прошла угол восточной стены и, на этот раз, миновав все северное крыло, устремилась дальше. Глядя на только что сделанную схему, я обрадовался и чуть было не закричал «ура».

Обрадоваться было чему: все предыдущие планы штурма Г-образного дома строились на той основе, что торцовая стена северного крыла дома находилась в шести метрах от края оврага Безымянного. В овраге можно было незаметно от врага накопить силы больше полка. Затем стремительно продвинуться до торцовой стены и, бросив гранаты в окна, ворваться в дом. Одновременно наносился удар во внутренний угол дома и вспомогательный, отвлекающий, удар — на торцовую стену его восточного крыла. Последняя находилась, примерно, в ста метрах от обрыва Волги.

При этом всегда получалось так, что, как рассказывали комбаты, противник встречал атакующих внутренний угол дома многоярусным перекрестным огнем пулеметов, автоматов и

мелкокалиберных пушек, а атакующих торцовую стену северного крыла отсекал пулеметами из здания 38-й школы, стоявшей через улицу, за Г-образным домом.

Вычерченная мной схема открывала перед нами новую идею штурма.

Вечером я доложил Панихину о своих наблюдениях. Вручил ему и карту огневых точек противника в Г-образном доме, составленную комбатом Кулаевым в результате разведки боем.

На карте значились два противотанковых орудия, размещенных в нижнем этаже северного крыла, и двадцать одна пулеметная точка. Из них, что особенно важно, только два пулемета находились на восточной стене. Остальные же — по стенам дома, обращенным к оврагу.

Слушая меня и разглядывая карту, Панихин молча тянул свою трубку.

— Выходит, что у них на участке в восемьдесят метров стоят два орудия и девятнадцать пулеметов, которые имеют четырех-, пятиярусный перекрестный огонь. И мы против такого огневого кулака бросали свои главные силы. А там, где действуют лишь два пулемета, делали вспомогательный удар. Дела-а, — закончил он.

— Да, именно так обстояло…

— Значит, ты предлагаешь в новом штурме главный удар нанести по восточной стене, против двух пулеметов? Так я понял?

— Так точно, товарищ подполковник. Считаю, что и эти два пулемета можно будет обезвредить и, таким образом, оставить немцев ни с чем. А ворвемся в дом — там станем хозяевами.

— Твои доводы верны, — согласился Дмитрий Иванович. — Немедленно приступай к разработке плана нового штурма. Только, пожалуйста, не пори горячку, обдумывай каждую деталь. А всю подготовку держи в секрете.

— Одному мне трудно будет провести всю эту работу, товарищ подполковник.

— Понимаю. Но кого бы тебе подключить?.. Сочнева? Пожалуй, лучше его не трогать. Он сейчас противник не только штурма, но и разговора об этом. Комбатов тоже нельзя отвлекать от обороны. — Панихин снова затянулся. — Да, я совсем забыл! Дмитриев у нас сейчас без войск. Бери его и действуй!

Гвардии лейтенанту Владимиру Дмитриеву было лет двадцать пять. В полку его так же, как и меня, считали «новым», хотя он до моего прихода уже командовал взводом связи и несколько дней — батальоном.

В предложенную работу Дмитриев включился с большой охотой и оказался полезным помощником.

Подготовка штурма началась с точного определения размеров дома и расстояния от него до обрыва. Это мудреное вычисление мы провели по методу определения расстояния на недоступных местностях. Здесь впервые в своей жизни я с пользой применил знаменитую теорему Пифагора.

По старательно сделанному чертежу мы установили, что от крутого обрыва берега Волги до дома — 113 метров. А точка, где должна сосредоточиться штурмовая группа для решающего броска, то есть то место, которое не просматривалось из окон и амбразур северного крыла дома, оказалась всего в тридцати метрах от восточной стены, как раз у проволочного заграждения противника. Этот подсчет вызвал большую дискуссию у штабистов.

— Все это хорошо рассматривать и определять теоретически, на бумаге, — высказался Сочнее. — А как практически вы накопите свои силы под носом врага и бросите их на штурм? Ведь от обрыва до этой вашей заветной точки, по крайней мере, около ста метров, как вы их преодолеете? Что ж, по-вашему, противник будет ждать, пока вы там накопитесь?

Конечно, начальник штаба во многом был прав. Однако Дмитрий Иванович возразил ему:

— Хорошо, допустим, это голая идея. А что ты можешь предложить?

Сочнев промолчал. Панихин вопросительно взглянул на меня. Не дожидаясь его вопроса, я ответил:

— Думаю рыть открытую траншею к дому, товарищ подполковник.

— Какая длина ее? — осведомился Панихин.

— Восемьдесят три метра. А если пробивать тоннель хотя бы только до восточной стены, то сто тридцать, — дал я справку.

— Ни черта себе! Этот тоннель при наличии такой техники и такого количества людей, какое имеем сейчас в полку, мы будем пробивать до конца войны. К тому же эти подкопы и взрывы не оправдали себя здесь. В этом мы убедились на примере полка Елина.

Говоря это, Панихин имел в виду подкоп под дом железнодорожников, где на глубине пяти метров более двух недель саперы рыли туннель около 40 метров длиной, и на взрыв израсходовали свыше трех тонн взрывчатых веществ, а результат оказался незначительным, так как при этом разрушилась лишь только небольшая часть дома.

В уцелевшей же его части сразу ожили огневые точки врага. Кроме того, и это, пожалуй, главное, подгруппа захвата, которой предстояло вступить в бой через две минуты после взрыва, не

двинулась с места. «Случилось то, чего все опасались — наших бойцов оглушило взрывной волной», — писал впоследствии А. И. Родимцев.

Пользуясь этим, враг, усилив освещение переднего края ракетами, обнаружил лежавших бойцов и стал забрасывать их гранатами. В результате группа, понеся большие потери, отошла в исходное положение.

Панихин умолк, стал задумчиво постукивать карандашом по столу. Мне уже казалось, что командир колеблется и сейчас отвергнет предложенный мною план. Но тут он решительно стукнул ладонью по столу, поднялся и сказал свое решающее слово:

— Будем рыть траншею.

В тот же вечер командир полка доложил о всех наших соображениях командиру дивизии. Тот одобрил план и тут же поторопил:

— Немедленно приступайте!..

Работа по прокладке траншеи вначале велась только ночью. И все равно мы не смогли сохранить ее в тайне. Противник заподозрил неладное: без конца стал освещать ракетами и обстреливать минометами то место, где мы начали углубляться в землю. Вскоре огонь врага достиг такой плотности, что невозможно стало работать.

По-разному восприняли в полку эту неудачу. Однако все сочувственно отнеслись ко мне. И лишь Сочнев с иронией доказывал:

— Я же говорил, что ничего не получится из вашей затеи. Нужно немедленно прекратить эту бессмыслицу.

Панихин слушал, слушал и вдруг сказал:

— Вот что, товарищ майор, ройте траншею днем!

Это было дерзкое и рискованное решение, но, к нашему удивлению, оно оправдало себя: гитлеровцы днем совершенно не обстреливали минометами место работы, наверное, потому, что не видели перед собой никакой опасности.

Траншея рылась «тихой сапой». Люди работали стоя на дне рва, отрытого почти в полный профиль, и откопанную землю не выбрасывали на бруствер, а оставляли на дне траншеи до наступления ночи, а потом потихоньку выносили мешками под кручу.

Одновременно с прокладкой хода сообщения, которая длилась больше недели, готовились расчеты штурмовой группы. Чтобы точно определить количество людей в этой группе, нам пришлось решать задачу со многими неизвестными. Дом имел шесть этажей. В какой степени сохранились эти этажи, где там

засели немцы, чем они нас встретят? Словом, вопросов, на которые, казалось, невозможно ответить, возникло немало.

Мы рассуждали так: все этажи имеют коридорную систему, значит, в каждой части этажа придется вести бой отдельной небольшой группой. Исходя из этого, мы решили создать штурмовую группу из двенадцати подгрупп — от трех до пяти человек в каждой. Вооружить их винтовками, автоматами, бутылками «КС», ножами, ломами, кирками и топорами.

Всего в штурмовую группу, по нашим расчетам, должно было входить шестьдесят четыре человека, не считая резерва. Он состоял из десяти человек: саперов, артиллеристов и пэтээровцев.

Кроме того, предусматривалось создание небольшой группы закрепления, в которую входили три автоматчика, пулеметчики с двумя станковыми пулеметами и четыре бронебойщика с двумя противотанковыми ружьями. В обязанности группы закрепления входило обеспечить безопасность штурмовой группы с флангов, а в ходе ее продвижения — закреплять очищенный от врага участок дома.

В сталинградских боях отмечены отдельные случаи, когда бойцы врывались в здания, занятые врагом, но достаточно было выйти из строя старшему группы, как у них падала боеспособность, и они покидали захваченный объект.

Чтобы предупредить это, мы назначили в каждой подгруппе не только старших, но и их заместителей. Так, если в группе насчитывалось четыре человека — два, а если же пять — три заместителя. Во главе общей штурмовой группы был поставлен старший лейтенант Василий Иванович Сидельников. Это был среднего роста, энергичный, смелый, лет двадцати пяти русоволосый сибиряк. Его заместителем назначался комсомолец лейтенант Алексей Григорьевич Исаев. Этому юркому, находчивому белокурому пареньку, пожалуй, не было еще и двадцати.

Почти всю штурмовую группу мы сформировали из добровольцев. Первыми на наш призыв откликнулись коммунист гвардии старшина Иван Павлович Корцан, родом с Черниговщины, комсомольцы гвардии рядовые Николай Степанович Логинов — из города Малая Тавда, Аширбек Ашманов — из Казахстана, беспартийные гвардии рядовые Федор Иванович Дроздов — бывший рабочий Сталинградского тракторного завода, кубанец Иван Филиппович Фисун и многие другие бойцы.

Короче говоря, желающих идти на штурм оказалось больше, чем их требовалось для формирования группы. Этот боевой порыв у людей был вызван двумя причинами: желанием как можно

быстрей вышвырнуть фашистов из дома, чтобы они не висели над полком, и радостной вестью о том, что советские войска, перейдя в наступление 19 ноября на Дону, на пятые сутки своих действий замкнули кольцо. В окружении оказались двадцать две гитлеровские дивизии, сто пятьдесят отдельных частей, в которых насчитывалось более трехсот тысяч солдат и офицеров.

— Задача войск 62-й армии заключается теперь в том, чтобы активными действиями с востока способствовать успешной ликвидации окруженной вражеской группировки в этом котле, — разъясняли тогда офицеры штаба и политотдела дивизии.

И, конечно, каждый из нас понимал, что штурм Г-образного дома как раз и является одним из проявлений той активности, которая так необходима для нашей победы.

Время начала штурма мы выбрали с таким расчетом, чтобы ворваться в дом под прикрытием темноты, а бой внутри этих сложных лабиринтов вести уже при дневном свете. Начало накопления группы назначалось на четыре часа утра.

Больше всего нам пришлось ломать головы над тем, как перед началом штурма подавить вражеские пулеметы на восточной стороне дома: ведь попасть в амбразуру в темноте на расстоянии тридцати метров было трудно даже такому прославленному снайперу, каким был у нас в полку Вернигора. Мы решили тогда применить для этого ручные огнеметы, которые бьют на пятьдесят-шестьдесят метров, а диаметр огненной струи на этом расстоянии достигает трех-четырех метров.

Но в полку не было огнеметов, и Панихин связался со штабом дивизии. На второй день в мое распоряжение поступили два огнеметчика. Оба они оказались молодцеватыми парнями-казахами. Одному из них было лет восемнадцать, другой — несколько постарше. Фамилии их я не помню, к сожалению. Беседуя с ними, я установил, что оба они еще не участвовали в боях. Это насторожило меня: выполнят ли они столь ответственное задание, от которого зависел успех нашей операции?

«Надо проверить, умеют ли они обращаться со своим оружием?» — подумал я и пригласил их под волжскую кручу. Нарисовал там амбразуру и отмерил от нее тридцать метров.

— А ну, хлопцы, показывайте свое мастерство, — распорядился я.

Задача была выполнена отлично.

— Рахмет жолдастар, жахсы атасын (спасибо, товарищи, хорошо бьете), — похвалил я их. И вот тут-то у меня и родилась новая мысль — провести генеральную репетицию со всем составом штурмовой группы. Я доложил об этом командиру

полка.

— Штурм назначен на первое декабря. В твоем распоряжении еще больше суток. Вполне можешь провести, — сказал Панихин.

В тот же день мы отыскали на берегу Волги полуразрушенное сооружение, похожее на восточную стену нижнего этажа Г-образного дома. Пробили в нем две амбразуры. Отойдя от стены на тридцать метров, то есть на такое расстояние, где группа должна накапливаться для штурма, протрассировали копию траншеи, идущей к Г-образному дому. В следующий день отрыли ее глубиною в колено, а перед стеной установили нечто подобное немецкому проволочному заграждению.

Во второй половине дня всем составом группы провели первую репетицию, познакомили участников с порядком накопления и действиями в начале штурма, с особенностями траншеи, проволочного заграждения и с местом каждого человека на исходном рубеже.

Вторую репетицию провели уже вечером, в условиях полной темноты. Она подсказала нам необходимость иметь в каждой группе ракеты с определенным набором цветов, которые могли бы служить средством опознавания.

Между второй репетицией и началом накопления группы оставалось немногим более четырех часов. Я приказал всем участникам штурма отдыхать. Но едва ли кто из них вздремнул хоть минутку. Каждый был занят последними приготовлениями к решительной схватке. Многие писали домой письма. Я с комбатами еще долго путешествовал по траншеям батальона, проверял готовность подразделений поддержать группу огнем станковых пулеметов и противотанковых орудий.

А время тянулось так медленно, что порой казалось, будто оно остановилось совсем. Наконец перевалило за полночь.

— Смотрите, товарищ майор, и природа способствует нам сегодня, — сказал Кулаев, указав в сторону Мамаева кургана, откуда легкий ветерок гнал густой туман.

Мы вышли к исходному рубежу. Здесь, на крутом склоне, соблюдая строжайшую тишину и светомаскировку, расположились гвардейцы. Они тихо переговаривались.

— Так ты, говоришь, третий раз идешь этот дом брать? — донеслось до нас со стороны обособленно сидевших двух бойцов.

Мы прислушались.

— Представь себе, третий, — отозвался второй.

— А ты?

— Я вообще первый раз иду в бой… Тебе страшно?

— Те два раза было страшно, а теперь нет.

— Почему же теперь не страшно? Привык, что ли?

— Нет, к смерти не привыкают. Просто верю в успех. Уж больно здорово подготовились этот раз. Похоже на то, как Суворов готовил солдат к взятию Измаила. Я уверен, что наши огнеметы, как клопов, изжарят немецких пулеметчиков, и мы без задержки войдем в дом. А там все будет зависеть от нас самих. Понял?

— Понял.

— Спасибо тебе, солдат, за добрую философию, — сказал я, подходя к поднявшимся с земли бойцам.

— Бронебойщик рядовой Роман Иванович Павлов, — четко представился гвардеец.

— Молодец! — похвалил я его и обратился к парторгу полка Николаю Васильевичу Фомину:

— Может, скажешь напутственное слово?

— Обязательно.

И он начал:

— Дорогие товарищи гвардейцы! Сегодня командование полка ставит перед нами одну из самых сложных задач — штурм Г-образного дома. И надеется, что задача будет выполнена по-гвардейски. Какое значение имеет захват этого дома, объяснять вам нечего. Каждый из вас был обстрелян из него не один раз. Друзья! Все мы слыхали об успехах Донского и Юго-Западного фронтов, которые замкнули кольцо окружения врага и блестяще громят его. Так

«…Теперь ли нам дремать в покое,
России славные сыны?
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем и в ужасах войны
Друзьям, Отечеству, народу
Отыщем славу и свободу…»

Это не мои слова. Их написал Федор Николаевич Глинка — участник Отечественной войны 1812 года. И привел я их здесь, чтобы напомнить в этот решающий час, что отстоять свободу своей Родины во все времена было нелегко. Но наши предки, не щадя своей жизни, отстаивали ее. Россия никогда не была под пятой у чужеземцев. Отстоим и мы свою социалистическую Родину от фашистских поработителей. В этом не может быть никакого сомнения. Смерть фашистским захватчикам!

После этого я спросил:

— Есть такие, кто по болезни или по другим причинам не могут идти в бой?

— Нет! — ответили все в один голос.

— Вопросы будут?

— Будут, — сразу отозвалось несколько человек. — Просим принять заявление о приеме нас в партию.

Фомин собрал десятка полтора заявлений. Они были написаны предельно лаконично и почти по шаблону: «Прошу принять меня в партию большевиков. Обязуюсь бить врага до полной победы. А в случае погибну, считайте меня коммунистом».

К тому времени командир 2-го батальона капитан Мудряк разведал траншеи и места накопления группы. Результаты были обнадеживающие. Мы приступили к действию: отделили часть группы и поднялись с ней на пригорок, залегли у начала траншеи.

Затаив дыхание, несколько минут всматривались в ту сторону, где зловеще вырисовывался силуэт дома, прислушивались к малейшим шорохам. Лежавший рядом Кулаев тронул меня локтем.

— Слышите? — прошептал он.

Я напряг до предела слух, но ничего не услыхал.

— Что вы уловили, Григорий Афанасьевич?

— Да, ничего. Просто думал, что вы слышите, как бьется мое сердце.

— Тьфу, ну вас к дьяволу, капитан. Оно сейчас у всех так бьется.

— Я готов к отправлению, товарищ майор, — доложил Исаев.

— Даю сигнал, — ответил я и пустил в небо зеленую ракету.

Пользуясь наступившей после угасания ракеты темнотой, лейтенант Исаев с разведчиками Иваном Глазковым, Вячеславом Яковлевым, Владимиром Мищенко, Вячеславом Беловым и связистом Алексеем Войтенко отправились к месту накопления.

Восемь минут показались мне вечностью. Наконец в телефонной трубке пропищали три коротких сигнала, возвестивших о том, что разведчики заняли исходное положение.

Со второй группой отправился Сидельников. А дальше все пошло своим чередом: после каждой серии телефонных гудков давалась ракета, Посылалась очередная группа гвардейцев.

Накопление группы было закончено на несколько минут раньше запланированного времени.

— Прошу дать сигнал о начале штурма, — чуть слышно прозвучал в телефонной трубке голос Сидельникова.

Волнуясь, я нажал на спусковой крючок. Взвилась зеленая ракета. В ту же секунду два шара оранжево-красного пламени, вырвавшегося из минометов, озарили стену дома. Одновременно

из оврага по южному и восточному крыльям дома ударили наши станковые пулеметы, противотанковые ружья и орудия, им стали отвечать огнеточки противника. Штурм начался.

Первыми в пролом стены бросились коммунист Корцан, комсомольцы автоматчики Дмитрий Малашенко, Иван Лобанов, командир отделения разведки старший сержант Алексей Донченко со своим отделением, а за ними — вся группа.

— Как там у нас? — поинтересовался я.

— Хорошо. Огнеметчики блестяще выполнили задачу. Немцы не успели и шелохнуться. Без единого выстрела мы ворвались в первое помещение. Продвигаемся дальше, — ответил Сидельников.

В это время в помещении раздался взрыв, и яркое пламя на секунду осветило руины.

— Что случилось? — спросил я.

— Взорвался «сюрприз», заложенный немцами в груде кирпичей. Три гвардейца выбыли из строя. Но, удивительно, фрицы все еще не оказывают активного сопротивления.

— Окажите помощь раненым. Продвигайтесь дальше, — приказал я.

Запищал второй телефон.

— Как дела? — спрашивал меня Кулаев, наблюдавший за штурмом из своего блиндажа.

— Отлично!

— А у нас, видите, что делается?

Из моего блиндажа хорошо просматривались восточная стена и все северное крыло дома. Там из черных прогалин стен, словно из множества наждачных точил, вылетали длинные искры. А в конце северного крыла часто мигали огни орудийных выстрелов.

— По-моему, товарищ майор, там пулеметов намного больше, чем мы определили разведкой. А бьют они в цель все-таки по нашему заказу! — с восхищением сказал комбат.

— Спасибо вам, Григорий Афанасьевич! — поблагодарил я его за хорошую выдумку. Речь шла о том, что Кулаев накануне штурма предложил создать у немцев ложное впечатление, будто мы и на этот раз наступаем из оврага. И сам осуществил эту идею. Темной ночью он с двумя солдатами пробрался к проволочному заграждению противника. Собрал куски громыхающей жести и в разных местах прикрепил ее к колючей проволоке. Затем к этому хламу комбат привязал один конец провода, прихваченного с собою, и протянул его в свой блиндаж.

А когда начался штурм, капитан стал непрерывно дергать провод. Загромыхали связки жести, заскрипело проволочное заграждение. А тут еще из оврага ударили наши пулеметы и

сорокапятки. В двух местах ложные группы дружно прокричали «ура». И дело было сделано. Гитлеровцы, как очумелые, открыли страшный огонь по оврагу, территории у внутреннего угла дома, не подозревая, что главный удар мы направили на восточную стену.

Снова зуммер.

— Застопорились, товарищ майор, — докладывал Сидельников. — Немцы заложили проходы, пробили железобетонные перекрытия пола, спустились в подвал и забаррикадировались там…

Задержка группы на этом участке до рассвета означала срыв штурма. Я приказал Сидельникову немедленно пробивать проход.

— Разрешите мне туда отправиться? — обратился ко мне Дмитриев.

— А проберетесь? Светает ведь…

— Проберусь… — и лейтенант шагнул в траншею.

Однако пробраться ему в дом не удалось. У самого входа в дом его подкараулил немецкий снайпер.

Долго пришлось гвардейцам таранить заложенный проход. Но вот еще один, другой удары ломом, зашатался кирпич и выпал из стены. В какое-то мгновение в образовавшееся отверстие фашист сунул гранату. Взрыв. Упали два гвардейца, выронили ломы, остальные отпрянули от стены. Лейтенант Исаев, находившийся поблизости, презирая опасность, пригнулся к пролому, бросил в него ответную противотанковую гранату. Гитлеровцы притихли. Гвардейцы снова взялись за работу. Еще несколько усилий, и им удалось проложить проход, протиснуться. В следующем помещении двери тоже оказались замурованными.

— На этот раз будьте умнее, — предупредил я Сидельникова. — Как только начнет шататься кирпич, опередите гитлеровцев, вместе с кирпичом толкайте туда гранаты, бутылки с горючей смесью…

Так и было сделано. Преодолев препятствие, гвардейцы, наконец, ворвались в обширное помещение.

Красноармеец Павел Соколов метнул гранату и устремился по узкому коридору, заваленному кирпичом, обломками столов и стульев. Он пробежал метров десять. И вдруг что-то тяжелое обрушилось на его голову. Все кругом поплыло, засвистело. Потом через несколько секунд, как сквозь крепкий сон, он услышал у самого уха какой-то странный звук, словно змея прошипела «шнель, шнель!», и ударило в нос отвратительным спиртным перегаром. Соколов тут же сообразил: «Немцы. Ух, гады! Они меня в плен живым тащат». Гвардеец собрал все свои силы, попытался вырваться, но три гитлеровца сжимали ему руки

и ноги, продолжали тащить.

«Вот и конец», — подумал гвардеец. И тут откуда ни возьмись старшина Иван Николаевич Кочетков. В его руках блеснул нож, и два гитлеровца один за другим свалились замертво, а третий отскочил в сторону, схватился за автомат. Но выстрелить не успел. Соколов ударил его под колено, навалился на него.

Тем временем комсомольцы Иван Лобанов и Петр Дергачев бросали гранаты и бутылки с горючей жидкостью в тылу гитлеровцев — на втором этаже.

Растерянные фашисты, отстреливаясь, кинулись к лестнице, пытаясь закрепиться на ее площадке. Преследуя их огнем автоматов и гранатами, красноармейцы буквально по трупам поднимались с площадки на площадку и вскоре оказались на самом верхнем этаже, полностью отрезав часть гитлеровцев от их основной группы.

Руины дома наполнились страшным грохотом, а из оконных проемов, пробоин повалили клубы дыма и пыли. Казалось, будто там проснулся и заклокотал вулкан.

Сержант Глазков, оказавшись на пятом этаже, заглянул в первую попавшуюся комнату. Там в панике суетились солдаты и унтер-офицер.

— Хенде хох! — крикнул Иван, держа над головой гранату.

Солдаты подняли руки. Однако унтер схватился за автомат. Тогда Глазков швырнул ему под ноги гранату и отпрянул от дверного проема. Унтер и два солдата устремились за ним. Но как только они переступили порог в коридор, Глазков дал по ним очередь из автомата. В ту же секунду в комнате раздался взрыв.

Унтер согнулся, схватился за живот и упал на глыбы кирпича. За ним попадали и солдаты.

Глазков снова заглянул в комнату и в оконных просветах увидел мелькнувшие спины гитлеровцев.

Три фашиста лежали недвижимо, четвертый спешил перезарядить автомат.

Сержант нажал на спусковой крючок автомата, но выстрела не произошло. Раздумывать было некогда. И он прыгнул к фашисту, пинком выбил из его рук оружие. Гитлеровец свернулся, как еж, и вдруг сильно ударил сапогом по ноге сержанта. Выдержав боль, сержант рванулся к врагу и ударил его в грудь кинжалом.

В Сталинграде успех боя порой измерялся захватом не только какого-либо здания, но даже отдельной глыбы кирпича или воронки. А мы к полному рассвету заняли почти четвертую часть восточного крыла дома. Чтобы удержаться, постарались ввести туда группу закрепления.

Это было сделано вовремя. Фашисты, израсходовав в темноте десятки тысяч патронов и сотни снарядов, стреляя впустую по погремушкам, подготовленным капитаном Кулаевым, утром поняли, что их одурачили. Пришли в неописуемую ярость: стали поспешно стягивать живую силу и технику в восточное крыло здания.

Сражение с каждым часом становилось сложнее и напряженнее. Появилась опасность просачивания врага в наш тыл из подвалов через люки. Мы ввели в дело свой резерв.

На всех этажах разгоралась стремительная схватка. Бронебойщики держали под обстрелом коридоры и другие проходы, били по вражеским амбразурам. Автоматчики уничтожали фашистов на лестничных клетках, потолочных перекрытиях. Саперы пробивали подполье, бросали туда гранаты, бутылки «КС» и термитные шарики, которые при горении давали температуру до трех тысяч градусов. Группа закрепления била по дому железнодорожников и северному крылу Г-образного здания.

Целый день длился жаркий бой. Лишь под вечер он стал несколько ослабевать.

Наконец, Сидельников позвонил:

— Отходят, паразиты!

— Преследуйте их по пятам, не давайте закрепиться, — приказал я и доложил обстановку Панихину. Дмитрий Иванович был очень обрадован.

Однако наша радость оказалась преждевременной. Гитлеровцы и не думали уходить. Они лишь заняли более выгодную позицию. Засели там, где авиабомба, пробив все этажи, взорвалась на дне подвала и тем самым как бы отрубила одну треть восточного крыла дома от остальных его помещений.

В жизни не обходится без парадоксов. Так случилось и здесь. Приняв решение об использовании этого более выгодного рубежа, противник и не подозревал, что именно этим он положил начало своего полного разгрома в Г-образном доме и, в конечном счете, потере этого крупнейшего опорного узла.

Прежде чем перейти на новую позицию, фашистам пришлось оставить дом железнодорожников, иначе создавалась бы угроза захода нашей группы в тыл этому зданию по траншее, непредусмотрительно прорытой к нему от Г-образного, — дома — восточнее пролома от бомбы. Оставляя дом железнодорожников, как менее важный объект в системе этого опорного узла, враг рассчитывал за счет гарнизона, располагавшегося в нем, усилить оборону Г-образного дома и, таким образом, во что бы то ни стало удержать господствующий объект.

Под прикрытием темноты гитлеровцы оставили дом

железнодорожников, и гвардейцы 42-го полка заняли его без боя.

За Г-образный дом враг держался очень цепко.

Используя образовавшийся разрыв в доме, они забаррикадировались на всех этажах и в подвальном помещении. Огнем автоматов и пулеметов не давали нам подойти к этой пробоине.

В грохоте боя к Сидельникову обратился Исаев:

— Усильте огонь на этажах, а я в это время с бойцами забросаю гранатами подполье. Попытаемся спуститься в подвал, проскочить на ту сторону пробоины.

— Это очень рискованно, но попытаться нужно, — согласился Сидельников.

Бросив гранаты в подвал, первый смельчак прыгнул туда и сам. В тот же час раздалась глухая автоматная очередь, и гвардеец, сделав несколько шагов по полу подвала, упал.

— Отставить! — крикнул Сидельников бойцу, приготовившемуся прыгнуть вслед за первым. — Там, в подвале, их чертова гибель собралась.

— Как же их выбить оттуда? — беспокойно размышлял Исаев.

В конце северного крыла вспыхнула ракета. Исаев успел глянуть в оконный проем, и его осенила мысль: «А что, если?.. Если выскочить в окно и обойти пробоину снаружи?»

Задумано — сделано. С одним из солдат он выскочил в окно. И только они успели пройти метра три вдоль стены, как на одном из этажей северного крыла дома мигнули огоньки и, будто град, застучали по стене пули.

— Ох! — вскрикнул боец и, хватаясь за стену, медленно опустился на землю.

— Ты что? — шепнул Исаев.

— Ноги… ноги, товарищ лейтенант, — проговорил боец.

— Проклятье! — выругался офицер. — Обнимай скорее меня за шею, — и он поднял солдата на руки, как малое дитя, и понес обратно.

Один за другим выбывали из строя бойцы. Требовалась помощь. Я обратился к командиру полка.

Панихин собрал человек двенадцать и строго предупредил:

— Это все, что можно снять с обороны. Больше не ждите ни одного человека.

С этим пополнением мы могли бы уверенно удерживать занятую нами часть дома. Но для дальнейшего продвижения его было явно недостаточно.

— Что делать? — задавали мы друг другу вопрос.

Снова нужно было придумывать какие-то хитрые мероприятия.

Как раз в это время генерал Родимцев разговаривал с Панихиным по телефону. В конце беседы он попросил соединить его со мной.

Я доложил обстановку.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил комдив.

— Подорвать бы их в подвале, — неуверенно ответил я. — Но у нас нет такого количества взрывчатки.

— Попробуем, — одобрительно отозвался Александр Ильич.

А минут через сорок-пятьдесят в Г-образный дом потянулись по траншее дивизионные саперы с ящиками взрывчатки.

Подготовить и произвести взрыв оказалось довольно сложным делом.

Подрывая гитлеровцев, мы могли погубить там и своих людей. Вывести же их за пределы дома — означало сдать снова его без боя.

Казалось, и выхода никакого нет. Но не зря же говорится, что солдат найдет выход из любого положения. Разведчик Иван Григорьевич Глазков, родом из Сталинградской области, автоматчик Федор Сильвестрович Куреленко — харьковчанин, сержант Алексей Михайлович Афанасьев — москвич, заявили, что они готовы остаться втроем в доме и до конца охранять подготовку взрыва.

— А как же потом, когда шнур догорит? — спросил Сидельников.

— Постараемся укрыться в завалах. Их же здесь много.

— Ну-ну… Рискованно, конечно…

— Останемся в живых — счастье, погибнем сообщите родным, — настаивали воины.

Нашлись и среди саперов такие же отважные люди.

Мы взвесили все доводы «за» и «против», всесторонне обсудили предложение гвардейцев, готовых стоять насмерть. Обсудили и приняли его.

Приступив к закладке взрывчатки, мы по частям вывели штурмовую группу за пределы дома, на исходное положение. Объяснили воинам, что взрыв послужит сигналом для возобновления штурма.

Оставшиеся в доме герои меняли позиции, стреляли, бросали гранаты, и фашисты даже не подумали о том, что их всего трое. А саперы тем временем делали свое дело. Когда же задымил бикфордов шнур и голубой дымок, извиваясь змейкой, пополз к заряду, смельчаки укрылись кто где мог. К счастью, все они остались живы.

Ровно в четыре часа второго декабря над Г-образным домом раздался взрыв. Мой блиндаж качнуло так, что со стен

посыпалась земля. И тут же понеслось:

— У-рр-а-а-а!..

Атака возобновилась.

Взрыв оказался удачным. Этажи и потолочные перекрытия подвала по обе стороны бомбовой воронки обрушились и соединились с полом, погребли под собой сотни фашистских вояк.

Подобрав обезумевших от взрыва солдат, гитлеровцы начали отходить. Они цеплялись за каждую груду кирпича, яростно отстреливались и бросали гранаты.

Охваченный героическим порывом, Сидельников вырвался вперед.

— За мной, товарищи! — крикнул он.

Перед ним разорвалась граната. Осколком ударило в живот. Офицер на какое-то время потерял сознание. А когда пришел в себя, бой уже гудел далеко от него. Сидельников прислушался и улыбнулся, радуясь тому, что ничто не могло остановить его воинов. Презирая смерть, они в кромешной темноте громили врага, продвигаясь вперед. Ими умело руководил лейтенант Исаев.

Около восьми часов Исаев позвонил:

— Группа полностью очистила от гитлеровцев восточное крыло дома. Готовимся к штурму северного крыла.

Я доложил об этом командиру полка. Он отдал распоряжение Мудряку, и тот ввел в дом часть своего батальона и там закрепился. Ближе к дому подтянул свою батарею 76-миллиметровых пушек и старший лейтенант Г. Т. Педорич.

Исаев тем временем произвел разведку и сообщил:

— Крупная авиабомба ударила в стык крыльев дома, завалила все проходы. А главное, немцы с трех сторон обстреливают это нагромождение. Пробраться через него невозможно.

— Что же вы предлагаете? — спросил я лейтенанта.

— Не знаю, что делать, товарищ майор. Видимо, нужно ждать ночи, чтобы под прикрытием темноты попытаться перемахнуть через завал…

— Что же вы думаете, фашисты до ночи будут сидеть сложа руки? Да они за это время закрепятся и встретят вас так, что и отползти не успеете… Нет, такой вариант не подходит.

— Это верно, — согласился Исаев и предложил — А что, если попробовать выскочить в углу дома в окно и с улицы проникнуть в дверь подвального помещения того крыла? Расстояние там от окна до входа метров пятнадцать будет.

— Правильно. А если перед броском метнуть в подвал еще

парочку гранат, может, что и выйдет. Готовьтесь, а я подумаю, чем вам помочь.

Прежде чем послать людей на такое рискованное дело, я проинформировал об этом Панихина. Заручившись его согласием, передал распоряжение комбатам — открыть огонь из станковых пулеметов по всем амбразурам, окнам и подвальным выходам северного крыла, чтобы «ослепить» фашистов.

Начали работать наши пулеметы. Лейтенант Исаев, помощник командира взвода пешей разведки гвардии старшина Владимир Ругаль — бывший шахтер из Приморскоро края, сибиряки рядовые Алексей Бурба и Михаил Бабаевский забросали гранатами выход подвального помещения и, обстреливая его из автоматов на ходу, ворвались в подвал и завязали там гранатный бой. За ними бросились остальные гвардейцы.

Напуганные возможной изоляцией своих и пленением, фашисты стали поспешно отходить в конец северного крыла дома, а оттуда по траншее через улицу в 38-ю школу.

Бой закончился. Ровно в двенадцать часов по всему Г-образному дому прогремело громкое «ура», раздались дружные залпы. Это герои штурма салютовали в честь своей победы. Я доложил Панихину об окончательном очищении всего дома от врага.

— Сердечно поздравляю тебя и всех гвардейцев с замечательной победой! — кричал в микрофон Дмитрий Иванович и тут же отдал распоряжение Мудряку ввести в дом остатки своего батальона.

Через несколько минут ко мне в блиндаж пожаловал начальник штаба дивизии гвардии полковник Тихон Владимирович Бельский. Он подошел к амбразуре блиндажа и принялся рассматривать дом. А потом пристально взглянул в мое усталое и уже изрядно обросшее лицо, сказал:

— Что-то никого не видно в доме. Как убедиться в том, что он полностью находится в наших руках?

— Для этого лучше всего, товарищ полковник, пройти в дом, но это небезопасно. Фашисты все еще продолжают держать подходы к нему под сильным минометным обстрелом…

Тихон Владимирович задумался. А я тут же нашел выход: взял телефонную трубку и, когда услышал голос Мудряка, попросил его выслать на все этажи дома солдат, чтобы они помахали нам из окон и проломов шапками.

Так и было сделано. Доказательство оказалось убедительным. Полковник крепко пожал мне руку и поздравил с победой.

— Честно говоря, в штабе дивизии к сообщению полка о взятии дома отнеслись с недоверием.

Я молча пожал плечами.

— Ну, добро, — сказал Бельский и направился к выходу.

Я вышел проводить его. И мы еще долго разговаривали под крутым обрывом, наблюдая за открывшимся движением автомашин и обозов через Волгу.

Прощаясь со мной, начальник штаба сказал:

— Теперь ваша задача превратить этот дом в неприступную крепость.

— Постараемся, товарищ полковник. Мы уже начали это делать.

Вторую половину дня мы были заняты перестройкой обороны полка и подсчетом трофеев. Они оказались для уличных боев довольно солидными: два противотанковых орудия, шесть ротных минометов, двенадцать пулеметов, более пятидесяти винтовок и автоматов, два склада — вещевой и боеприпасов, два вражеских боевых знамени. Все это и более пятидесяти никелированных кроватей, обособленная кухня и столовая на такое же количество офицерского состава, находившиеся в подвальном помещении северного крыла, указывали на то, что здесь располагался довольно крупный фашистский гарнизон, поддерживаемый частями из других кварталов.

Сколько там было уничтожено живой силы, сказать трудно. Ведь основная часть гитлеровцев была привалена в подвале в результате взрыва, на этажах многие разорваны в клочья. Остальных — убитых и раненых — противник успел эвакуировать в 38-ю школу по траншее, которая была сплошь залита кровью.

Успешное завершение штурма явилось большим праздником полка. Из всех частей дивизии летели поздравления — и по телефону, и письменно. Самым дорогим для меня было поздравление командира дивизии. Он вызвал меня к себе и, как опытный полководец, лично испытавший горечь и радость в смертельных схватках с врагом, поблагодарил за смелую инициативу и вручил первую боевую награду — орден Красной Звезды, к которой я был представлен еще будучи комиссаром минометного дивизиона.

В то время орден Красной Звезды считался высокой боевой наградой. И я его был удостоен за бои весной 1942 года. Мы тогда отступали с тяжелыми боями от Харькова. Где-то под Кантемировкой обстановка сложилась для нашей тринадцатой так, что минометный дивизион оказался отрезанным от нее. К тому же, как на грех, сильно заболел командир дивизиона Георгий Чичинадзе. Пришлось мне, комиссару, принимать командование и прорываться из вражеского окружения. 16 суток пробивались мы к Дону. На семнадцатые переправились через

реку на подручных средствах. Почти весь личный состав, двенадцать 120-миллиметровых минометов и 176 лошадей были сохранены и приняли участие в дальнейших боях.

Штурм Г-образного дома, как писал потом в своей книге «На последнем рубеже» А. Родимцев, по определению командующего 62-й армией В. И. Чуйкова, явился лучшим образцом решения сложнейших тактических задач в уличных боях. Он так и подчеркнул, что «эта операция вошла в арсенал 62-й армии как одна из выдающихся».

Захват дома позволил полку за счет ликвидации клина по оврагу Крутому сократить свою линию обороны почти вдвое, а сам дом превратить в серьезный опорный пункт, оснащенный противотанковыми орудиями и станковыми пулеметами, где вся система огня строилась с учетом накопленного опыта в уличных боях.

На всех этажах этого огромного объекта мы установили всего два станковых пулемета и пять-шесть снайперских постов. Остальное оружие было перенесено в подвальные помещения.

В подвалах пробивали стены железобетонных фундаментов, рыли тоннели, в конце которых делали вертикальные выходы. Точка выхода определялась краем нагромождения кирпича от разрушенных стен. Это нагромождение было хорошей маскировкой и не закрывало впереди лежащего пространства.

Построенная таким образом оборона показала свои преимущества уже на второй день. Немцы, подтянув артиллерию, танки и автоматчиков, попытались возвратить дом. Весь огонь, все свое внимание они сосредоточили на наших огневых точках, расположенных на этажах. Вскоре, считая их подавленными, гитлеровцы смело бросили танки и пехоту к стенам дома.

Вот здесь-то, в прямом смысле этого слова, перед фашистами из-под земли ударили наши орудия и противотанковые ружья. Кинжальный пулеметный огонь встретил пехоту.

Шесть тяжелых атак отразил в тот день батальон Мудряка, а сержант адыгеец Меджид Тлий подбил из 45-миллиметрового орудия два танка.

Долго еще неистовствовали гитлеровцы. Но мы, отражая их атаки, продолжали закрепляться, совершенствовали подходы к дому от реки.

Вскоре к нам повалили гости. У нас часто стали бывать командиры и солдаты не только нашей, но и других дивизий.

Капитан Мудряк, закрепившийся со своим батальоном в доме, был хорошим начальником гарнизона — этого крупнейшего опорного пункта — и отличным экскурсоводом. А посетителей с каждым днем становилось все больше и больше.

Первыми пришли товарищи из пулеметного батальона. Это — комбат Плетухин, ставший к этому времени майором, Шарафутдинов и Люда Гумилина. Обойдя со мной дом, они горячо поздравили нас с боевым успехом.

— Ну, а вы как живете? — спросил я гостей.

— Да как? Все эти два дня, пока вы их тут молотили, мы ходили сами не свои, — призналась Люда.

— Раз пять я пытался звонить вам, но разве здесь было до меня, — добавил Плетухин.

— Спасибо вам, друзья, за доброе слово, — поблагодарил я товарищей. — Садитесь, дорогие, рассказывайте о своих делах. Как там новый замполит?

— Наши дела по-прежнему хороши, — примащиваясь поудобнее на кирпичах, начал Плетухин. — А насчет замполита… Что можно сказать? Бесстрашный, строгий и в то же время душевный, чуткий человек. После вашего ухода раза два еще немцы пытались прорваться по берегу. Но мы так же, как и при вас, всыпали им, и они притихли. Меньше стали осаждать пивоваренный завод.

— Пивоваренный… Кстати, как там чувствует себя Иван Сидорович?

— Жив-здоров. Только с командирами рот ему все-таки не везет. Третьего назначили. Полякова, помните? Вначале командиром взвода, а потом замкомроты был…

— Как же не помнить Алексея Ивановича? Боевой командир.

— Тот самый Поляков, что приходил к вам на меня жаловаться, — уточнила Люда.

— Смешная история была, — вспомнил я.

— А я что-то не слыхал. Расскажите, — попросил майор.

— Рассказывайте, Люда, — предложил я девушке.

— Было это во время сильного ледохода. У меня вышли все медикаменты, а у Полякова разболелся живот. Корчится, просит помощи. Я налила полмензурки реванола. Выпил он. Полегчало. Отлежался малость, ушел, а через несколько минут вернулся.

— Люда, ты чем меня напоила?

— Лекарством, — говорю.

— Лекарством-то лекарством. А каким?

— Обыкновенным.

Поляков подошел к столику, на котором стояла бутылка с желтой жидкостью, прочитал: «Наружное… Реванол».

— Ах, вот ты чем напоила меня! Какой же ты врач после этого? Этой дрянью раны промывают, а ты дала мне пить… — и кинулся на меня с кулаками. Я выскочила из блиндажа, он за мной. — Никуда ты от меня не убежишь. Я тебя проучу. Пошли к

комиссару…

Ну, а дальше что было, пусть расскажет комиссар.

— А дальше Поляков все это мне и выложил. Потом попросил наказать Люду. Но вам-то полегчало? — спросил я его.

— Полегчало, товарищ комиссар. Только вот, как вспомню, что этой жидкостью раны промывают, так…

— Все пройдет, товарищ старший лейтенант. Можете идти.

Поляков козырнул и ушел. Я дал Людмиле нагоняй, чтоб она, применяя психотерапию, аккуратней хранила медицинскую тайну.

Когда я закончил рассказ, все от души посмеялись.

— Все это прошлое. Рассказывайте лучше о сегодняшних днях батальона.

— Что о них рассказывать?.. Стоим на месте, воюем. Снайпер Насретдинов на своем боевом счету уже более тридцати убитых фашистов имеет, — сообщил Плетухин.

— А как там сержант Родичев, жив, здоров?

— Это наша гордость. Вы помните курганчик, против Госбанка, который он отбил в первые дни?

— А как же, помню.

— Так вот этот курганчик Николай превратил в неприступный бастион. Сколько его фашисты штурмовали — взять не смогли. По неполным подсчетам, пулеметный расчет Родичева истребил около двухсот захватчиков.

— Молодец Николай! Передайте ему мой сердечный привет и пожелание бить так же фашистов и дальше до полной победы.

— Обязательно передам. Да вот еще. чуть не забыл.

Привет вам от Харитонова. Пишет, что занимается по десять-двенадцать часов в сутки. Программу усваивает хорошо. По окончании возвратится в дивизию. Полк, наверное, дадут ему?

— Возможно. Теперь-то он справится и с полком, — заключил я.

Плетухин посмотрел на часы и заторопился:

— Пожалуй, нам пора идти…

Проводив гостей, я вошел в штабной блиндаж. Здесь, как всегда, мерцала коптилка, пахло сыростью.

— Вот он, сам явился. А мы за тобой хотели посылать. Знакомьтесь. Военный корреспондент, — сказал Данилов.

Со стула поднялся капитан выше среднего роста, широкоплечий, несколько располневший.

— Каплер, Алексей Яковлевич, — подавая мне руку, представился капитан.

— Каплер? Что-то вроде знакомая фамилия, — улыбнулся я.

— Еще бы не знакомая! Кинофильм «Ленин в Октябре»

видел? Так вот, он и есть автор сценария, — пояснил подполковник.

— Правда?! — вырвалось у меня.

— Представьте себе, правда, — улыбнулся Каплер.

— Чем могу быть полезен вам?

— Алексея Яковлевича интересует Г-образный дом, разумеется. Нужно показать ему все и рассказать подробно о штурме.

— Серьезно, хотите пройти туда? — спросил я журналиста.

— Очень даже… А почему вы так спрашиваете?

— Туда идти небезопасно.

— Но вы же ходите. А почему я не могу пройти вместе с вами?

— Мы не ходим, а ползаем.

— И я поползу…

— Прямо из Москвы? — перевел я разговор в другое русло.

— Да. Прямо из Москвы, — улыбнулся капитан.

«Прыткий. Ну, ничего, посмотрим, как ты поползешь. Это тебе не кино снимать», — подумал я с некоторым ехидным превосходством. А вслух сказал:

— Я готов. Можем идти.

Мы вышли из блиндажа. На дворе вечерело. Висел сырой туман.

Миновав Крутой овраг, узким ходом сообщения мы вползли в блиндаж, откуда я руководил штурмом.

Припав к амбразуре, Алексей Яковлевич долго рассматривал черный силуэт дома. При этом он без конца задавал вопросы. Его интересовало все: откуда стреляли немцы, откуда били наши пулеметы, сорокапятки, где кричали «ура» ложные группы, кто ими руководил, в чем заключался смысл штурма… Все он записывал в свой блокнот.

«Дотошный», — определил я и стал проникаться к нему уважением.

Из блиндажа мы поползли в Г-образный дом. Где-то на пол пути вдруг послышался нарастающий, с понижением тона свист. В тот же миг над нами ослепительно сверкнуло и грохнуло так, будто взорвался земной шар. В траншею обрушились комья мерзлой земли и снега.

— Хорошо рвануло, — усмехнулся корреспондент.

— Вам приходилось уже быть на передовой?

— Не раз. Даже в глубоком тылу врага у партизан…

«Ну, и ну! А я-то принял тебя за щелкопера», — думал я.

Из блиндажа мы без особых происшествий добрались до места. В Г-образном доме капитан не пропускал ни одного

гвардейца, чтобы не расспросить его, что он чувствовал и что именно делал во время штурма, старался запомнить их лица, присматривался к их манерам. Потом попросил показать ему хотя бы одну огневую точку противника.

— Что вы, товарищ капитан! Это очень опасно, — предупредил Мудряк.

— Но вы же смотрите?

— Мы… Нам положено… — сбился комбат.

— А вы и мне положите…

Каплер добился своего. Через пулеметную амбразуру он увидел на той стороне улицы, в стене 38-й школы, не только черные дыры-бойницы, но и вражескую стрельбу из пулемета и остался с нами ночевать.

Утром появился кинооператор Орлянкин.

— Хочу доснять некоторые детали штурма и особо отличившихся героев боя. Ночью все это нельзя было снять.

— Это верно, — согласился я.

Съемки заняли у нас почти целый день и закончились тем, что Орлянкин предложил мне сняться крупным планом, отдающим распоряжения по телефону.

Когда было подобрано место и я уже сидел с микрофоном у рта, к нам подошел кто-то в черной каракулевой папахе. Кинооператор глянул и вдруг сказал:

— Стоп! А ну-ка, товарищ майор, наденьте эту шапку.

— Зачем, это же не по форме будет.

— Не по форме, зато здорово.

Чего не сделаешь перед объективом кинокамеры. Надел я эту папаху и лихо заломил ее верх назад.

— Ну вот видите, как настоящий Чапаев стали, — довольно улыбался Орлянкин.

Тихо протарахтела кинокамера, и съемка завершилась.

В конце дня гости собрались уходить. Я провел их по лабиринту руин на восточную стену дома. Здесь Каплер сказал:

— А знаете что, братцы? Давайте снимемся на фоне этой развалины.

— Идея! — подхватил Орлянкин.

Я поддержал их…

Шло время. И вот ровно через двадцать шесть лет я снова увидел Алексея Яковлевича… на экране своего телевизора. Он вел кинопанораму и в конце передачи показал четыре фотографии.

Среди них была и та, фронтовая, снятая у Г-образного дома. Конечно, я в тот же вечер написал Алексею Яковлевичу письмо и попросил выслать мне эту фотографию. Он выполнил мою

просьбу. Теперь я храню эту фотографию как самую дорогую для меня реликвию.

После Каплера и Орлянкина в Г-образном доме побывали писатель Николай Вирта и многие журналисты.

По этому случаю Данилов как-то заметил:

— А что, товарищи, не думаете ли вы, что эти писатели, журналисты могут и перехвалить нас?

Однако его опасения оказались напрасными. Прошло немало времени, но никто из них не написал об этом штурме ни слова. И тогда замполит с грустью сказал:

— Что ж, видно, бывает, что и журналисты мимо стреляют.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Весь декабрь часто шел густой снег, стояли жестокие морозы. Волга покрылась белым покрывалом, слившись с берегами. Вереницей по ней шли обозы, автомашины. Лишенные Г-образного дома, гитлеровцы не могли теперь на этом участке обстреливать наш транспорт непосредственно из пулеметов. И работники тыла беспрепятственно доставляли нам боеприпасы, продовольствие, горючее.

— Жить стало лучше, жить стало веселее, — радовались бойцы.

Зато в стане врага, по всем признакам, загрустили. Все реже и реже оттуда доносились песни пьяных вояк, писк губных гармошек, и совсем уж перестали орать репродукторы свои угрозы: «Русь, сдавайсь! А то Вольга буль-буль будешь!»

Последний раз они пытались выставить репродуктор в 38-й школе. Но едва из него вырвалась пара слов, как кто-то из наших снайперов всадил в него пулю. После этого фашистские пропагандисты делали попытку говорить в жестяной рупор, но и здесь их постигла такая же участь.

Приближался Новый год. В полк все больше и больше прибывало посылок с подарками. Они шли со всех концов советской земли — от колхозников, рабочих, школьников. В этих обшитых мешковиной ящичках было все: и связанные руками какой-то бабушки теплые варежки и носки, и грузинские апельсины, и алма-атинские яблоки, папиросы, ветчина и колбасы, сибирские кедровые орехи и другая снедь. Во всех посылках, как правило, были записки: «Лучшему гвардейцу полка», «Лучшему снайперу части». В коллективных письмах говорилось: «Дорогие наши отцы, мужья, сыновья, братья, наши славные защитники! Ждем от вас победы. Лучше бейте фашистов…»

Эти посылки и письма с особой силой подчеркивали неразрывность фронта и тыла демонстрировали непреодолимое желание всех советских людей быстрее одержать победу.

В один из таких предновогодних дней я шел по узкой траншее и лицом к лицу столкнулся с письмоносцем.

— Минуточку, товарищ майор, письмо вам есть, — сказал он и подал мне тетрадный лист, свернутый треугольничком.

— Спасибо, — поблагодарил я бойца и направился в штаб.

В землянке я развернул конвертик. Письмо было написано детской рукой. В нем говорилось:

«Здравствуйте, дядя Вася! Пишет ваш племянник Шура. У нас

большое несчастье. Только что мы получили похоронную — в октябре убит наш папа. После получения похоронной наша мама сильно заболела, и мы теперь сами топим печь, варим и стираем, но у нас нет топлива, а зима холодная…»

Прочитав последнюю строчку, я пустил в адрес фашистов несколько слов, от которых самому Гитлеру тошно стало.

— Что это ты, Калиныч? — удивился Данилов.

— Брата убили под Ленинградом. Из троих я теперь один остался. Самый старший брат прошел всю гражданскую войну. В 1922 году был командиром, погиб от рук басмачей. А этот, что погиб под Ленинградом, был механиком в МТС. В начале войны призван рядовым. И вот теперь осталось три малыша. Что с ними будет делать эта больная женщина? Правда, ей помогает мой отец, но какая от него может быть помощь? Ему уже восемьдесят два года.

— А ты сам-то помогаешь отцу?

— А как же? Высылаю по аттестатам.

— Не падай духом, Калиныч. Я сочувствую тебе. Постигшее тебя горе — теперь горе всего нашего народа. Будем надеяться, что скоро и на нашу улицу придет праздник.

В новогоднюю ночь установилась безветренная пагода. Падал пушистый снег. По всей линии обороны полка было тихо. Это зловещее затишье настораживало нас.

Уж не замышляют ли чего коварного немцы? — думали мы и привели свою оборону в особую боевую готовность. С вечера я со своим ординарцем Хоменко отправился на правый фланг полка, в батальон капитана Гущина. Потом перешел в овраг, в расположение первого батальона. Там произошел со мной случай, воспоминание о котором и сейчас вызывает дрожь во всем теле.

Было уже около десяти часов вечера. Где-то за Г-образным домом выл немецкий шестиствольный миномет. Изредка татакали пулеметы, а поблизости стояла непривычная тишина.

Мы шли гуськом по извилистой траншее. И только миновали один из многих ее изгибов, как из ниши в стене хода сообщения передо мной выросла фигура солдата с винтовкой наперевес. Послышалось щелканье затвора и крик:

— Стой!.. Стой! Кто, свой? Стрелять буду!

Раздумывать было некогда. Я подскочил к кричавшему и ударом кулака подбросил ствол винтовки кверху. Пуля дзенкнула над моей головой. Мы навалились на стрелявшего, осветили фонариком его лицо, и сразу же узнали молодого бойца Мамедкулиева. Он дрожал и плакал.

— Что случилось? Почему стреляли?

— Немножко спал, потом показалось, что немцы идут, —

всхлипывая, проговорил боец.

— Что с тобой делать? — спросил я.

— Не надо делать. Я больше никогда не буду спать.

Этот нелепый случай в батальоне Кулаева был единственным. Весь же батальон стоял начеку, готовый не только к отражению внезапного удара врага, но и к решительной контратаке.

Во всех блиндажах чувствовалось праздничное настроение. Не скажу, что там стояли нарядные елки, но ветки других деревьев были. На них висели конфеты, звездочки, печенья, а нередко и деды морозы.

Как же дороги были эти убранные веточки, напоминавшие людям счастливые довоенные новогодние вечера, которые когда-то, может быть, были кем-то не замечены, недооценены. Каждому в этот вечер хотелось сказать что-то теплое, задушевное, поделиться своими чаяниями и думами. Кажется, за всю свою жизнь я нигде и никогда не был таким желанным гостем, как в тот вечер у хозяев окопов и блиндажей. Сколько было прочитано мне радостных и печальных писем, присланных из далеких, но таких близких и родных краев.

Один молодой боец похвалился, что где-то в далекой тайге, под Верхоянском, его жена скоро должна родить сына. В письме спрашивает, какое дать ему имя.

— Какое бы вы посоветовали, товарищ майор?

Я помедлил с ответом.

— А ты, друг, когда из дома? — подхватил кто-то из бойцов. — Поразмысли хорошенько, не сюрпризик ли тебе подготовила женушка!

Раздался дружный смех.

— Ну уж это ты брось! — обиделся молодой муж. — У нас в тайге на этот счет строгие законы. А из дому ушел четыре месяца назад. Понятно?!

— Да ты не петушись, — успокоительно сказал насмешник. — Ты вот послушай, что моя стерва этакая пишет. Семь лет я жил с ней, по-честному, без баловства. А вот ушел на фронт, и она… «Извини, прости, нашелся другой».

— Ну не все же такие, как твоя, — сказал молодой гвардеец и снова обратился ко мне. — Так как вы думаете, товарищ майор, насчет имени сынку?

— Думаю, что надо дать ему имя в честь какого-нибудь нашего полководца.

— Правильно, — отозвалось разом несколько голосов. И начали перечислять имена великих полководцев.

— А как вас зовут? — спросил я будущего папашу.

— Ильей.

— Вот здорово! Значит назовете сына Александром.

— Почему Александром?

— Подумайте.

— Правильно, товарищ майор. Кто же еще может быть лучшим и близким нам полководцем, как не Александр Ильич Родимцев, — подал голос из угла блиндажа красноармеец.

— Верно! Так что, Илья, напиши своей жене, что, мол, взводный совет постановил назвать вашего сына Александром и объясни почему.

— А ты, браток, — обратились к бойцу, чья жена подыскала себе другого, напиши своей шалаве или, как ты ее там назвал: «Мы тут кровь проливаем, жизнь отдаем за тебя. А ты там бесишься, не знаешь, куда дурь свою девать. Не человек ты, а прихвостень фашистский, и тот, кто с тобой связался, — такой же, как и ты».

— Да ну ее к черту! — сказал помощник батальонного повара. — Хочется вам вспоминать о ней в такой торжественный вечер? Лучше давайте я вас угощу наркомовским пайком, положенной нормой «горючего» и пойду дальше колядовать. Мне ведь до двадцати четырех нужно обойти все блиндажи роты.

— Вот это правильно, — согласились бойцы.

Время неумолимо двигалось. Приближалась полночь. Мы торопились во второй батальон. В Г-образный дом добрались как раз в тот момент, когда раздался звон московских курантов.

— Кажется, успели… Но уж не почудилось ли нам? — удивился я, прислушиваясь к чудесным звукам.

Да, это били Кремлевские куранты — во весь голос говорила величавая Красная площадь. В разбитых стенах дома звон усиливался и летел дальше над израненным городом. Сняв шапки, его слушали с замиранием сердца защитники Сталинграда. К нему прислушивались враги… А когда кончился перезвон и грянул «Интернационал», почти совсем утих бой.

Но вот кончился гимн. Диктор поздравил советских людей с наступившим новым, 1943 годом. Из репродуктора полилась веселая праздничная музыка. А фашисты с яростным остервенением открыли артиллерийский и минометный огонь.

Я подошел к своим корректировщикам артиллерийского огня. Поздравил их с наступившим новым годом и от души поблагодарил за то, что они на несколько минут использовали для благородного дела боевую радиостанцию, подключив к ней усилитель, неведомо где раздобытый гвардейцами второго батальона.

Потом мы с Мудряком обошли все огневые точки. Везде

солдаты и командиры бодрствовали, зорко следили за каждым подозрительным движением врагов.

Так мы вступили в 1943-й год, внесший огромный вклад в коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

СЕВЕРНЕЕ МАМАЕВА КУРГАНА

Поздно вечером десятого января меня вызвал к себе Панихин.

— Завтра мы должны сдать свой участок обороны и в течение ночи перебраться в район завода «Красный Октябрь». Вся дивизия переходит туда, — сообщил он мне о только что полученном приказе.

Перемещение дивизии, как мы узнали позже, было связано с весьма важными событиями, происшедшими в Сталинградской битве. Фашистское командование отказалось принять советское предложение о капитуляции.

…Военный совет фронта издал приказ о наступлении. Советские войска приступили к ликвидации окруженной группировки врага.

Сдав участок обороны другой части, полк вечером 10 января, соблюдая тишину и светомаскировку, стал продвигаться к новому месту дислокации. Переход был небольшим, но трудным, не один раз перерытая и исковерканная снарядами и бомбами земля обледенела. Было очень скользко. А в придачу к этому на нашем пути то там, то здесь методично рвались вражеские снаряды.

Где-то на подходе к инструментальному заводу, разбитому до основания, увидели «мертвую зону»: ни одной воронки, ни одного черного пятна на снегу, словно кто волшебной палочкой отвел все бомбы и снаряды.

— Странно! Будто и войны здесь не было, — заметил Мудряк, шедший рядом со мной.

Вскоре загадка раскрылась: пройдя еще несколько метров, мы увидели сотни заснеженных заводских станков, прессов, электромоторов. Они сиротливо стояли рядами вдоль железнодорожного полотна, приготовленные к эвакуации. Обнаружив с воздуха это ценное оборудование, фашисты не дали нашим его вывезти и не стали портить. Видимо, надеялись сами использовать его после захвата Сталинграда.

Утром 11 января полк занял оборону в районе завода «Красный Октябрь» по улице Промысловой. Именно отсюда нам и предстояло наступать, чтобы встретиться с частями Донского фронта и окончательно уничтожить раненого, но еще недобитого фашистского зверя.

Ночное перемещение и сосредоточение нашей дивизии на новом участке обороны фашисты прозевали. Зато весь следующий день они старались отомстить нам за свою оплошность — яростно и методично били из тяжелой артиллерии и минометов.

Готовясь к большим наступательным боям, полк в то же

время продолжал совершенствовать оборону занятого им участка, вел разведку, принимал пополнение. В основном к нам прибывали бойцы, как говорится, уже обстрелянные, но человек пятнадцать попало и новичков.

— Что с такими бойцами делать будем? — спросил я командира полка.

— Отбери их в одну группу и направь в первый батальон.

Так я и сделал.

— Принимай пополнение, Григорий Афанасьевич, — сказал я капитану Кулаеву… — Только имей в виду, что ни один из них еще не держал винтовки в руках.

— Пустяки, товарищ майор. К вечеру все будут вояками, — оптимистически ответил комбат.

К концу второго дня я зашел в этот батальон.

— Как учеба? — спросил я бойцов.

— Какая там учеба? Мы теперь сами можем быть инструкторами стрелкового дела, — смеясь, говорили они. — Разрешите показать?

— Давайте.

Пулеметчик взял диск, набил его патронами, зарядил пулемет. Отошел метров на пятьдесят, положил на бугорок немецкую каску, возвратился и прилег к пулемету. Дал по каске очередь и изрешетил ее всю.

Честно скажу, я был в изумлении.

— Если все бойцы так же хорошо овладели и другим видом оружия, вы — кудесник, Григорий Афанасьевич, да и только!

— А что здесь особенного, товарищ майор? Сколько раз в месяц приходилось стрелять и разбирать бойцу пулемет в мирное время? В среднем не больше двух раз. А здесь за эти два дня они разбирали и стреляли из него не меньше, чем по пятьдесят раз. Вот и считайте, что они прошли двухгодичную программу.

Пополнение прибывало. Обучение продолжалось. Тем временем советские войска, нанося удары по окруженной группировке Паулюса, успешно продвигались к Сталинграду. Чтобы не допустить переброску вражеских частей из города на запад, с утра 17 января части 62-й армии перешли в наступление.

В нашей 13-й гвардейской дивизии первым вступил в бой 34-й полк. Всю ночь он готовился к атаке и к рассвету занял исходное положение в непосредственной близости от вражеских позиций.

Накануне наступления офицеры управления полка разошлись по подразделениям. Я оказался в батальоне Кулаева. Он наступал на вражеский гарнизон, укрепившийся в развалине небольшого домика, от которого тянулся ход сообщения к дзотам,

расположенным по северо-восточному склону Мамаева кургана.

Начало штурма намечалось на 10.00. Сидя в укрытии, капитан Кулаев с присущей ему нетерпеливостью без конца посматривал на часы и, нервно причмокивая языком, повторял:

— Вах, вах, кто выдумал эту пытку: с рассвета до десяти сидеть без дела под самым носом у фрицев?!

— Не горячись, Григорий Афанасьевич, успеем, — успокаивал я и, чтобы отвлечь его, спросил — Зачем вы сняли медаль «За отвагу»?

— С этой медалью целая история вышла. Иду я вчера по траншее, гляжу: на утоптанном снегу медаль лежит. Вот, думаю, растяпа какой-то потерял награду. Поднял ее, положил в карман. Вечером, когда пришел в блиндаж, снял китель. О! А где же моя медаль? Тут я вспомнил про ту, которую нашел. Посмотрел на номер и выругался— медаль-то оказалась моя. Игла приколки сломалась, понимаете… Нитками пришью сейчас…

Ровно в 10.00 за Волгой раздались залпы артиллерии. Несколько снарядов и мин разорвалось на склоне горы и в глубине обороны противника. Кулаев поднял людей. Гвардейцы — сталинградец Николай Филатов и Зарылкан Нордубаев из Восточного Казахстана — подобрались к развалинам дома, забросали его гранатами. Пэтээровцы били по амбразурам дома.

Объект был взят без особых трудностей. Но дальнейшее продвижение приостановилось.

За развалинами дома лежала ровная полянка, обстреливаемая пулеметами противника. Пройти через нее было невозможно. Попытка использовать ход сообщения, идущий от дома к вражеским огневым точкам, также оказалась безуспешной.

Бронебойщики открыли огонь по пулемету, и вскоре он заглох. Но как только один из бойцов опустился в траншею, огневая точка снова ожила. Атака сорвалась.

В течение дня полк продвинулся местами метров на шестьдесят-восемьдесят, подавил несколько огневых точек и полностью уничтожил два дзота противника.

Конечно, восемьдесят метров — продвижение не такое уж значительное. Однако оно высоко подняло дух гвардейцев: ведь это было первое продвижение на запад.

На второй день полк своим левым флангом достиг юго-западной окраины поселка Красный Октябрь, занял улицы Черноморскую и Техническую.

Батальон Кулаева целый день упорно штурмовал дзоты, но овладеть ими так и не смог.

Вечером в распоряжение комбата Панихин прислал два 45-

миллиметровых орудия и несколько ящиков гранат. Кроме того, пообещал утром дополнительно обработать вражеские дзоты полковой артиллерией.

— Теперь мы им устроим сабантуй, — грозился Кулаев.

Этот самый «сабантуй» начался около девяти часов утра. Дивизионный артиллерийский полк открыл огонь по дальним вражеским минометным позициям, расположенным по северо-западным склонам Мамаева кургана. Минометы и орудия полка ударили по дзотам и траншеям. Штурмовые группы батальона поднялись, стремительно бросились за огневым валом. В их боевых порядках двигались сорокапятки.

И вот вражеские дзоты совсем рядом. Рвавшиеся над ними наши мины и снаряды стали угрожать бойцам батальона. Кулаев попросил артиллеристов полка перенести огонь в глубь обороны противника. По дзотам стали бить орудия из боевых порядков штурмовых групп. Бойцы пустили в дело автоматы и приготовили гранаты.

Как только наши солдаты снова попали в зону поражения осколками своих снарядов, сорока-пятки прекратили огонь. В действие вступила «карманная артиллерия»: в траншеи и амбразуры дзотов полетели ручные гранаты.

Когда бой утих, Панихин спросил по телефону:

— Как ваши успехи?

— Отлично. Только вот, товарищ подполковник, фрицы на нас в обиде. Говорят, мы им огнем артиллерии не дали не только стрелять, но даже и рук поднять, чтобы сдаться в плен.

К вечеру полк пробил брешь в обороне противника на северо-восточных склонах Мамаева кургана, захватил несколько дзотов, четыре пулемета и два орудия, стал развивать удар в направлении поселка Тир. Продвинулись в этот день и другие части дивизии.

В последующие дни в этом районе в стане врага было как в растревоженном муравейнике. Днем и ночью на машинах и пешком немцы двигались то в сторону поселка Красный Октябрь, то обратно к высотам 112,0 и 107,5. Их артиллерия заметно ослабела, почти совсем не появлялись самолеты. Только изредка по ночам на парашютах им сбрасывали контейнеры с боеприпасами и продовольствием. Но это уже не могло изменить ход развернувшихся событий: кольцо огненного вала, замкнувшееся на Дону, неудержимо сужалось.

Сбрасываемые на парашютах продукты и боеприпасы для трехсоттысячной армии были, как говорится, каплей в море. Окруженное войско голодало, мерзло, к тому же у него появился такой грозный внутренний «противник», как сыпной тиф…

Чтобы легче было ликвидировать окруженную группировку врага, советское командование решило расколоть ее на две части.

С утра 22 января после артиллерийской и авиационной подготовки войска 21-й армии, ломая сопротивление противника, взяли направление на поселок Красный Октябрь. В то же время с востока усилила натиск 62-я армия.

В ночь на 26 января батальон Кулаева готовился к штурму Мамаева кургана с северо-западной стороны. У последнего вагона сгоревшего товарного состава, стоявшего на изгибе железной дороги, опоясывавшей курган, под насыпью был сооружен НП. Когда я добрался до него, уже перевалило за полночь.

— Где комбат? — спросил я телефониста.

— Размещает штурмовые группы. С ним установлена связь. Хотите поговорить?

— Давайте.

— Я сейчас подойду к вам, товарищ майор, — отозвался Кулаев на другом конце провода.

Спустя несколько минут капитан появился у вагона. Шинель, шапка-ушанка и черная борода его были покрыты инеем. Он был похож на деда-мороза.

— Все готово к штурму, товарищ майор. Но боюсь, что без движения наши люди могут окоченеть к утру. Чертовский мороз, да еще этот «северянин» проклятый прямо насквозь пронизывает, — комбат зябко поежился, тихо крякнул и посмотрел в небо.

— К утру, наверное, будет еще холоднее. Видите, как ясно светят звезды?.. Ого, что это?

Мы прислушались. С запада донеслась отчетливая канонада.

— Что бы это значило? Неужели наши приближаются? — сказал капитан.

Да, сомнений не было — работала наша родная «катюша». Я доложил об этом командиру полка, а тот, в свою очередь, комдиву.

Капитан оживился и побежал в батальон.

К утру мороз усилился, но гвардейцы не замечали его — их согревала близость победы.

Над вершиной Мамаева кургана медленно занимался рассвет. А снизу, от Волги, тянуло густым туманом. Я позвонил Кулаеву.

— Как себя чувствуете?

— Все в порядке! Бойцы с нетерпением ждут, когда заговорит наша артиллерия. Противник ведет себя спокойно. Не подозревает о наших планах. Перед нами лежит черное, изрытое минами и снарядами поле. Минуточку, товарищ майор… — Капитан оборвал разговор.

— Что там случилось? — спросил я комбата, когда он снова заговорил.

— Понимаете… Я даже не знаю, как вам коротко объяснить. Вдруг мне доложили, что левее нас какое-то подразделение штурмует немецкое проволочное заграждение. Я присмотрелся и сквозь туман действительно увидел 45-миллиметровое орудие, у которого наводчик припал к окуляру. В нескольких метрах от него станковый пулемет с пулеметчиком, а в стороне, стоя на коленях, боец изготовился метнуть гранату. Двое лежат у самой проволочной паутины… — капитан на секунду умолк.

— А дальше что? — нетерпеливо спросил я.

— А дальше, сколько я ни смотрел, они так и продолжали лежать без движения, припорошенные снегом.

— Ну что ж, Григорий Афанасьевич, что не успели сделать те воины, сделаем мы. Будьте готовы, через три минуты заговорят «тульские самовары» (так бойцы называли минометы)…

Ровно в назначенное время в небе появились темно-зеленые «илы» и серебристые бомбардировщики. От их бомб и залпов тысяч орудий и минометов с левобережья дрогнул утренний воздух, а склоны высот и оврагов, занятые врагом, покрылись черными пятнами. Всюду слышалось «ура». Все войска действовали по строго согласованному плану в направлении Городища, откуда все отчетливее и слышнее доносился неумолкаемый грохот артиллерии наступающей 21-й армии Донского фронта.

Батальон Кулаева двинулся на вражеские проволочные заграждения, опоясывавшие Мамаев курган.

Вначале казалось, что гитлеровцы без боя решили оставить эту «злополучную» высоту, за которую положили не одну тысячу своих солдат и офицеров. Без единого выстрела они подпустили батальон к проволочному заграждению, а потом уже открыли огонь.

Два солдата были ранены. Любимица батальона санинструктор Наташа — маленькая хрупкая девушка (фамилии ее не помню) — стащила раненых в воронку, перевязала. Одного из них положила на волокушу, потащила под гору.

— Куда ты, Наташа, ложись! — крикнули ей.

Но было уже поздно. Мина разорвала в клочья волокушу, а девушку швырнула в воронку.

— Наташу убили! — разнеслось по батальону.

Два бойца бросились к девушке.

— Наташа, Наташа! — окликнули они разом.

— Я здесь! Кого-то перевязать надо? Я сейчас… — отозвалась девушка ослабевшим голосом, пытаясь подняться, и упала лицом

на землю. На ее шинели, под правой лопаткой, быстро увеличивалось алое пятно.

— Давай скорей бинт! — сказал гвардеец постарше, обросший рыжей бородой, прижимая ладонями липкую шинель на плече и груди девушки.

— Есть бинты..

— Теперь сними с нее шинель, да так, чтобы ей не было больно. Лучше разрежь…

— Так она же замерзнет потом без шинели.

— Свою отдам, — возразил старший, глядя на побледневшее лицо девушки, и сам принялся резать на ней одежду.

— Ух, как тебя угостили, Наташенька. Ну, ничего, доченька, крепись, до свадьбы заживет…

Широко раскрыв голубые глаза, девушка молча смотрела в небо.

Гвардейцы перевязали ее бинтами, окутали своими шинелями. Рыжий сказал:

— Ты оставайся с ней, а я к ребятам, — и пополз к товарищам.

Тем временем на НП поднесли раненого. Весь в бинтах, он тяжело стонал.

— Кого принесли? — спросил я.

— Разведчика. Славку Белова.

— Славку?! — вырвалось у меня, и я бросился к нему. — Дорогой мой, как это ты не уберег себя?

— Осколком мины, товарищ майор, — дрожащим голосом ответил Белов, и глаза его наполнились слезами.

— Крепись, Слава, в госпитале поправишься, и мы еще повоюем.

— Это верно, да только убывать отсюда, когда наши подходят с запада… Обидно… — Славка всхлипнул.

— Несите его, ребята, — приказал я, обняв худенькие Славкины плечи и крепко поцеловав его в обескровленную щеку.

А солдаты, преодолев проволочные заграждения, уже завязали бой в траншеях врага. За траншеями, совсем рядом, круто поднималась выпуклая вершина Мамаева кургана. Из-за нее взошло солнце. Оно осветило заснеженную приволжскую равнину. По ней, развернувшись широким фронтом, с запада шли советские танки и боевые порядки пехоты.

— Наши! Ура! Наши идут! — загудело по всему склону горы. В воздухе замелькали шапки и рукавицы.

Гитлеровцам явно не по душе пришелся наш восторг. Они усилили артиллерийский и минометный огонь, оказывали бешеное сопротивление в траншеях. Но наши воины с

удесятеренной энергией штурмовали их окопы и дзоты.

2-й и 3-й батальоны решительными ударами выбили гитлеровцев из ряда траншей у Тира, за железной дорогой и, оставив там небольшое прикрытие, двинулись навстречу приближающейся группе воинов Донского фронта.

После короткого знакомства наши комбаты и представитель политотдела майор Л. П. Корень вручили встретившемуся подразделению Красное знамя.

Встреча превратилась в немноголюдный, но бурный митинг. Незнакомые солдаты, пропахшие пороховым дымом и потом, крепко обнимались, хлопали друг друга по плечам. В их глазах сверкали слезы. Слышались возгласы: «Привет гвардейцам Родимцева!», «Смерть фашистским оккупантам!», «Да здравствует наша победа!»

Наблюдая со своего НП, я докладывал обо всем этом Панихину. А спустя какое-то время он сообщил мне, что соединились с частями Донского фронта и воины 39-го и 42-го полков, и попросил меня спуститься на КП полка.

Соединившиеся у Мамаева кургана войска Донского фронта и 62-й армии разрезали окруженную фашистскую группировку на две части. Одна из них оказалась южнее Мамаева кургана, в центре города, со своим главнокомандующим Паулюсом; другая — севернее кургана. Ее-то, другую, нам и предстояло добивать.

Сразу же после встречи с войсками Донского фронта 34-й полк перебросили под южный склон высоты 112,0, которую опоясали три яруса вражеских дзотов и траншей. Система огня у них была построена так, что нижняя группа дзотов защищалась перекрестным огнем пулеметов, расположенных в среднем и верхнем поясах. Целый день полк штурмовал курган, но безуспешно.

Наступил морозный и темный вечер. Капитан Кулаев подошел к командиру полка.

— Разрешите мне, товарищ подполковник, попробовать ночью захватить один из вражеских дзотов? Я возьму с собой не больше трех солдат.

Панихин подумал и разрешил.

Всю ночь капитан ползал в снежных сугробах в обороне противника, а на рассвете явился с фашистом чуть ли не двухметрового роста.

— Какой там был интересный момент, — рассказывал Кулаев. — Мы вошли в их дзот с тыла по траншее. Этот верзила, — комбат указал на гитлеровца, — сидел у пулемета, уткнув рыло в амбразуру. Другой подбрасывал чурки в «душегрейку». В темноте принял нас за своих, стал докладывать

мне. А этот обернулся да как заорет на него. По-видимому, сказал: «Дурак, кому ты докладываешь?» Тот сразу выхватил из ножен кинжал, а я как засветил ему пистолетом в висок, он и отдал концы. Тем временем два гвардейца справились с другими пятью гитлеровцами, лежавшими на нарах. Ну, а у этого потом и язык отнялся, стоит и икает. А я думаю: икай себе, только не кричи, для надежности дал ему подзатыльник и повел сюда.

— А где же ваши бойцы? — озабоченно спросил комбата командир полка.

— Как где? Там, в блиндаже. Мы его переоборудовали… Я туда послал еще людей, — спокойно ответил капитан.

Захваченный Кулаевым вражеский блиндаж дал возможность нашим бойцам проникнуть в ходы сообщения не только первого, но и второго и третьего поясов обороны противника. И это решило исход боя за овладение мощным узлом сопротивления врага.

С высоты 112,0 полк перешел к заводу «Баррикады». Здесь он с ходу очистил от фашистов улицы Красноармейскую и Центральную.

К вечеру того же дня полк выбыл в распоряжение командующего 62-й армией и получил задачу овладеть опорным пунктом врага, расположенным в районе хлебозавода по улице Стальной.

Подтянув вплотную к заводу батальон, Мудряк тщательно произвел разведку. Он установил, что главный опорный пункт гитлеровцев находится не на хлебозаводе, а несколько дальше от него — в трех домах из красного кирпича, стоящих рядом, окна и двери которых укреплены, а подходы к ним — заминированы.

Получив такие сведения, Панихин сказал:

— Кажется, это будет последний серьезный штурм.

— Разрешите мне туда отправиться? — попросил я.

— Об этом и речь идет, — усмехнулся подполковник.

В течение всего дня мы изучали эти дома и подступы к ним и пришли к заключению, что овладеть этим опорным пунктом без артиллерии невозможно. Доложили об этом командиру полка.

— Будет артиллерия, — коротко ответил Панихин.

Поздно вечером полковые артиллеристы прикатили в батальон два орудия и установили их против домов — в развалинах через улицу. Прибыло пополнение — человек тридцать пехотинцев.

Штурм назначался на рассвете. И тут нам, как говорится, чертовски повезло: около четырех часов утра на КП батальона неожиданно появился майор-танкист. В его распоряжении было что-то около двенадцати или шестнадцати танков. Шли они на

выполнение какого-то особого задания.

— Помогите нам, товарищ майор, ликвидировать это фашистское гнездо, — попросили мы танкиста.

Вначале майор и слушать не хотел. Потом переговорил с кем-то по рации и согласился поддержать нас двумя танками.

У нас было все готово к штурму. Солдаты с нетерпением ждали сигнала. А гитлеровцы вели себя так тихо, будто их уже не было в этих домах.

«Чтобы не разрушать напрасно дома, надо проверить», — смекнул Мудряк и приказал одновременно из разных мест дать очереди из автоматов по окнам и выходам из подвалов. В тот же момент изо всех домов последовал ответный огонь.

— Ага, значит, вы никуда не удрали, — сказал комбат и пустил в небо зеленую ракету.

Грохнули полковые орудия. Их поддержали танки. Гитлеровцы снова умолкли.

— Сдавайтесь! — крикнул кто-то из бойцов.

Фашисты не отвечали.

— Удрали, черти! — сказал солдат и поднялся над развалинами.

Тут же в морозном воздухе сухо протрещала пулеметная очередь. Над головой солдата просвистели пули.

— Ожили, сволочи! Дать по ним еще огонька из орудий! — распорядился Мудряк.

Один миг, и над домами снова поднялась красная пыль. Когда она чуть рассеялась, из подвала левого дома показался фашист. Над его головой развевалась белая простыня. Подняв руки с полотенцами, робко стали выходить и другие вояки. Их было человек пятьдесят. Выйдя на улицу, они беспорядочно кучковались, не зная, куда идти.

— Ком сюда! — крикнул им гвардеец и махнул рукой.

Прижимаясь друг к другу и озираясь по сторонам, фашисты подошли к нам. Мы дали им одного сопровождающего автоматчика и отправили на сборный пункт пленных.

Из других домов фашисты не выходили. Но они и не стреляли.

— Сдавайтесь! — снова предложили гвардейцы.

Ответа не последовало.

— Сейчас они отзовутся, — сказал танкист и повернул башню танка так, что дуло орудия стало смотреть прямо в дверь подвала, и дал туда, один за другим, два выстрела.

— Ну, вот… Я так и знал, что этот язык для них будет понятнее, — улыбнулся танкист, заметив, как враги поспешно стали выбираться из подземелья. Их было человек семьдесят.

Самой трусливой оказалась группа в третьем доме. Сложив оружие в темном помещении, гитлеровцы жались друг к другу, боясь показаться на улицу. Пришлось нашим бойцам помочь им вылезти оттуда. А их было не меньше восьмидесяти.

Утром 1 февраля до нас дошла радостная весть о том, что 31 января полностью капитулировала вражеская группировка южнее Мамаева кургана и пленен сам командующий 6-й армией Паулюс, вдруг ставший фельдмаршалом.

2 февраля нам довелось быть свидетелями катастрофы громадной и сильной группировки вражеских войск.

На рассвете того дня Дмитрий Иванович сказал мне:

— Вам придется сейчас пойти в батальон Гущина, который находится на перекрестке железной и шоссейной дорог. Это очень ответственный район. Там не исключена возможность появления противника крупными подразделениями со стороны станции Гумрак.

Командный пункт Гущина помещался в подвале какого-то большого кирпичного здания. С высоты его разбитых стен хорошо просматривалась окрестность.

С рассвета бойцы батальона были заняты выискиванием немцев, прятавшихся в одиночку и группами в подвалах и развалинах. Они все еще на что-то надеялись или боялись сдаваться в плен.

Около десяти часов утра запищал телефон. С наблюдательного пункта докладывали:

— В стороне железнодорожной станции Гумрак на заснеженном поле замечена черная полоса. Она как будто движется в нашем направлении.

Мы с Гущиным поднялись на здание и в бинокли увидели длинную колонну, конца которой не было видно. Всматриваясь в нее, стали все отчетливее различать и фигуры людей, обмотанных тряпьем, с огромными скатками за плечами. Ясно было, что идут немцы. Оружия у них не видно.

— Сколько у вас человек? — спросил я комбата.

— Пятьдесят шесть.

— Что же мы будем делать с этой тучей? Ведь там, пожалуй, около двух тысяч.

— В плен будем брать, — задорно сказал комбат.

— Брать-то брать, но такая масса может раздавить нас и без оружия. Нужно остановить их подальше отсюда, а потом пропускать мелкими группами.

— Правильно, — согласился капитан.

Мы подобрали двух боевых гвардейцев и послали навстречу вражеской колонне. Обо всем этом доложил командиру полка. В

свою очередь, он связался с генералом Родимцевым и сообщил нам, что решение наше правильное.

Тем временем наши парламентеры подошли к головной вражеской колонне, остановили ее и привели оттуда трех офицеров. Мы не стали интересоваться их званиями, номерами частей, так как это уже не имело для нас никакого значения.

— Сдаемся в плен, — сказал один из них, старший по возрасту.

— Сколько человек?

— Точно не знаю. Но тысяча с половиной, а то и больше будет.

Его продолговатое лицо с острым подбородком, обвислыми щеками и длинным горбатым носом обросло густой бородой. Замызганная, с потускневшей позолотой на погонах шинель воняла дымом и дустом. Он весь дрожал, точно его трясла тропическая лихорадка. Все это вызвало у меня отвращение, и я подумал: «Каким же ты жалким стал, завоеватель третьего рейха. Куда девалась твоя былая спесь, когда ты с огнем и мечом проходил по Европе, грабил и уничтожал города и села, вешал и убивал наших детей и стариков?»

И здесь в моей памяти воскрес случай, происшедший в 1941 году. 75-я стрелковая дивизия, в которой я был старшим инструктором политотдела, ночью с боями отошла от города Прилуки и километрах в четырех от него заняла оборону. Взошло солнце, и из боевого охранения доложили, что по шоссейной дороге из города едет мотоциклист.

— Пропустите его, — распорядился командир 28-го полка.

Вскоре мотоциклист оказался на КП полка. Он слез с мотоцикла, сделал несколько шагов, резко выбросил вперед кулак, выкрикнул:

— Хайль Гитлер! — Осмотревшись вокруг, с независимым видом спросил: — Кто здесь есть старший?

— Я, — ответил командир полка, удивленно глядя на странного гостя. — А в чем дело?

— Я тороплюсь нах Москва. Мне нужен проводник, хорошо знающий туда дорога. Надеюсь, у вас найдется такой человек?

— Конечно. А почему вы так спешите туда?_ улыбнулся командир полка.

— А разве вы не знайт, что не сегодня завтра наши войска возмут ваша столица и война будет окончена? — уверенно сказал фашист. Он не спеша достал из кармана кителя носовой платок, снял фуражку, вытер лоб. — И все, кто войдет в нее в первые два дня, будут иметь особый награда, в том числа и земля под Москвой. Я, гауптман немецкой армии, тоже хочу иметь такой

награда, поэтому спешу. Если вы дает мне хороший проводник, я буду ходатай перед своим командованием награждать вас. Противный случай будем повесить.

Стоявший в стороне лейтенант кивнул в сторону гитлеровца, покрутил указательным пальцем у своего виска, махнул рукой: дескать, рехнулся фашист.

— Взять мерзавца, — приказал командир полка.

Гитлеровец шатнулся в мою сторону От него пахнуло шнапсом.

Бойцы обезоружили гауптмана и спустили в погреб. Там он просидел часа три. Потом его снова доставили к командиру полка.

— Так куда ты спешишь? Рассказывай толком.

Немец повторил все то, что он уже говорил.

Значит, он был не пьян и совсем не умалишенный, как мы подумали, а просто наглый, как все фашисты в тот период войны, устрашавшие всех виселицами и расстрелами…

Теперь завоеватели стояли перед нами у разбитых стен Сталинграда и дрожали за свои шкуры…

Закончив опросы, я приказал этим офицерам отправиться к колонне и отделять от нее по 300–500 человек. На каждую такую группу мы выделяли по одному сопровождающему, и он отводил ее на Волгу. Здесь пленные собирались тысячами и без конвоя шли вверх по реке на сборный пункт.

Такого, наверное, в истории войн еще не было!

Шли они, медленно переставляя ноги, обмотанные в тряпье и обутые в огромные соломенные снегоступы, держась друг за друга, чтобы не упасть от бессилия.

Идя по толстому льду могучей русской реки, не одному из них, наверное, подумалось тогда: «Зачем я шел сюда? Что мне здесь было нужно?»— и проклинал самого себя и всех тех, кто толкнул его на эту гибель.

Во второй половине дня меня вызвал к себе Панихин. Отправляясь с ординарцем к Дмитрию Ивановичу, мы увидели на дороге спешившую куда-то группу бойцов. Дойдя до перекрестка, где стояли сгоревшие танки и автомашины, они вдруг остановились, сняли головные уборы и замерли. Потом надели шапки и поспешили дальше.

— Что они там увидели? — спросил ординарец.

— Пойдем, узнаем.

Между танками и автомашинами лежали трупы фашистов и советских воинов, видно, погибших в рукопашной схватке. А чуть дальше, словно живой, запрокинув голову и подняв над ней руку с гранатой, стоял на коленях застывший советский герой. Перед

ним-то и снимали головные уборы гвардейцы. Мы тоже почтили его память.

Этот солдат и все виденное там запомнилось мне на всю жизнь. И теперь, когда я вижу памятник погибшим воинам, эта картина каждый раз оживает передо мной.

Выслушав мой доклад о пленении 3-м батальоном более тысячи шестисот солдат и офицеров противника, Дмитрий Иванович сказал:

— Сегодня сдались основные части северной группировки, но на территории завода «Баррикады» остались еще какие-то силы гитлеровцев. Вот от них-то нам и предстоит очистить завод.

Всю ночь мы подтягивали батальоны к заводу.

Утром фашисты встретили нас автоматным огнем, который они вели из недостроенного цеха.

Панихин распорядился дать по ним «огонька» полковой артиллерии. После этого два наших бойца ворвались туда и через несколько минут вывели группу немцев, человек в шестьдесят. Они были с ног до головы укутаны одеялами и разным тряпьем.

— Почему не хотели сдаваться? — спросил Панихин.

— Нэйн, нэйн, хотель! — залепетали они в один голос. — Это там один стрелял. Мы ему сами капут сделали.

— Ефрейтор капут, Гитлер капут, — добавил один из них и плутовато улыбнулся.

— Посмотреть на твой вид, так ты и сам давно уже капут, — сказал гвардеец.

— Нэйн, нэйн! Мне капут не надо! — испуганно закричал гитлеровец и упал на колени, показывая два пальца, бормоча:

— Мой цвай киндер, капут не надо! Цвай киндер…

— Ишь, вспомнил своих киндеров, а как наших товарищей убивал, так и не думал, что у них тоже есть киндеры… — сказал гвардеец сурово.

— Брось ты его к чертям, пусть своих догоняет, а то потом его одного туда придется вести, — сказал другой солдат.

— Ну, хватит, беги… Шнель, шнель отсюда! — крикнул гвардеец.

Пока мы разбирались с пленными, наши батальоны ворвались в расположение завода и растеклись по цехам. Всюду трещали пулеметы и автоматы, рвались гранаты, раздавались крики «ура». Все это в пустых разрушенных цехах повторялось и усиливалось эхом, отчего стоял сплошной гул, в котором ничего невозможно было понять.

Засевшие на заводе гитлеровцы не сопротивлялись открыто, но и не сдавались. Бой принял неопределенный и, вместе с тем, коварный характер. Какая-то часть немцев поднимала руки, а

притаившиеся за углом стены или за станком один-два гитлеровца подкарауливали наших воинов и стреляли в них.

— Нужно через рупор разъяснить им о бессмысленном сопротивлении и кровопролитии, — предложил Данилов.

Взяв рупор, я с переводчиком отправился в 1-й батальон, который дрался в механическом цехе. Цех внутри был разделен на две половины проходом, метров в пять-шесть шириной. Под одной из его половин было большое железобетонное подвальное помещение. В нем и сгрудились немцы, предварительно забаррикадировав подступы.

— Солдаты и офицеры разбитой 6-й немецкой армии! 31 января сдался в плен советским войскам ее командующий фельдмаршал фон Паулюс, и безоговорочно капитулировали войска, действовавшие под его руководством в центре города. Вчера сдались в плен немецкие части севернее Мамаева кургана.

Гитлеровцы в ответ не стреляли. Я, ободренный, продолжал:

— Командование советских войск предлагает вам во избежание бессмысленного кровопролития и лишних жертв немедленно прекратить всякое сопротивление, сложить оружие и безоговорочно сдаться в плен. В противном случае оно будет вынуждено отдать приказ очистить от вас территорию, завода силой… Ответа ждем пять минут…

Не прошло и трех минут, как из разных закоулков стали выползать солдаты, за ними младшие чины, а потом уже, трусливо озираясь, потянулись и старшие офицеры. Подняв руки, они подходили к нам и твердили одно и то же: «Гитлер капут, Гитлер капут!»

Оказалось, что в этом подвале помещался штаб дивизии. И не случайно там скопилось более трехсот гитлеровцев. Самого командира дивизии не было. Штабные офицеры объяснили, что он якобы 25 января был вызван Паулюсом и не вернулся.

Отправив группу пленных на сборный пункт, мы спустились в подвал. Он состоял из трех или четырех довольно просторных помещений, соединенных между собой проходами.

В отсеке, где размещался штаб дивизии, была мощная радиостанция. В ней еще светились лампы, а в наушниках приемника посвистывала морзянка. Видно, радист передал последнюю радиограмму о катастрофе дивизии и, не дождавшись ответа, сдался в плен.

В помещении пахло дымом, валялись клочки каких-то документов. Все важное, наверное, было сожжено.

«Поэтому-то они и сопротивлялись, чтобы выиграть время для уничтожения документов», — сделал я вывод.

Гвардейцы привели рядового немца. По откормленному и

выбритому лицу его не видно было, чтобы он переживал вместе со всеми голод.

— Где вы его нашли? — спросил я.

— В кладовой, под мешками.

— Кто ты?

— Офицерский повар.

Солдат заученно повторил, что уже было сказано другими об исчезновении командира дивизии.

— Рассказывай, чем кормил своих офицеров последние дни?

— Ничем. Все капут!

— Как капут? А вот сколько мяса, — сказал гвардеец и вытряхнул из мешка половину задней конской ноги с подкованным копытом.

— И это все? — спросил я.

— Все, все… — бормотал повар.

— Плохи были дела твоих офицеров, коль они доедали и копыта с подковами, — усмехнувшись, сказал Кулаев.

— Плохо, плохо дело…

В смежном подвале располагался медпункт. В нем лежало человек восемьдесят раненых и обмороженных солдат и офицеров.

Не задерживаясь около них, мы последовали за своими штурмовыми группами, которые не успевали направлять к нам пленных. Особенно много их оказалось в северо-западной части цеха.

Здесь произошел интересный случай. Появился румынский солдат. Он был без оружия, обут в огромные соломенные снегоступы, закутан в тряпье. Мимо него бежали гвардейцы, а он стоял с поднятыми руками, озирался кругом, недоуменно пожимал плечами.

— Приведите сюда этого вояку, — сказал я бойцам.

Из его мычания и жестов мы кое-как поняли, что он с самого утра хотел сдаться в плен, но гитлеровцы не давали ему возможности, а потом напугался, что русские пробегают мимо и не только не берут в плен, но и не замечают его.

— Пух, пух! — показал он на себя.

— Нейн, — сказал я.

Румын указательным пальцем провел по подбородку и показал на котелок.

— Нейн, — мотнул я головой.

Румын пожал плечами. Потом выяснилось, что гитлеровцы все время внушали союзникам, что советские войска попавших в плен не просто убивают, а сначала всячески издеваются, а потом или расстреливают или вешают.

— Ну и сволочи! — выругался кто-то.

— Когда и что ел? — спросил я.

Оказалось, недели две он уже не видел хлеба, а дня три тому назад фрицы дали ему кусок какого-то отвратительного мяса. Приходилось питаться мерзлой картошкой и свеклой.

— У кого найдется хлеб? — обратился я к гвардейцам.

Один из них достал из «сидора» (так называли вещмешки) краюху хлеба, подал румыну. Бедняга схватил ее дрожащими руками и поднес ко рту. Лицо его залилось слезами.

— Подкрепился малость, а теперь иди вон в ту группу пленных да плюнь в лицо тем, кто тебя обманывал и довел до такого состояния.

— Спасибо, — выговорил, поклонившись, румын и, уходя, назвал себя.

Он, очевидно, хотел, чтобы мы запомнили его имя.

Очистив всю территорию цеха, Кулаев подошел ко мне:

— Докладываю, товарищ гвардии майор! Поставленную задачу батальон выполнил. Цех полностью очищен от фашистской нечисти. Пленено еще более двухсот солдат и офицеров.

— Вижу, товарищ капитан. Поздравляю вас с успешным завершением разгрома врага.

К этому времени батальон Мудряка занял другой участок завода. Около двенадцати часов Панихин доложил Родимцеву:

— Поставленная перед полком задача по очищению завода «Баррикады» выполнена полностью. Взято в плен более полутора тысяч гитлеровцев, много техники.

— Замечаешь, Калиныч, как тихо стало? — спросил Данилов.

— Еще бы!

Тишина! Кто находился в этом пекле с первых до последних дней, отвык от нее. Странной какой-то она казалась в первую мирную ночь. Помнится, не один из нас вскакивал с постели и со сна спрашивал: «Почему так тихо?»

Другие, выбившиеся из сил, спали так крепко, что утром их и разбудить было невозможно. А днем они приводили себя в порядок: брились, умывались, ходили в баню, натирались снегом.

Над развалинами города зазвучали гармошки, веселые песни, смех. На лицах санитарок засветились улыбки, ярко зарделись губы, появились модные прически.

В этот день ко мне подошел помощник командира полка по хозяйственной части гвардии капитан М. С. Минакер, под руководством которого полк весь период обороны Сталинграда бесперебойно снабжался всем необходимым. Мы познакомились, и он пригласил меня на левый берег пообедать. Там с огромным

удовольствием сходил в баню и по-человечески отоспался…

На городской митинг, посвященный завершению Сталинградской битвы, от полка было выделено человек двадцать рядовых и столько же командиров.

К Привокзальной площади мы шли по улицам разбитого города. Всюду, куда ни глянешь, виднелись руины, на каждом шагу стояли указатели: «Заминировано», «Минное поле», «Опасная зона». Повсюду — обгоревшие автомашины, танки.

— Отстоять этот город было трудно, а еще труднее будет восстановить его, — сказал Данилов.

— А я бы не стал его восстанавливать, оставил бы как музей. Пусть люди приезжают сюда со всех концов планеты и смотрят, что такое война, зорко берегут мир.

— Что ты, Калиныч! Обязательно восстановим. Лет через десять приедешь сюда и ничего не узнаешь. Здесь будет такой цветущий город, которого и во сне никто не видел, — заверил всех Данилов.

Да, пророческие слова Петра Васильевича сбылись. Только жаль, что ему, как и Дмитрию Ивановичу Панихину, не пришлось увидеть города. Они оба погибли на украинской земле.

…Вся площадь была забита войсками. Рядом с нами стоял отдельный гвардейский пулеметный батальон. Место наше оказалось против трибуны из составленных грузовых автомашин, и нам хорошо были видны лица собравшихся на ней прославленных полководцев: В. И. Чуйкова — командующего 62-й армией, К. А. Гурова — члена Военного совета этой армии, М. С. Шумилова — командующего 64-й армией, А. И. Родимцева и многих других. Были и руководители партийных и советских организаций города.

Стрелки часов подошли к цифре 12. В репродукторах послышались мягкие щелчки, и площадь охватила торжественная тишина, в которую изредка вплетался отдаленный грохот взрываемых саперами мин.

К микрофону подошел командующий 62-й армией. Он поздравил всех с великой победой на Волге. Отметил самоотверженный массовый героический подвиг гвардейцев и особо выделил нашу 13-ю гвардейскую дивизию.

За Чуйковым выступил Родимцев.

— Гвардейцы выстояли перед натиском численно превосходящего врага. Их упорство и стойкость не были сломлены ни бомбами, ни снарядами, ни яростными фашистскими атаками. В летописи великой битвы будут навечно записаны имена бойцов-гвардейцев — стойких защитников волжской твердыни. Наша дивизия сражалась здесь сто сорок

один день. В первые же сутки мы отбросили врага, не дали ему распространиться в городе. Тогда же я заявил генералу Чуйкову: бойцы 13-й гвардейской скорее умрут, нежели оставят город. Гвардейцы стояли насмерть и, выстояв, победили. Нам тяжело смотреть на этот истерзанный город, в котором нет ни одного вершка земли, где бы не было жестоких следов войны. Здесь, среди развалин, мы клянемся бить врага и впредь по-гвардейски, — закончил он свою речь под гром аплодисментов.

И эти аплодисменты как-то особенно гулко отозвались в обугленных стенах огромного здания универмага, в котором несколько дней тому назад воины 38-й мотострелковой бригады взяли в плен командование гитлеровской 6-й армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Командующий 64-й армией генерал-лейтенант Шумилов рассказал о героических подвигах воинов их соединений, боровшихся с фашистскими захватчиками в южной части города.

— Мы клянемся нашей партии и Родине, что восстановим город, и его мощная индустрия вновь будет ковать победу над гитлеровцами, — закончил свою речь секретарь обкома партии А. С. Чуянов.

В конце дня у нас состоялся полковой митинг. На нем выступали передовые офицеры и рядовые гвардейцы. Рассказывал о своих боевых подвигах и подвигах товарищей гвардии лейтенант Пончин. Он закончил свою речь так:

— На городском митинге я видел, с какой благодарностью смотрели на нас жители Сталинграда. И мне думалось: сколько же еще таких советских людей ждет нас, ждет, пока мы освободим их! Так поклянемся же, что мы не пощадим ни своих сил, ни самой жизни в борьбе за освобождение советской земли от гитлеровских захватчиков. Дойдем до Берлина и добьем там фашистского зверя!

На трибуну вышел Данилов.

— Только что на имя командира дивизии получена телеграмма из Москвы. В ней говорится: «Родимцеву, Вавилову. Передайте доблестному личному составу гвардейцев вашей части, собравшему один миллион двести тысяч рублей на постройку танковой колонны, мой братский привет и благодарность Красной Армии. Сталин».

Последние слова Петра Васильевича заглушились громкостью аплодисментов и криками «ура».

Весь этот день мы писали наградные листы, письма в колхозы, на предприятия. Одновременно готовили фронтовой бал победы.

Бал состоялся. На нем было все необходимое, чтобы воины

достойно отметили свою победу. Он завершился большим концертом и кинофильмом.

В конце пиршества мы с Даниловым вышли на обрыв. Перед нами Молчаливо лежала скованная льдами Волга. Вглядываясь в кручу берега, Данилов заметил:

— Удивляюсь, как нам удалось уцепиться за этот обрыв и продержаться столько времени против такой силы?

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Наш успех в битве на Волге знаменовал собой начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей мировой войны.

Однако до полной победы над гитлеровской Германией было еще далеко. Нам предстояло передохнуть, чтобы потом снова обрушиться на врага свежими силами и добить его окончательно.

Вскоре дивизию Родимцева перевели на левобережье. Здесь она, в полном смысле слова, чистилась, мылась — готовилась к встрече 25-й годовщины Красной Армии.

В один из таких дней Панихин сказал мне:

— С тебя сегодня, кажется, что-то причитается.

— А именно?

— Почитай приказ и узнаешь.

Я глянул в бумагу и прочел строчку, подчеркнутую красным карандашом. Там говорилось: «Заместителя командира 34-го гв. с. п. гвардии майора Коцаренко В. К. назначить командиром 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии».

42-й полк размещался поблизости, в заволжском поселке, и я принял его в тот же день и полностью отдался подготовке части к параду.

Это оказалось довольно трудной задачей: как ни старались показаться с лучшей стороны выстроенные передо мной подразделения, это им не удавалось. Уж слишком тяжелый отпечаток наложили на них суровые дни сражений. У многих солдат шинели были в пятнах и с дырами, обувь нуждалась в капитальном ремонте.

А время неумолимо подвигалось к 23 февраля. Днем занимались строевой подготовкой, а вечером полк превращался в огромный комбинат бытового обслуживания — работали сапожные, портняжные мастерские, бани, прачечные. Большую помощь оказывало население. Все женщины, способные работать, с охотой, любовью стирали, чинили и гладили белье и верхнюю одежду бойцов.

С каждым днем внешний вид гвардейцев становился привлекательнее и внушительнее.

И вот настал день, когда на небольшой сельской площади полки выстроились для парада. Парад принимал генерал-лейтенант А. С. Жадов — командующий 5-й гвардейской армией, в состав которой к этому времени вошла наша дивизия.

Очень лестно было слышать, когда он сказал:

— Парад прошел отлично. Все полки имели приятный

внешний вид и хорошую строевую подготовку.

Здесь же командующий поставил задачу быть готовыми в путь на запад.

ДЕСЯТКИ ЛЕТ СПУСТЯ

С тех пор прошли десятки лет. Много воды унесла Волга в седой Каспий. Пожелтели страницы газет с боевыми сводками. Кое-что стало выветриваться из памяти, забываться.

И вот как-то в один из погожих летних дней 1972 года я получил письмо из Днепропетровска.

«Уважаемый Василий Калинович, — писал Виктор Агафонович Календа, член совета ветеранов 13-й гвардейской Полтавской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, — совет ветеранов просит Вас принять участие во встрече ветеранов 13-й гвардейской, посвященной тридцатилетию переправы через Волгу и вступлению ее в бой с немецко-фашистскими захватчиками в Сталинграде. Встреча состоится 14–16 сентября».

К письму прилагалось приглашение.

13 сентября я прибыл в Волгоград. Сбор был назначен в школе-интернате № 1, в той самой школе, один из корпусов которой стоит на месте северного крыла Г-образного дома. А от дома, конечно, не осталось никаких признаков.

Разместившись в одной из отведенных для нас комнат на втором этаже, я спустился вниз, вышел на крыльцо. Тут-то и начались наши волнующие незабываемые встречи: объятия, слезы радости, веселый смех, воспоминания.

Честно говоря, не многих я узнал сразу. И не мудрено, если даже самым юным из них в то время теперь было уже под пятьдесят и более лет.

Первым подошел ко мне широкоплечий адыгеец. Его густая шевелюра изрядно посеребрилась, на лице обозначились морщинки. А ведь это тот самый молоденький артиллерист Меджид Тлий, которому тогда едва было двадцать лет. У него два ордена солдатской Славы и до десятка других наград.

Тут же всматривается мне в лицо другой гвардеец.

— Вы меня помните, товарищ подполковник?

— Смутно, — улыбнулся я.

— А не забыли утро 26 января 1943 года? Тогда мы первым батальоном штурмовали Мамаев курган. Там я был ранен. Вот куда меня царапнуло, — он показал на правый висок. — Рядовой разведчик Белов Вячеслав Степанович. Славкой меня звали.

— Стой, стой… Вас двух тогда ранило? — вспомнил я.

— Да, да, меня притащили к сгоревшему товарному составу, где был ваш наблюдательный пункт. Вы наклонились ко мне, спросили: «Как чувствуешь себя, браток?» — и, отправляя в

медсанбат, поцеловали меня.

Эти воспоминания взволновали меня до глубины души. Я обнял бывшего разведчика.

— Сейчас-то где живете, чем занимаетесь?

— Живу в Волгограде, работаю, воспитываю молодежь.

Вот подошли два бывших полковых врача: украинец полковник медицинской службы Николай Кириллович Комелев, грузин капитан первого ранга медицинской службы Иосиф Георгиевич Коронадзе. Они особенно запомнились гвардейцам, так как почти каждый прошел через их спасительные руки.

Все это время неподалеку от меня стоял белый, как лунь, мужчина в штатском. Грудь его обильно увешана орденами и медалями. Я всматривался в его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напрягал память: «Кто он?», — но безуспешно.

А когда мужчина шагнул ко мне, улыбнулся и его карие глаза засветились какими-то, особенными искорками, я вспомнил: «Да это же Кулаев!» Но ведь я в центральном архиве МВС читал документ с точной датой его гибели. И тем не менее это был он!

Мы крепко обнялись. Я спросил:

— Где обитаете и чем занимаетесь, Григорий Афанасьевич?

— Вышел на пенсию, живу в Грозном.

Потом к нам подошли бывшие командир роты автоматчиков капитан Василий Арсентьевич Свердляченко, командир стрелковой роты лейтенант Николай Борисович Юрченко, солидный мужчина в элегантном костюме.

— Где же свил свое семейное гнездо? — спрашиваем его.

— Живу в Кировограде, работаю директором счетно-вычислительного центра.

А вот бывшие помощник начальника штаба Хриченко, медсестра Гончарова, младший политрук Серых. На груди последнего светится Золотая звезда Героя Советского Союза. После увольнения из армии подполковник запаса Серых работает инструктором музея Киевского военного округа.

Вскоре, как говорится, на горизонте появился еще один Герой Советского Союза — полковник Александр Данилович Харитонов. Его сопровождали бывшие пулеметчики командиры взводов ныне подполковник Джавага и капитан Поляков, медсестра Гумилина, связистка Яницкая.

Весь остаток того дня и почти вся ночь прошли в вопросах и ответах. А утром мы отправились в гарнизонный Дом офицеров, парадный подъезд которого выходит на площадь имени В. И. Ленина, известную нам как площадь имени 9-го Января. Теперь она выглядела торжественно, празднично: всюду развевались флаги, виднелись красные полотнища лозунгов, группами

толпились ветераны дивизии, сверкая в утренних лучах солнца своими многочисленными наградами.

Вскоре здесь стали собираться и горожане. Останавливавшиеся трамваи и троллейбусы уходили отсюда совсем пустыми. Площадь заполнялась людским морем.

В 9-00 прибыли дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев и бывший начальник политотдела генерал-майор Вавилов. Их сопровождал полковник в отставке Самчук.

— Бывший заместитель командира 34-го полка подполковник в отставке…

— Коцаренко, — опередил меня Родимцев и крепко обнял, расцеловал.

Тут же ко мне подошел человек среднего роста в черном костюме, на котором среди орденов и медалей виднелись институтский ромбик и знак шахтерской славы.

— Кузнецов, Николай Михайлович, бывший командир шестой роты тридцать девятого полка, ныне горный инженер, — представился он.

До этого я с Кузнецовым никогда не встречался, но его имя всегда было в моей памяти. Я сказал:

— Так вот вы какой, легендарный герой вершины Мамаева кургана. Рад видеть вас.

Мы крепко обнялись, и у обоих на глазах появились непрошеные слезы.

— А вот плакать здесь вроде бы и ни к чему, — сказал Герой Советского Союза, бывший командир минометной роты 42-го полка Григорий Евдокимович Брик.

В Доме офицеров состоялось торжественное собрание, посвященное нашей встрече. Избрали новый состав совета ветеранов дивизии. Побывали на экскурсиях по историческим местам города, встретились с трудящимися, школьниками. Ознакомились с музеем боевой славы в школе-интернате № 1. Можно представить себе, с каким интересом и волнением слушали учащиеся наши рассказы о том, что тридцать лет назад на месте этой прекрасной школы, в страшных руинах Г-образного дома героически сражались и умирали за их счастье гвардейцы тринадцатой.

С той поры школа-интернат № 1 стала для нас, ветеранов 13-й гвардейской дивизии, родным домом. Мы едем туда в любое время и всегда являемся желанными гостями.

…Святая святых сталинградской земли, легендарный Мамаев курган — уникальный памятник-ансамбль героям битвы. Здесь все: будь то скульптура или слово, написанное на стене-руине,

голос репродуктора или звучащая музыка — это страницы из многотомной героической поэмы, воскрешающей в памяти картины смертельных боев, горящую Волгу, серые страшные развалины города.

А бесчисленные имена погибших героев, написанные на знаменах в Зале Воинской славы? Кто может спокойно читать их?

Все это еще и еще раз напоминает, какой дорогой ценой была завоевана наша победа, и призывает: берегите мир!

А. Х. Юхимчук, генерал-майор в отставке

ЗАКАЛЯЯСЬ В СРАЖЕНИЯХ

ПЕРВЫЕ БОИ

После тяжелых кровопролитных сражений в Крыму и на Керченском полуострове на юге наступило временное затишье. Противник перегруппировывал свои силы, сосредоточивая их на новых направлениях. Советские войска готовились к отражению их ударов, пополняли части личным составом, вооружением, производили перестановку командно-начальствующего состава.

Приказом командующего Северо-Кавказским фронтом я был назначен начальником штаба 302-й стрелковой дивизии, который находился в станице Старо-Мышатовской, недалеко от города Краснодара. 1 июня 1942 года я выехал к новому месту службы.

Странно воспринималась тишина после беспрерывных бомбежек и грохота боев. По дороге почти не встречались люди и повозки. При въезде в станицу Старо-Мышатовскую нас остановил патруль. Узнав о цели нашего приезда, старший патруля молча указал на добротный дом с дощатым забором и зеленой калиткой.

На веранде, обвитой диким виноградом, за небольшим столиком сидел полный пожилой полковник с крупными чертами лица. Его редкие волосы были аккуратно зачесаны. В нем я узнал командира 302-й стрелковой дивизии Михаила Константиновича Зубкова, с которым мне уже пришлось встречаться еще в ноябре 1941 года в период, боев за город Керчь.

Зубков был опытным кадровым командиром.

Еще в первую мировую войну в чине штабс-капитана он командовал батальоном. После свержения царизма вступил в Красную Армию и принимал активное участие в гражданской войне.

— Рад вашему прибытию. Присаживайтесь, — пригласил Михаил Константинович и, немного помедлив, продолжал: — Сейчас, Александр Харитонович, наша дивизия на временном отдыхе. Подразделения пополняются людьми и вооружением. С минуты на минуту может поступить приказ о выступлении. Так что работы у нас с вами будет много, время не ждет. Но об этом разговор впереди. Обязанности начальника штаба дивизии временно исполняет майор Александр Васильевич Реутов, начальник первого отделения. Пока устраивайтесь. Найдите капитана Ивана Петровича Курдюмова, начальника АХЧ, он вам поможет. Зайдите к комиссару дивизии Николаю Дмитриевичу Сидорову и комиссару штаба, батальонному комиссару Михаилу Моисеевичу Шехтману.

После короткого разговора с командиром дивизии, я

направился к комиссару дивизии. По дороге к нему невольно возникали мысли о характере комдива. Добродушный вид и дружеский разговор по-военному четкие, короткие фразы радовали. В командире угадывался человек дела.

Мои предположения подтвердились в сложных боевых условиях. Ровный, спокойный тон при отдаче распоряжения еще больше повышал его авторитет у подчиненных.

Полковой комиссар Н. Д. Сидоров также приветливо встретил меня, подробно расспросил о боях на ишунских позициях в Крыму.

Говорил комиссар не спеша. Черты его лица были внешне строгими. Большие серые глаза смотрели на собеседника пристально, изучающе.

После беседы с комиссаром я направился в штаб.

На другой день я встретился с майором Александром Васильевичем Реутовым. Как начальник оперативного отделения штаба он, по положению, считался первым моим заместителем.

Понимая большую ответственность, которая легла на меня как начальника штаба, я старался изучить все, что касалось прежде всего повышения боевой подготовки частей и подразделений…

Все тревожнее становились сводки Совинформбюро. С болью в сердце мы узнавали о тяжелых событиях на фронтах. Разгром фашистских войск под Москвой в декабре 1941 года основательно ослабил их силы. Гитлеровское командование вынуждено было изменить свой «блицкриг» и внести изменения в план дальнейших военных действий. Для одновременного нанесения решающих ударов на всем советско-германском фронте сил оказалось явно недостаточно. Намечая дальнейший ход войны, фашисты сосредоточили свои усилия на юго-восточном направлении.

…Очередной боевой приказ командующего 51-й армией от 17 июля 1942 года потребовал: «…передислоцироваться в новый район с выгрузкой на железнодорожных станциях Гашун и Зимовники…

Возможно быстрее выдвинуться и оборонять рубеж станицы Серебровской до хутора Братск… Быть готовыми контратакой отбросить группу противника, захватившую плацдарм на левом берегу р. Дон у сел Никольское и Дубовское…»

Совершив комбинированный марш-бросок, к исходу 23 июля мы вышли на рубеж станиц Морозовская, Копань. Штаб дивизии расположился в хуторе Пады, а затем его пришлось перевести в Копань.

Время торопило нас, и к наступлению готовились поспешно.

Но ждать и откладывать его было нельзя. Этого требовала обстановка. Противник с каждым часом увеличивал свои силы на захваченном им плацдарме.

24 июля противник неожиданно бросил в направлении станицы Морозовская, находившейся в трех километрах от села Никольского, танковую группу и успел занять этот населенный пункт.

Атаки наших 827-го и 825-го полков, а также 503-го полка 91-й стрелковой дивизии успеха не имели. Они, к сожалению, вели бои без необходимой артиллерийской поддержки.

С утра 26 июля фашисты усилили нажим и начали атаки в направлении хутора Пады. Подтянув свежие силы, врагу удалось к вечеру окружить хутор Пады, в котором оказался один из батальонов 825-го полка во главе с командиром майором Левоном Сафоновичем Бедия.

Чтобы помочь окруженным и вернуть Пады, была подготовлена ночная контратака. Но безуспешно. Бои за Пады шли 26 и 27 июля. Наши бойцы прорывались к крайним домам хутора и захватывали их. Противник подбрасывал все новые силы и срывал наши контратаки. Часть героически сражавшегося батальона и небольшая группа управления 825-го полка вместе с командиром так и не смогла вырваться из хутора и погибла.

В боях за Пады враг потерял не менее 500 человек убитыми и более 12 танков. Эти потери вынудили противника временно прекратить наступление.

Командование оставшимися подразделениями 825-го полка возглавил офицер штаба полка майор Григорий Васильевич Гольцев. Позднее, по нашему представлению, он был назначен командиром полка.

Ожесточенные бои развернулись за Большую Мартыновку и Малую Мартыновку. Воины дивизии проявляли величайший героизм и мужество, с яростным упорством защищая родную землю. На берегу реки Сал запылали фашистские танки.

29 июля был получен приказ Народного Комиссара Обороны № 227 от 28 июля 1942 года.

«Наша Родина, — говорилось в приказе, — переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем и отбросить и разгромить врага, чего бы это ни стоило…

Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу…

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться

требование — ни шагу назад без приказа высшего командования»[2].

Приказ сыграл решающую роль в повышении мобилизации бойцов, командиров, политработников на разгром врага.

Он отвечал чаяниям и мыслям бойцов и командиров, которые с болью в сердце переживали всю горечь утрат, временных неудач, захвата врагом нашей территории, разрушения наших населенных пунктов и городов.

Он требовал: хватит, отступать больше нельзя, некуда! Приказ звал воинов к наступлению, вселял в них веру в грядущую победу. И в этом он сыграл большую морально-психологическую роль.

Политработники, командиры и партийные организации в подразделениях — батальонах, ротах, дивизионах — зачитывали приказ, доводили его до каждого бойца.

«Ни шагу назад!» — звала, приказывала Родина.

В полки и подразделения комиссар дивизии Н. Д. Сидоров и начальник политотдела А. Е. Светлов направили политработников, поставив им задачу возможно быстрее ознакомить с приказом весь командный и рядовой состав.

Противник со второй половины дня 30 июля сосредоточил свои основные усилия в районе Большая Мартыновка, готовясь к дальнейшему продвижению в южном и юго-восточном направлениях. Ценой больших потерь врагу удалось захватить Большую Мартыновку.

По данным разведки, было установлено, что свои основные силы — танковые и механизированные части 17-й полевой и 4-й танковой армий— фашисты двинут через село Большая Мартыновка на Кавказ в направлении городов Краснодар и Грозный, а силы 6-й полевой и частично 4-й танковой армии — в направлении Котельниково на Сталинград.

Утром 31 июля на село Малая Мартыновка повели наступление около двух механизированных полков гитлеровцев при поддержке более четырех десятков танков. Завязался ожесточенный бой.

В этих боях наши части нанесли врагу значительный урон. Только на окраине села мы насчитали 232 вражеских трупа. Атаки на Малую Мартыновку прекратились. Основные силы фашисты направили в обход ее через Большую Мартыновку на Зимовники, Котельниково.

При допросах пленных мы узнали о том, что в боях за Малую Мартыновку был разгромлен механизированный полк гитлеровцев.

И все же тяжелая обстановка вынудила нас отодвинуть линию

нашей обороны от села Малая Мартыновка в район хутора Пробуждение, на южный берег реки Сал. Большая группа танков противника, потеснив нашего левого соседа — 115-ю кавдивизию, — устремилась на юго-восток. Левый фланг наш оказался оголенным.

В полдень к нам прибыл новый комдив — полковник А. Ф. Аменев.

…Из штаба, находившегося в хуторе Ильичев, и без стереотрубы хорошо были видны колонны крытых автомашин противника и его приземистые танки, следовавшие по дороге на Зимовники.

Не обращая внимания на огонь наших орудий, они стремительно двигались на юго-восток. Колонны спешили, продолжая двигаться вперед, не изменяя темпа. Иногда было видно, как от одной из них отделялось несколько танков. Остановившись и повернув стволы орудий в нашу сторону, начинали стрелять. После этого догоняли свою колонну.

В нижнем течении Волги, от Сталинграда до Астрахани простирались просторные калмыцкие степи. По ходу сложившихся действий войска 51-й армии оказались в северной части степного простора, прикрывая левый фланг основных сил, защищавших Сталинград.

После ожесточенных боев штаб и дивизионные подразделения 302-й дивизии 1 августа отошли к станице Веселый Гай. В станице оказался и командир 91-й стрелковой дивизии генерал-майор Николай Васильевич Калинин, который подробно ознакомил нас со сложившейся обстановкой.

— Железнодорожную станцию Зимовники, — сказал он, — упорно удерживает отряд полковника Макарчука. От Зимовников до станицы Веселый Гай ведут бои наши части. Наш штаб с учебным батальоном и противотанковым дивизионом обороняют хутор Атаманский. Фашистам необходимо во что бы то ни стало занять этот хутор. Через него идет прямая дорога на Зимовники. Их цель — нанести удар в тыл с севера обороняющему Зимовники отряду полковника Макарчука.

И, немного подумав, он добавил:

— Необходимо удержать хутор Атаманский. Если мы его не удержим, фашисты рассекут нашу оборону и нанесут нам большие потери, да и отряд Макарчука могут окружить.

Чтобы этого не случилось, командир 91-й Дивизии генерал-майор Н. В. Калинин, как старший по званию, предложил нам действовать совместно. Части 302-й стрелковой Дивизии сдерживали противника северо-западнее хутора Атаманского.

Но фашисты прекратили дальнейшие атаки, не стали больше

прорываться через хутор и решили обойти его южнее. В результате части 302-й и 91-й дивизий оказались отрезанными от остальных войск армии.

В эти дни наши части и подразделения отражали попытки врага продвигаться на восток вдоль рек Дон и Сал.

Потеря связи с тылами и пунктами снабжения дивизии отразилась на боеспособности наших войск. Боеприпасы на исходе, каждый патрон на строгом счету.

В создавшихся условиях командир 91-й дивизии 4 августа по радио доложил командующему 51-й армией о состоянии наших частей и получил разрешение на выход из окружения. Выход из окружения наметили в ночь на 5 августа. Днем самолеты противника могли обнаружить наши колонны и направить против нас сильные танковые группы. Для выхода из окружения построились в каре — плотный четырехугольник. В полночь, выдвинув вперед, в стороны и в замыкающую колонну походные охранения, мы перешли железную дорогу Сальск — Сталинград на переезде между разъездами Веселый и Башунь. Утром части и подразделения 302-й дивизии, выделившись из общей колонны, направились в совхоз № 4.

Отдых был недолгим. Вечером по радио был принят приказ командующего 51-й армией: «Выбить противника из хутора Андриевского и станицы Эркетиновской». Пополнив боезапасы и приведя в порядок подразделения, 6 августа, на рассвете дивизия атаковала противника. Фашисты не ожидали здесь удара наших войск.

Части дивизии, захватив врасплох врага, принудили его к паническому бегству. Много вражеских трупов осталось лежать на улицах и во дворах хутора Андриевского и станицы Эркетиновской.

Чем дальше углублялись фашистские танковые и полевые армии на юг и на восток нашей страны, тем больше между ними оставалось пространства, не занятого их войсками. Подразделения гитлеровских союзников, слабее вооруженные и менее подвижные, попадали под удары нашей дивизии. Стремясь упрочить свои фланги и тыловые коммуникации, командование группы армий «Юг» все чаще высылало против нас танковые и механизированные отряды, ослабляя тем самым свою ударную группу. Боевые схватки принимали своеобразный характер, заключающийся в непродолжительном бое небольшими по численности подразделениями.

Чтобы затруднить своевременную переброску фашистских войск, соединения 51-й армии вели активные боевые действия. Частые короткие удары по путям выдвижения резервов врага,

уничтожение живой силы и техники нарушали работу его тыловых подразделений, ослабляли силы, наносившие главный удар по Сталинграду.

На всех направлениях, то ближе, то дальше, слышалась артиллерийская канонада. Разведчики доносили о передвижении крупных сил врага севернее нашей дивизии.

Наши боевые действия основательно беспокоили фашистов. Внезапные удары по коммуникациям нарушали планы и сроки перегруппировок и снабжения их войск. Из наступающих на Сталинград сил они стали выделять все больше сильных мотогрупп и танков, пытаясь кратковременными ударами парализовать боевую активность дивизии.

Упорный бой продолжался и в районе хутора Андриевского. Хутор расположен вдоль дороги на Сталинград, по которой двигались тыловые подразделения фашистских дивизий, обеспечивавшие свои передовые части боеприпасами и продовольствием.

Враг не мог мириться с тем, что расположенные в Андриевском наши части держали под огнем дорогу. Выделив из своих боевых порядков сильную группу, подкрепленную танками, он нанес удар по Андриевскому.

Героически сражался 827-й полк под командованием майора А. И. Вражнова. На помощь ему был направлен противотанковый дивизион. Артиллерия дивизии своими огневыми налетами наносила противнику серьезные потери. Бой продолжался до наступления темноты.

Но немцам все же удалось овладеть хутором Андриевским, потеснив 827-й полк. Фашисты торопились. Овладев хутором и считая, что они обеспечили беспрепятственный путь для движения своих тыловых подразделений, они вернулись к основным силам. Это вскоре подтвердила и дивизионная разведка.

В связи с захватом врагом Андриевского и продвижением фашистских войск и их тыловых подразделений к Сталинграду, мною было дано указание начальнику разведотделения штаба майору С. И. Шпара организовать разведпоиск — уточнить обстановку в хуторе Андриевском и добыть «языка». Произвести разведку было поручено командиру взвода отдельной 248-й разведроты младшему лейтенанту В. Н. Пичугину.

Прибыв к хутору, разведчики скрытно расположились у первого дома с небольшим, но довольно густым садом, находившимся в некотором отдалении от других зданий.

Под вечер на дороге к хутору появилось пять мотоциклистов. Они ехали на большой скорости. Немцы не ожидали засады.

Подъехав к дому, возле которого укрылись разведчики, они остановились. Один из них остался возле машин, остальные, оставив автоматы у мотоциклов, подошли к дому. Двое из них зашли в помещение, остальные уселись на скамеечку и о чем-то сердито спорили. И когда на улицу вышли заходившие в дом мотоциклисты, по условленному сигналу разведчики выскочили из засады и преградили путь фашистам к оружию. Одновременно В. Н. Пичугин дал очередь из автомата по фашисту, стоявшему у мотоциклов, пытавшемуся открыть огонь, и сразил его.

Одна короткая автоматная очередь не возбудила подозрения у находившихся в хуторе фашистских солдат. Забрав пленных и мотоциклы, не задерживаясь, разведчики вернулись в расположение дивизии.

Получив донесение разведчиков и опросив пленных, я с разрешения командира дивизии приказал командиру 827-го полка майору А. И. Вражнову вторично овладеть хутором Андриевским. На рассвете следующего дня 827-й полк атаковал этот населенный пункт и очистил его от фашистов.

Ожесточенные бои за хутор Андриевский и станицу Эркетиновскую еще раз показали стойкость, выносливость, мужество наших бойцов и командиров.

НА РУБЕЖЕ САРПИНСКИХ ОЗЕР

Общая обстановка в направлении Сталинграда для советских войск осложнялась. Стремясь быстрее овладеть Сталинградом, гитлеровское командование, для укрепления флангов 6-й полевой и 4-й танковой армий, выдвинуло севернее 8-ю армию итальянцев, а южнее — 3-ю армию румын.

Советские войска, оборонявшие Сталинград, проявляли чудеса стойкости и героизма, отражая беспрерывные атаки врага.

9 августа часть войск Сталинградского фронта была включена в состав Юго-Восточного фронта, которым командовал генерал-полковник А. И. Еременко. Командующий войсками Юго-Восточного фронта принял решение перевести войска 51-й армии на рубеж Сарпинских озер, южнее Сталинграда, для прикрытия путей к Волге и к городу с юга.

К югу от Сталинграда тянулась лощина с рядом Сарпинских озер, поросших камышом и имевших болотистые берега. Небольшие озера являлись естественными препятствиями для танков и мотомеханизированных сил врага. Перешейки между ними давали возможность создать сильную оборону. Общий фронт обороны 51-й армии проходил по линии озер Сарпа, Цаца, Барманцак и далее до Элисты. Рубеж обороны 302-й дивизии проходил по линии озер Сарпа, Цаца, Барманцак и до поселка Заханата.

Переход войск 51-й армии на новый рубеж прикрывала 302-я стрелковая дивизия. Ее подразделения, находившиеся в арьергарде, часто вступали в боевые стычки с отрядами противника.

18 августа 302-я дивизия полностью заняла указанный рубеж в 30 километрах от Сталинграда. Бойцы быстро приступили к организации системы огня и устройству оборонительных сооружений.

…Идут дни. В чистом голубом небе, в лучах солнца нет-нет да и блеснет фашистский самолет.

Уже несколько дней над нами кружится их разведчик— предвестник налета вражеских бомбардировщиков.

В один из таких дней комиссар дивизии Н. Д. Сидоров пригласил меня поехать познакомиться с правым соседом — 107-м стрелковым полком 15-й гвардейской забайкальской дивизии.

Мы познакомились с командиром и комиссаром полка, побывали на их командном пункте. Разговаривали с бойцами. Все они с нетерпением ждут боевых действий. Дивизия недавно прибыла из-за Волги. Не скрою, позавидовали мы тогда ее мощи.

В стрелковых ротах забайкальской было по 240 человек, по 10 ручных и 4 станковых пулемета, 50-миллиметровые минометы, большое количество противотанковых ружей и придавалась артиллерийская противотанковая батарея.

Уже направляясь в свою дивизию, комиссар Н. Д. Сидоров заметил:

— Молодцы, хорошо вооружены. Будет и у нас в ротах по четыре станковых пулемета и больше противотанковых ружей. — И, помолчав, весело добавил: — Значит, Александр Харитонович, лучше стали оснащать идущие на фронт части. Это очень радует.

18 августа в штаб дивизии прибыла делегация трудящихся Сталинграда — представители металлургического завода «Красный Октябрь», машиностроительного завода «Баррикады», тракторного и других предприятий.

Митинг провели в 827-м стрелковом полку.

На сухой, горячей от солнца, солончаковой земле, возле небольшого озера, от которого приятно тянуло прохладой, расположились бойцы.

Выступивший на митинге рабочий завода «Красный Октябрь» П. Н. Зубов сказал:

— Товарищи бойцы и командиры! Около года назад мы передали вам боевое знамя царицынских рабочих от трудящихся Сталинграда и наказ наших отцов, матерей, жен и детей беспощадно бить фашистскую нечисть. Теперь фашистские полчища рвутся к самому Сталинграду. Защитите наш героический родной город на Волге, встаньте грудью на его защиту!

От имени бойцов, командиров и политработников выступил командир 827-го полка А. И. Вражнов. Он заверил рабочих Сталинграда, что, как при получении знамени мы поклялись, и теперь клянемся беспощадно бить врага и защитить город на Волге, славный революционными и трудовыми традициями.

* * *

Стояли жаркие августовские дни. Севернее Дона слышался неумолкаемый гул сражений. На нашем междуозерном рубеже лишь часто вспыхивала ружейно-пулеметная перестрелка, да раздавались короткие артиллерийские залпы.

Наши удары по врагу, расположение наших частей вблизи его большой тыловой дороги основательно мешали противнику планомерно сосредоточивать свои силы в районе Сталинграда. Поэтому на своих коммуникациях он держал

оборону, проводил «карательные» операции против 302-й и 91-й дивизий.

Большую роль в нанесении ударов по коммуникациям и тыловым объектам врага, наряду с подразделениями и разведчиками, играли и подвижные, мобильные, и хорошо вооруженные отряды.

20 августа мне удалось побывать в гостях у полковника М. К. Зубкова. После сердечного приступа в боях под Малой Мартыновкой его освободили от командования дивизией и по его личной просьбе назначили командиром одного из подвижных отрядов для нанесения удара по тылам и коммуникациям врага.

У него в отряде около 300 бойцов и 25 автомашин. При встрече с превосходящими силами врага отряд «исчезал». Тактика действия отрядов была выгодна, она не давала оккупантам чувствовать себя «вольготно» даже в тылу своих войск.

Михаил Константинович Зубков с большим интересом расспрашивал меня о боевых делах дивизии, о командирах и политработниках. Он тепло вспоминал о сослуживцах.

Удалось мне побывать и в другом подвижном отряде полковника Ефима Федосеевича Макарчука. Он имел больше опыта в руководстве боевыми действиями подвижного отряда, чем М. К. Зубков. О его боевых делах хорошо знали бойцы и командиры дивизии. В Зимовниках отряд около пяти суток отражал многочисленные атаки фашистов, что помогло частям 91-й и 302-й дивизий выйти из кольца окружения. Небольшие группы противника не рисковали вступить с ним в бой.

В отряд полковника Е. Ф. Макарчука мне удалось попасть лишь вечером. Шел бой. Перед отрядом была поставлена боевая задача — взять высоту с мельницей. Фашисты упорно ее удерживали. Через нее проходила грунтовая дорога от Котельниково к Сталинграду. Эту высоту с небольшим поселком обороняли два вражеских батальона.

Попытка овладеть высотой накануне ночью не удалась. Противник оказался опытным и при первом же сигнале тревоги поджег ряд зданий на окраине поселка. Огонь осветил окружающую местность, по которой наступали бойцы отряда Е. Ф. Макарчука.

Атаковать при освещенной местности и выбивать противника из каждого здания небольшими силами сложно. Атакующие хорошо виднелись на местности. Замаскировавшийся же в зданиях поселка и в окопах противник невидим.

Полковника Е. Ф. Макарчука я нашел в небольшом, отдельно стоящем сарайчике, с телефонистом. Он молча следил за ходом боя, время от времени брал из рук телефониста трубку и

негромко пояснял подчиненным, в каком направлении вести наступление.

Отряд нанес удар по высоте с мельницей и поселку с западной стороны, откуда противник не ожидал нападения. Высота была взята.

После боя, в беседе со мной, Е. Ф. Макарчук коротко рассказал о своем отряде, его боевых делах:

— Отряд небольшой, передвигаемся на 30 грузовых автомашинах. Имеем два 45-миллиметровых и три 76-миллиметровых орудия, два миномета, три 37-миллиметровые зенитные пушки, взвод спаренных зенитных пулеметов. Есть несколько станковых и ручных пулеметов. Автомашины позволяют нам легко маневрировать, внезапно нападать на отдельные подразделения и группы врага, действовать на его коммуникациях. — Немного подумав, пояснил: — Вооружение, как видите, у нас довольно мощное. Не проходит дня, чтобы мы не выполняли какой-либо боевой операции. Отряд наводит страх на оккупантов. Так что крепко бьем мы врага и днем и ночью.

Я прошу его рассказать о наиболее типичных тактических приемах отряда.

— Тактические приемы? — переспрашивает он и, улыбнувшись, говорит: — Прежде всего разведка — глаза отряда, внезапность, беззаветная смелость, железная дисциплина, мощный удар! Вопрос о формах и методах боя решается нами в каждом отдельном случае.

Продолжая беседу, он привел один пример:

— Характерным для отряда был бой, — сказал он, — который провел взвод лейтенанта Н. С. Дворяшина. Я дал ему задание устроить засаду и уничтожить двигающуюся по дороге на Сталинград автоколонну противника. Выбрав место в небольшой лощине, недалеко от дороги, он расположил взвод в боевом порядке. Установили пулеметы, позади них противотанковое орудие. Бойцы залегли у дороги и стали ждать.

Лейтенант Н. С. Дворяшин предупредил бойцов: подпускать врага на 100 метров. Вскоре он дал сигнал открыть огонь. Короткие очереди из автомата были перекрыты стрельбой пулеметов и орудия. Взрывались и горели машины, в панике на землю прыгали фашисты, попадая под плотный пулеметный и автоматный огонь. Оставшиеся в живых фашисты подняли руки. Результаты боя: уничтожено 9 автомашин, захвачено 4 исправных тяжелых грузовика с продуктами, немецкая почта из Германии. Уничтожено до трех десятков фашистов, 5 человек взято в плен.

— А как действуют ваши разведчики? — спросил я.

— Разведчики действуют хорошо, — с гордостью ответил

он. — Мы готовили удар силами отряда по станице Борисовской, расположенной на дороге, по которой следуют фашисты к Сталинграду. Нам необходимо было точно узнать о том, какие силы врага имеются в селе и какие его подразделения, тыловые обозы находятся на подходе к селу. Эти данные для нас были очень нужны. Задание предстояло выполнить бесшумно, не ввязываясь в бои. Но об этом вам расскажет сам командир разведгруппы.

Вот что я услышал от командира разведгруппы лейтенанта Зелинского:

— Нам повезло в этот день. Когда я с группой разведчиков выехал на выполнение задания, была темная, безлунная ночь. Небольшой туман стлался над землей. Незамеченные, ползком по огородам мы пробрались на одну из улиц села, притаились у одного из домов с небольшой террaской. В селе было шумно, где-то на окраине села лаяли собаки, слышалась немецкая и румынская речь. В домах горел свет. Из труб тянулись столбы дыма, пахло кизяком.

В селе оказалась крупная колонна врага — до 100 автомашин, груженных снарядами и продовольствием, рота автоматчиков, видимо охрана села, и несколько танков.

Ночевать фашисты расположились как дома, выставив при въезде и выезде из села охранения. По улицам через равные промежутки времени проходил патруль в составе трех человек. Брать его мы не решились, чтобы не спугнуть фашистов, не поднять тревоги. Ждали, когда кто-либо из фашистов выйдет из дома. Ждать пришлось долго. В домах погасли огни, наступила полночь. Наконец, скрипнула дверь, блеснул свет фонарика, и из дома на террасу вышли двое. Не успели они сойти с крылечка и сделать пяти шагов, как были нами схвачены и скручены. Тем же путем, по огородам, мы тихо покинули село и благополучно добрались до ожидавшей нас автомашины.

Среди захваченных оказался офицер, давший при допросе ценные сведения…

Рассказывая о выполнении боевого задания, лейтенант Зелинский умалчивал о своей роли, не подчеркивал личного героизма. Слушая его, я понял, что он рассматривает разведпоиск как свою повседневную, боевую, обыденную работу. Скромностью, смелостью, чувством высокого воинского долга он понравился мне.

Подобно подвижным отрядам М. К. Зубкова и Е. Ф. Макарчука могли действовать разведчики и 302-й дивизии.

В один из августовских дней разведчики нашей дивизии разгромили группу немецких солдат, охранявших гурт скота.

Немецкие солдаты маскировались под пастухов. Фашисты вступили в бой, применив не только автоматы, но и ручные гранаты. Их обезоружили. Они оказались солдатами 24-го пехотного полка, входившего в состав 94-й дивизии. Более двух недель их группа охраняла значительный гурт награбленного у колхозников крупного рогатого скота и вела разведку.

Учитывая боевой опыт подвижных отрядов, особенно отряда полковника Е. Ф. Макарчука, я предложил командиру дивизии полковнику А. Ф. Аменеву сделать разведроту дивизии более подвижной и более сильной в огневом отношении. С предложением А. Ф. Аменев согласился.

Разведроте выделили две грузовые автомашины. На каждую поставили 82-миллиметровый миномет. Днище машины укрепили с таким расчетом, чтобы можно было на ходу, не вынося минометы из автомашин для установки на землю, вести из них стрельбу. Это давало возможность немедленно открывать огонь по противнику. На крыше кабины укрепили по станковому пулемету. С одной и другой стороны на бортовых передних углах кузова — легкие пулеметы.

Число разведчиков в автомашине строго ограничено, каждый из них умел выполнять различную по военной специальности работу. В составе группы: минометный расчет из двух человек, четыре автоматчика, по одному стрелку с противотанковым ружьем, которое крепилось на задней стенке кузова, два пулеметчика к станковому и два — к ручным пулеметам. Общее число людей в каждой группе на одну машину не превышало 12–15 человек.

Такое оснащение позволяло вести сильный огонь из пулеметов и минометов впереди, а из противотанкового ружья отстреливаться назад при преследовании.

В одной машине рядом с водителем находился командир разведроты дивизии старший лейтенант К. Ф. Паршин, в другой — командир взвода, он же и заместитель командира разведроты, младший лейтенант В. Н. Пичугин. Оба офицера выделялись смелостью, инициативой и решительностью. Старший лейтенант К. Ф. Паршин в короткий срок сумел сплотить разведчиков в дружный и любящий свое дело коллектив.

Благодаря возросшей подвижности разведгруппа 23 августа захватила штабную фашистскую автомашину и пленила старшего врача и водителя 24-го пехотного полка. В штабной машине обнаружили радиоприемник, которым разведчики потом умело пользовались.

На главном направлении происходили свои события. Готовясь к решающему удару, гитлеровское командование

втянуло в боевые действия 3-ю армию румын на правом фланге основной группировки, а 8-ю итальянскую армию — на левом.

Для ослабления сил врага, наступавших на Сталинград, войска 51-й армии получили боевую задачу наносить по врагу сильные отвлекающие удары, цель которых — помешать врагу сосредоточивать свои войска у Сталинграда. Командующий 51-й армией генерал-майор Н. И. Труфанов 25 августа потребовал от командира 302-й дивизии полковника А. Ф. Аменева одним полком, оставив небольшое прикрытие, занять поселок Тундутово, выйти на рубеж населенного пункта Фролово (высоту с отметкой 99,0) и организовать оборону.

Через высоту 99,0 проходила дорога подвоза, по которой из крупной артиллерийской базы, расположенной на станции Котельниково, фашисты снабжали южные части своей 6-й армии под Сталинградом.

Захват высоты 99,0 был поручен 827-му полку майора А. И. Вражнова. По своей численности он не велик, но предыдущие бои сплотили его личный состав в крепкий, дружный коллектив, а приобретенный боевой опыт повысил боеспособность.

Перед 827-м полком находились непосредственно части 4-й пехотной дивизии гитлеровских союзников. Они прочно укрепили поселок Тундутово, высоту с отметкой 99,0 и создали другие опорные пункты.

Достаточным временем для предварительной тренировочной подготовки полк не располагал. Рубеж, установленный распоряжением штаба армии, предстояло занять к рассвету 26 августа. Поспешно провели необходимые мероприятия. Политруки рот и политсостав организовали политинформации, на которых пояснили цель предстоящего боя. Утром подразделения 827-го полка подошли к поселку Тундутово и внезапным ударом овладели им. Но занять высоту с отметкой 99,0 не удалось. Потери в подразделениях 827-го полка, к счастью, оказались незначительными.

Неудача по овладению высотой с отметкой 99,0 не обескуражила командиров и бойцов этого полка. Майор А. И. Вражнов решил атаковать противника не днем, а ночью. В течение дня его подразделения не проявляли признаков активности. Противник успокоился.

В ночь на 27 августа бойцы 827-го полка, соблюдая строжайшую тишину, подошли вплотную к рубежу обороны противника. Фашисты не ожидали ночной атаки. Смелым рывком 827-й полк овладел высотой с отметкой 99,0. Захватили два миномета с минами и мотоциклы. На высоте осталось много фашистских трупов.

Командующий 51-й армией для усиления частей 302-й дивизии выделил 6-ю стрелковую роту 108-го гвардейского стрелкового полка; Командир дивизии, учитывая численность гвардейцев, направил в 827-й полк только один стрелковый взвод и поставил ему задачу: совместно с подразделениями 827-го полка овладеть населенным пунктом Фролово. Остальные силы гвардейской роты использовал для обороны.

Наступление начали днем. К сожалению, артиллеристы помочь пехоте не смогли — слишком был мал лимит отпущенных на это снарядов. Из населенного пункта Фролово противник встретил наступающих сильным пулеметным и минометным огнем. Подразделения, не доходя 600–800 метров, вступили в «огневой бой», используя только стрелковое оружие. 827-й полк и гвардейский взвод без достаточной артиллерийской поддержки не смогли нанести сильный удар. Успешной атаки не получилось. Отходить с занятого рубежа не стали, продолжая вести редкий ружейный и пулеметный огонь. В ночь на 28 августа с рассветом фашисты сами перешли в контратаку. Имея явное превосходство в силах, они попытались окружить нашу группу, удерживавшую высоту с отметкой 99,0.

Развернулся жестокий бой. Наши подразделения сопротивлялись с героическим упорством. Около пехотного батальона фашистов с юго-запада и запада по оврагам и лощинам незаметно проникли в поселок Тундутово. Нашей небольшой группе, удерживавшей этот поселок, пришлось вести бой за каждый дом, за каждое строение. Однако явное превосходство сил врага вынудило полк отойти на восточную окраину.

На помощь 827-му полку выдвинули спешенный кавэскадрон 255-го кавалерийского полка. Этих сил было также недостаточно для противодействия противнику. Пришлось оставить и высоту 99,0 и поселок Тундутово.

Овладев поселком, фашисты повели наступление на село Малые Дербеты. К вечеру они прижали подразделения 827-го полка к болоту, через которое был проложен небольшой мост. Для его захвата фашисты направили часть своих сил.

Командир 255-го кавалерийского полка майор К. И. Висавитинов, находившийся на восточной стороне болота и внимательно наблюдавший за ходом боя, заметил грозившую опасность. По своей инициативе для обороны моста он направил на западный берег болота часть своих сил. Вовремя подоспевшая помощь позволила 827-му полку и поддерживающим его подразделениям выйти из-под удара.

Наступил вечер. Командир 827-го полка майор А. И. Вражнов отдал распоряжение о подготовке к ночной атаке и приказал до

полной темноты не производить никаких передвижений.

— На рубеж атаки — 200 метров восточнее села Малые Дербеты, — сказал он, — выйдем в полночь, сигнал для атаки подам лично. В атаку бежать без криков «ура».

Около полуночи, когда в расположении противника установилась полная тишина, по сигналам командиров бойцы без шума выдвинулись к месту, хорошо ими изученному днем. Вышли и залегли. В расположении противника по-прежнему было тихо. Майор А. И. Вражнов подал команду, которую бойцы передали друг другу по цепочке. И когда подошли почти вплотную к окраинам села, майор скомандовал:

— В атаку! Вперед!

Внезапная атака ошеломила противника. Фашистские солдаты растерялись и бросились из села в поле, но заградительные отряды останавливали бегущих, перегруппировывали их и с утра 29 августа вновь направили в бой.

В это время по дороге с юга к Сталинграду шла большая колонна автомашин противника. Путь им преградил отряд полковника Е. Ф. Макарчука. Его поддерживал своим огнем 865-й артполк из района села Пришиб.

Завязался бой в районе села Малые Дербеты.

Внезапный огонь артиллерии и удар Макарчука во фланг колонны привел фашистов в замешательство. Их машины сбились в большую группу. Артиллеристы своим огнем нанесли им серьезные потери.

Воспользовавшись замешательством противника, временным ослаблением его огня, группа майора А. И. Вражнова перешла в контратаку и вновь ворвалась в Малые Дербеты.

Тогда силою более полка фашисты еще раз попытались окружить и уничтожить боевую группу майора А. И. Вражнова. Они послали на захват моста более сотни автоматчиков.

Оборонявшее мост подразделение 255-го кавалерийского полка встретило фашистов сильным ружейно-пулеметным огнем и заставило их отойти.

Дружные, согласованные действия подразделений 827-го стрелкового и 255-го кавалерийского полков позволяли нанести противнику большие потери и отойти на прежний рубеж обороны.

Бои шли и в полосе обороны 91-й дивизии, которая наносила удары из района населенного пункта Заханата по направлению Серпин. Фашисты учитывали вероятность этих ударов. В районе Серпин оказалась сильная группа противника. Атакующую группу 91-й дивизии она встретила мощным автоматно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем, вынудив ее

отойти на свои прежние позиции.

При отражении ударов фашисты неоднократно пытались переходить в контратаки с явной целью разгромить наши, тревожившие их, подразделения. Однако ни в одной из таких контратак фашистам не удалось добиться успеха. Озера и болотистые участки на рубеже обороны 302-й и 91-й дивизий позволяли нам отражать их атаки.

Чтобы успешно вести боевые действия, истреблять врага, нужна была не только величайшая стойкость бойцов, храбрость, но и умелая организация ведения боя, взаимовыручка, широкое использование всех имеющихся боевых средств и инициатива. Всем этим все больше и больше овладевали наши командиры. Примером этому может служить бой, проведанный под руководством старшего лейтенанта И. Т. Скакунова 9 сентября 1942 года.

На рубеж, занимаемый его ротой, повел наступление батальон противника, усиленный несколькими танками. Это было около 8 часов утра.

Перед И. Т. Скакуновым стояла задача не допустить врага близко к своим позициям и попытаться уничтожить его. Враг имел большое численное преимущество и танки. Нужны были какие-то дополнительные меры. Обращаться за помощью он не стал, чтобы не терять драгоценное время.

Старший лейтенант Скакунов решил использовать стелющийся по земле туман и нанести врагу неожиданный, дополнительный удар силами двух взводов с флангов их боевого порядка. Об этом он сказал политруку Н. П. Бережнову и командирам взводов лейтенантам Н. А. Москалеву и А. Е. Васильеву.

— Правильно, командир, справимся! — согласился Н. А. Москалев. — Не впервой нам такое.

— Танки подобьют пэтээровцы — бронебойщики Гончара. У них впереди и окопы отрыты, замаскированы, — поддержал Н. А. Москалева А. Е. Васильев.

— Хорошо, товарищи, действуем! До восьми осталось тридцать минут, — посмотрев на часы, сказал И. Т. Скакунов.

Бойцы двух взводов исчезли в тумане. Вскоре на окопы враг обрушил минометно-артиллерийский огонь. Налет длился минут пятнадцать. К этому времени туман стал заметно редеть.

В полевой бинокль Скакунов увидел наступающие фашистские танки и двигающиеся за ними плотные цепи автоматчиков. Все ближе и ближе враг, и когда до рубежа обороны оставалось 300 метров, Скакунов дал сигнал открыть огонь.

Было видно, как один из танков окутал черный дым и он, накренившись, осел. Другой танк, стреляя на ходу, продолжал идти вперед.

«Эх! Противотанковое бы нам орудие, — мелькнула мысль у Скакунова, — передавит он нас гусеницами…» Но эту мысль он старался отогнать: бойцы не растеряются народ стреляный.

И всегда спокойней, он теперь с волнением замечал, как сокращалось расстояние между идущими впереди фашистской цепи танками и бойцами в окопе.

Навстречу фашистскому танку внезапно приподнялся из окопчика боец и метнул под него связку гранат. Раздался взрыв, танк замер на месте. Из открывшегося люка на землю начали выпрыгивать танкисты, которые попадали под огонь наших бойцов.

Несмотря на потерю танков, фашисты продолжали наступать. В бой вступил взвод Н. А. Москалева. Своим огнем во фланг боевого порядка противника он приостановил продвижение его пехоты.

На помощь пришел взвод А. Е. Васильева. Он также открыл внезапный огонь по другому флангу противника. Бойцы в упор расстреливали фашистов. Огонь был настолько мощным и неожиданным, что враг дрогнул и в панике начал отступать.

Так, умело используя фланговые удары, рота старшего лейтенанта Скакунова разгромила около батальона противника.

Часа через три фашисты вновь попытались атаковать рубеж, занимаемый ротой И. Т. Скакунова. Но на помощь пехотинцам теперь пришли минометчики, и враг был сном отброшен.

На следующий день утром, подтянув резервы, противник еще раз пытался атаковать наши позиции. Но ему так и не удалось сломить стойкость и упорство наших бойцов.

В непрекращающихся, повседневных напряженных боях сложна работа штаба дивизии.

Неоднократные схватки с врагом требовали ежедневного уточнения потерь, выяснения их последствий. Составлялись сводки и разведдонесения. Шли переговоры со штабом армии и его отделами.

По нескольку раз в сутки приходилось менять места расположения оперативной группы. Благодаря энергичности таких офицеров, как майор А. В. Реутов и начальник связи капитан И. В. Мамонтов, штаб и командование дивизии сохраняли тесную связь с полками.

Активность наших разведчиков основательно беспокоила фашистов. Они стали слишком осторожны. Захватить пленного из их окопов не удалось. Продумывая порядок очередного

разведпоиска, старший лейтенант К. Ф. Паршин решил перехитрить фашистов и захватить пленного в населенном пункте Семкино. Поселок растянут с востока на запад. Дома без садов, отдаленные друг от друга, хорошо просматривались. Восточная часть поселка — в «ничейной полосе» у западной окраины его — окопы противника. Подобраться к ним трудно. Место открытое, минированное. Поэтому-то и решили захватить пленного в восточной «ничейной полосе» Семкино.

Разведчики заметили, что солдаты противника в этом районе часто любят шарить по хатам. Решили устроить засаду. Ночью пробрались в поселок и засели в домах. До полудня тихо выжидали, никто из фашистов из окопов не выходил. Приближался вечер. Старший лейтенант Паршин решил выманить их «на малину». Выманивать фашистов вызвался ефрейтор Ивашкин. Без ремня, гимнастерки и пилотки вышел на улицу и стал захаживать то в одну, то в другую хату. Фашисты заметили бродячего солдата и решили его захватить. Взять пленного для фашистских солдат значило получить десять суток отпуска.

Для захвата солдата они выделили группу в составе восьми человек. Когда фашисты поравнялись с засадой, их схватили разведчики и привели в штаб дивизии.

Разведчики долго смеялись над незадачливыми вояками.

Разведгруппа старшего лейтенанта К. Ф. Паршина не только успешно добывала «языка», но часто помогала и другим разведгруппам, в том числе и армейской.

Так, группа разведчиков выехала на автомашине, чтобы выяснить обстановку на стыке с правым соседом севернее Семкино. Об этом рассказывал командир разведроты старший лейтенант, К. Ф. Паршин:

«Когда подъехали туда, увидели попавших в беду армейских разведчиков. Скат высоты в сторону противника длинный, пологий. Армейские разведчики, видимо, не встречая огня, приблизились к окопам противника. Фашисты заметили их издали и, подпустив поближе, открыв огонь, подбили машину. Увидев это, мы решили им помочь. Открыли из минометов и пулеметов, установленных на машине, огонь по фашистским окопам, быстро подъехали к армейской машине. Взяли разведчиков и задним ходом — за гребень высоты. Огонь из шести пулеметов и миномета ошеломил противника. Такого огневого удара он не ожидал и растерялся.

В первых числах сентября начальник разведотдела штаба 51-й армии — полковник Михаил Фомич Зайцев предложил мне силами нашей дивизионной 248-й разведроты организовать

разведпоиск — рейд с целью захвата пленных на коммуникациях противника к Сталинграду. Необходимо было уточнить направление движения фашистских войск, их принадлежность и, главное, места сосредоточения их резервов.

Вызвав командира разведроты старшего лейтенанта К. Ф. Паршина, я рассказал ему об этом ответственном и сложном боевом задании.

Было решено поиск поручить одному из лучших разведчиков дивизии — командиру разведвзвода роты младшему лейтенанту Василию Николаевичу Пичугину, разрешив ему по своему усмотрению взять в разведгруппу наиболее смелых и опытных бойцов. В группу вошли сержант А. Грипыч, боец Н. Гудермесов и другие. Всего восемь человек. В течение нескольких дней старший лейтенант К. Ф. Паршин готовил группу к выполнению задания.

12 сентября в районе обороны, занимаемой 827-м полком майора А. И. Вражнова, разведгруппе удалось незамеченной пройти через линию вражеской обороны.

Проходили дни. О действиях разведгруппы сведений не поступало. И мы уже начали беспокоиться о ее судьбе.

19 сентября, поздно ночью, мне позвонил начальник штаба 823-го полка и сообщил о том, что на участке обороны 2-го батальона вышла группа разведчиков.

Я приказал немедленно доставить их в штаб дивизии и вызвать начальника разведотдела майора С. И. Шпару».

Встретить разведчиков пришел и комиссар дивизии Н. Д. Сидоров. Через полчаса у штаба остановилась машина.

Разведчики спрыгнули с полуторки, и младший лейтенант В. Н. Пичугин доложил:

— Товарищ полковник, по тылам врага мы прошли более ста километров. Бойцы чувствуют себя хорошо. Готовы выполнить новое задание.

Взволнованно и горячо рассказали разведчики в штабе дивизии о смелом и мужественном походе по тылам врага, где их не раз поджидала смерть от фашистской пули или гранаты.

Разведчики установили расположение резервов врага, направление их движения к Сталинграду, места сосредоточения (пехоты, танков), следования обозов. Отважные разведчики на своем пути уничтожали телефонную связь врага, вырезали километры проводов.

В станицах, хуторах, в селах, встречаясь с нашими людьми, попавшими в фашистскую неволю, рассказывали им правду о поражениях немцев под Москвой, Ленинградом, Воронежем, о боевых действиях нашей 51-й армии, укрепляя их веру в скорое

освобождение.

Собранные разведчиками сведения оказались очень ценными, они указывали места сосредоточения сил противника и его резервов. В районе села Садовое на дороге к Сталинграду разведчики обнаружили штаб и подразделения пехотной фашистской дивизии и танковую часть.

Эти данные разведотдел дивизии передал в штаб 51-й армии. Они помогли впоследствии организовать ряд ударов по тылам противника, в том числе и по селу Садовое.

О рейде разведчиков в статье «Сто километров по вражеским тылам» писала газета «Правда», положительно оценив их смелость, мужество, боевую деятельность.

20 сентября 1942 года состоялось награждение бойцов, командиров и политработников 302-й дивизии. За образцовое выполнение боевых заданий командования, проявленные при этом доблесть и мужество орденом Красного Знамени были награждены красноармейцы И. А. Агапов, И. П. Елизаров и сержант В. Е. Каракозов; орденом Красной Звезды — майор Г. В. Гольцев, лейтенант С. А. Зелинский; медалью «За отвагу» — красноармеец П. И. Глушко, сержант Г. И. Гветидзе, политрук П. И. Карпенко и младший политрук Н. В. Попов; медалью «За боевые заслуги» — красноармейцы И. Е. Поцеро, П. П. Щербаков, сержант Х. И. Тучеев, старший сержант Н. И. Аверьянов и интендант 3-го ранга И. С. Сердюков.

Это было фактически первое награждение группы бойцов и командиров 302-:й дивизии.

Активных действий враг не предпринимал, и это дало возможность в спокойной обстановке, в укрытых местах собирать группы бойцов и награжденных, провести короткие митинги и вручить боевые награды.

Приближалась 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В частях и подразделениях широко развернулось соревнование за то, чтобы больше уничтожить фашистов.

Бойцы, командиры и политработники начали вести счет уничтоженных ими вражеских солдат и техники. На боевом счету младшего политрука Н. Попова оказалось 4 подбитых автомашины и 40 уничтоженных фашистов; у пулеметчика Павла Токарева — 2 сбитых самолета и 50 гитлеровцев и т. д.

Партийная и комсомольская организации повседневно руководили соревнованием, регулярно проводили проверку выполнения взятых обязательств и подводили итоги за каждый боевой день.

Большую роль в развитии этого соревнования играла и наша

дивизионная газета «За Родину» (ответственный редактор Сергей Миронович Хачатурян). Она помогала партийной организации и руководству дивизии мобилизовать бойцов и командиров на выполнение боевых приказов командования, призывала свято выполнять боевую присягу, прививала любовь к социалистическому Отечеству, требовала от них беспощадно истреблять фашистскую нечисть, стоять насмерть, не отступать ни на шаг.

В газете печатались яркие очерки о мужестве и героизме воинов дивизии.

По инициативе политотдела в газете стала помещаться «доска Почета» передовиков предоктябрьского соревнования.

На «доску Почета» передовиков соревнования заносились, по представлению командиров частей и подразделений, бойцы, командиры и политработники, проявившие мужество и героизм, стойкость и упорство в борьбе против врага, имеющие на своем счету наибольшее число уничтоженных фашистов и их техники.

Так, по представлению командира 827-го полка А. П. Вражнова, на «доску Почета» первыми были занесены: командир орудия гвардии сержант С. А. Тарелкин — за умелое управление отделением в бою (его минометный расчет подавил огонь двух орудий противника и уничтожил их расчеты); гвардии красноармеец связист А. А. Делов — за обеспечение бесперебойной связи в бою: невзирая на огонь противника, он быстро и четко передавал боевые распоряжения командования.

Через несколько дней в газете я прочел сообщение о занесении на «доску Почета», по представлению командира 825-го стрелкового полка Г. В. Гольцева, имен красноармейца снайпера Хаита Хужматова — за умелые и смелые действия (на его боевом счету было 104 истребленных фашиста); сержанта снайпера Г. Г. Кузнецова, уничтожившего в последних боях 19 солдат и офицеров противника. О боевых делах многих из них писала дивизионная газета.

Предоктябрьское соревнование сыграло огромную роль в мобилизации бойцов и командиров на борьбу против фашистов.

Застрельщиками соревнования всегда были коммунисты. Партийная организация дивизии пополняла свои ряды за счет лучших бойцов и командиров подразделений, доказавших в боях преданность Родине, Коммунистической партии.

Примером была деятельность партийного бюро, где парторг А. Е. Беланский. Оно повседневно вело работу по привлечению в партию лучших бойцов и командиров. К этой работе члены партбюро привлекали всех коммунистов, хорошо знающих людей. Лучших из них они рекомендовали к приему в ряды

Коммунистической партии.

Члены бюро И. Давыдов, В. Лукин, заместитель политрука В. П. Ленков проводили с бойцами беседы по Уставу и Программе КПСС, а желающим вступить в партию помогали оформлять документы.

Коммунисты личным примером воодушевляли бойцов на подвиги, на выполнение боевых заданий. О боевых делах некоторых из них говорят такие примеры.

В ряды партии был принят старший сержант Василий Кравцов. Фашисты удерживали мост, не давая нашим войскам продвигаться вперед. Неоднократные попытки захватить его успеха не имели. Наступление наших войск задерживалось.

Командир роты, которому было приказано обеспечить переправу, нервничал. Фашисты, укрывавшиеся в вырытых у моста окопах, огнем пулемета не допускали к месту наших бойцов.

Командир роты вызвал старшего сержанта Василия Кравцова, заменившего в последнем тяжелом бою выбывшего из строя командира взвода, приказал ему со взводом взять мост.

— Есть взять мост! — коротко ответил коммунист Кравцов. — Поддержите нас, товарищ капитан, до атаки минометным огоньком, пока до середины моста доберемся.

Когда Кравцов ушел, командир роты сказал:

— Ох, как нужен был бы танк или хотя бы танкетка!

— Я верю ему, — ответил политрук, — он коммунист. Боевое задание его взвод выполнит…

Командир роты по телефону связался с командиром батальона и попросил нанести по мосту массированный минометный налет.

Вернувшись в расположение взвода, В. Кравцов рассказал бойцам о полученном задании и приказал идти налегке, взяв только автоматы и гранаты. Он пояснил, что придется делать перебежки и ползти. Главное — незаметно поближе добраться до фашистского окопа.

В установленное время начался минометный огонь по засевшим у моста фашистам. Взвод В. Кравцова незаметно продвинулся к мосту и быстрым броском ворвался на него. Бойцам удалось добежать до половины моста. Минометный обстрел прекратился.

На смельчаков обрушился огонь фашистского пулемета и автоматов. Над головами лежащих засвистел вихрь пуль. Кто-то позади Кравцова вскрикнул, застонал, потом еще и еще стон, вскрик…

«Только бы проползти еще пять, десять метров», — мелькнула

мысль у Кравцова. И когда до конца моста осталось метров двадцать, он приподнялся и, размахнувшись, метнул одну за другой две гранаты.

— Вперед, за мной!

На противоположной стороне моста они ворвались в окоп и в рукопашной схватке уничтожали фашистов. Бойцы 5-й роты поспешили им на помощь. Мост был взят.

В партию был принят и бесстрашный связист Георгий Сибескверидзе. Подвижной, всегда жизнерадостный, он любил острую веселую шутку. В его обязанность входило устанавливать бесперебойную связь штаба дивизии с командным пунктом 827-го полка.

— Ну, как дела, Георгий? — встречая его, спрашивал я — Опять разрыв?

— Немножко, чуть-чуть она перебила провод, — подняв на меня свои черные живые глаза, отвечал он. — Не волнуйся, товарищ начальник, все будет хорошо! Он порвет — я соединю.

Он страстно ненавидел фашистов, мечтал о горном солнце, чистом небе Грузии. Не боясь смерти, в самые тяжелые моменты боя, под минометно-артиллерийским огнем он шел проверять лежащий на земле телефонный кабель, находил и исправлял разрывы…

Партийные организации, широко привлекая молодых коммунистов к активной работе, воспитывали из них достойных членов КПСС.

Важна и роль комсомольской организации. Мне часто приходилось оформлять наградные листы на комсомольцев. Смелые, мужественные ребята, готовые выполнить любое задание командования.

Я хорошо помню комсомольца красноармейца Андрея Мельниченко из полка майора А. И. Вражнова. Как-то раз у него на НП разговор зашел о снайперах. Майор сетовал на то, что в подразделениях мало снайперов, а с пополнением их не присылают. Я сказал ему, что снайперов надо выращивать самим из числа метких стрелков, особенно охотников. Майор согласился с замечанием, но просил помочь достать десяток снайперских винтовок. Просьба мной была выполнена.

Винтовки решено было вручить комсомольцам подразделений, лучшим стрелкам.

Недели через две мне вновь пришлось побывать в части майора И. И. Вражнова.

Вечером возле штаба полка, у небольшого столика, на котором лежали винтовки, выстроился десяток молодых бойцов. Майор сам лично вручал им боевое оружие.

— Товарищи бойцы! — сказал он. — Я вручаю вам, комсомольцам, лучшим стрелкам подразделений полка, грозное снайперское оружие. Беспощадно бейте им врага, уничтожая фашистов, вы оказываете помощь защитникам Сталинграда. Быстрее осваивайте это оружие, становитесь снайперами.

Первым получил оружие Андрей Мельниченко, невысокий, плечистый, но худощавый паренек, лет 18. Он с гордостью взял в руки снайперскую винтовку и прижал ее к груди.

— Благодарю за доверие! — звонко, почти по-мальчишески, взволнованно сказал он. — Обещаю беспощадно и метко разить врага!

Уже в первый день Мельниченко открыл свой счет. Он несколько часов пролежал в небольшом, им же отрытом окопчике, впереди линии — обороны. Вскоре он увидел, как один фашист показался у небольшого бугорка, видимо, проверял связь. Мельниченко прицелился, прозвучал выстрел, и фашист рухнул на землю. Второго фашиста молодой снайпер уничтожил позднее, также одной пулей. С каждым днем стал расти счет уничтоженных им фрицев.

Метким снайпером стал и комсомолец из части майора Г. В. Гольцева — Халит Хужматов, о котором я уже говорил. За это он и был представлен к боевой награде.

Снайпер сержант-комсомолец Г. Кузнецов за несколько дней уничтожил 19 солдат противника.

В ожесточенном бою у хутора Андриевского совершил героический поступок комсомолец Д. Печекладов. Вражеская мина попала в боеприпасы, загорелись ящики. Смелый комсомолец бросился тушить огонь. Осколком ранило Печекладова. Преодолевая боль, истекая кровью, он не оставил свою работу. Снаряды были спасены. Только после этого он попросил товарищей забинтовать рану и отказался пойти в медсанбат.

Беспримерный героизм в бою показал наводчик орудийного расчета комсомолец Василий Лысенко. Орудие в упор расстреливало прорывающиеся фашистские танки. Погиб расчет, Лысенко ранило. Подоспевшие пехотинцы помогли ему, и он продолжал вести огонь по врагу. Впереди его орудия оказались разбитыми четыре фашистских танка.

Смертью героя погиб комсомолец Петр Филь — старший сержант одного из подразделений 827-го полка. Он бесстрашно ходил в атаки, воодушевляя своим примером, мужеством и храбростью солдат. Огнем автомата и гранатами он прокладывал дорогу вперед. Только в одному бою 12 сентября 1942 года лично уничтожил 15 фашистов.

Развитию снайперского движения способствовала стабилизация обороны. Большие потери, которые несли фашистские войска у Сталинграда, вынуждали его ослаблять и прекращать активность на второстепенных направлениях. Достаточно сил для активных наступательных действий в это время не было и у нас, поэтому в полосе обороны 51-й армии наступило временное затишье.

В связи с этим действия подвижных отрядов в первой половине сентября 1942 года усложнились. Командование армии признало необходимым расформировать их и личный состав передать на пополнение стрелковых частей.

Полковник М. К. Зубков по состоянию здоровья был направлен в госпиталь, а полковник Ефим Федосеевич Макарчук был назначен командиром 302-й дивизии.

Ефим Федосеевич Макарчук происходил из-бедной крестьянской семьи села Ласки Житомирской области. Родился он в 1896 году. В 1915 году по мобилизации был призван в царскую армию. В 1916 году окончил школу прапорщиков. В 1918 году вступил в партизанский, отряд, а затем в 3-й Богунский полк 44-й дивизии, которой тогда командовал герой гражданской войны Николай Александрович Щорс.

В полк вступил рядовым, а затем стал командиром взвода, роты, батальона, начальником полковой школы младших командиров и, наконец, помощником командира полка.

В ряды Коммунистической партии Е. Ф. Макарчук вступил 1 мая 1919 года. Первую свою награду— орден Красного Знамени — он получил еще в 1922 году. Перед Великой Отечественной войной он занимал должность начальника штаба Уральского военного округа.

В отличие от полковника А. Ф. Аменева новый командир дивизии больше бывал на передовой, чем на командном пункте дивизии. Лишь в сложных боевых операциях он считал более целесообразным находиться на дивизионном наблюдательном пункте.

Став командиром 302-й стрелковой дивизии и ознакомившись с командирами полков, утром обычно он выслушивал доклады, утверждал намеченные мероприятия и уезжал на передовую, к бойцам. За это бойцы любили его, а бывшие в подвижном отряде создавали о нем легенды.

Меня всегда восхищало в нем его стремление полнее и точнее знать обстановку, непосредственно находясь на передовой. Он считал своей обязанностью посетить каждое из подразделений, познакомиться с бойцами и командирами, изучить их быт, настроение и учить их воевать.

Это был талантливый командир, обладающий широкими тактическими знаниями и имеющий большой практический боевой опыт, мужественный, смелый, волевой, умеющий быстро и правильно, оперативно решать вопросы и добиваться их выполнения, спокойно, по-деловому выслуживать доклады, тактично вносить поправки и дополнения.

Мне с ним во всех отношениях было легко, хорошо работать.

В РАЙОНЕ САДОВОГО

Обстановка в районе Сталинграда становилась все более и более напряженной. Противник сосредоточивал значительные силы для решающего удара по городу. Тяжелое положение складывалось для войск 57-й, 62-й и 64-й армий, обороняющих город и подступы к нему.

Командование Сталинградского фронта, чтобы облегчить положение 62-й армии и ослабить удар фашистов, решило нанести два вспомогательных удара по врагу силами 51-й и 57-й армий, с целью отвлечь часть его сил от Сталинграда.

Частями 51-й армии в ночь на 29 сентября намечалось нанести удар по скоплению противника на стыке дорог в районе крупного села Садовое, находящемуся юго-западнее расположения обороны 302-й дивизии. Через этот район шел важный путь снабжения фашистской 6-й полевод и 4-й танковой армий. По показаниям пленных, в Садовом размещался также штаб 4-й дивизии румын.

Второй удар предполагалось нанести силами войск 57-й армии северо-западнее.

Для разгрома фашистских войск в Садовом, командующий 51-й армией генерал-майор Н. И. Труфанов приказал создать отряд из подразделений 302-й и 91-й дивизий и усилить его 254-м танковым батальоном. Успех действий отряда зависел от подвижности, поэтому для передвижения стрелковых подразделений было выделено необходимое количество автомашин.

Командование отрядом поручили командиру 302-й дивизии полковнику Е. Ф. Макарчуку, имевшему опыт успешных действий подвижных отрядов. Комиссаром отряда был назначен представитель политотдела 51-й армии, батальонный комиссар Л. С. Петросян. Полковник Е. Ф. Макарчук и Л. С. Петросян хорошо знали друг друга по боевым делам еще в подвижном отряде до его расформирования.

Разведроты 302-й дивизии и штаба 51-й армии были временно объединены. Командовать разведотрядом назначен командир нашей разведроты старший лейтенант К. Ф. Паршин.

Получив боевую задачу, полковник Е. Ф. Макарчук развернул кипучую работу. Наметили подробный план действий, определив места каждого подразделения в условиях ночного боя.

Успех зависел от внезапности удара. С планом познакомили только командиров и начсостав, привлекаемых к участию в операции.

Все дни до выступления полковник Е. Ф. Макарчук проводил в подразделениях, которые должны были участвовать в рейде.

Большую работу по подготовке отряда проводили комиссар дивизии Н. Д. Сидоров и начальник политотдела А. Е. Светлов. Политработники разъяснили бойцам значение внезапных ударов по противнику и особенности ночного боя. В парторганизациях, на партсобраниях особое внимание обращалось на значение активности, инициативы и взаимопомощи в бою.

С майором А. В. Реутовым мы тщательно изучили и составили схему вероятного пути отряда и предполагаемое развертывание отряда у Садового для начала боевых действий. Разведывательные роты 302-й и 91-й дивизий, каждая т своей полосе обороны, выявляли промежутки в боевых порядках противника, позволявшие незаметно выдвинуться и перейти его оборонительный рубеж.

С наступлением сумерек 28 сентября отряд сосредоточился у поселка Заханата. Провожать его прибыли генерал-майоры Н. В. Калинин — командир 91-й дивизии и заместитель командарма 51-й армии Т. К. Коломиец. Все с нетерпением ждали условного сигнала разведчиков.

Под руководством старшего лейтенанта К. Ф. Паршина первыми на машинах двинулись к Садовому по заранее проверенному ими же маршруту разведчики.

На вооружении отряда — станковые и ручные пулеметы, противотанковая артиллерия и минометы. У бойцов — автоматы и большое количество противотанковых и ручных гранат.

Радист не снимает наушников. В быстро наступившей темноте фигура его как бы расплывается. Но вот он поднял руку и проговорил:

— Разведчики передали — путь свободен!

Полковник Е. Ф. Макарчук подает команду: «Вперед, марш!»

Почти в это же время в районе населенных пунктов Тундутово и Малые Дербеты вспыхнула оживленная перестрелка. Временами слышны раскаты артиллерийской стрельбы, ее вели подразделения правофлангового 827-го полка майора А. И. Вражнова. Они отвлекают внимание противника от места действий отряда. Стрельба создает впечатление, что наши войска вновь готовят ночную атаку. Противник хорошо помнит наши ночные контратаки за Тундутово, Малые Дербеты и высоту 99,0, нанесшие ему тогда большие потери.

Колонна автомашин тронулась в сторону противника. Танки были оставлены до утра. Грохот их моторов мог выдать движение колонны.

К двум часам ночи разведотряд, продвигавшийся впереди

стрелковых подразделений, тихо вышел на западную окраину села Садовое и притаился.

По сигналу «атака» разведчики должны были нанести врагу удар с тыла, первыми ворваться в центр села. Планом удара предусматривался выход разведгруппы на западную, северную и восточную окраины села Садового.

Первая группа разведотряда 302-й дивизии под командой младшего лейтенанта В. Н. Пичугина должна была действовать на центральной улице, где по имеющимся сведениям был расположен штаб румынской пехотной дивизии и немецкая комендатура. Вторая часть разведроты дивизии под командованием старшего лейтенанта К. Ф. Паршина получила задание перехватить дорогу со стороны Тундутово, с целью не допустить выхода в этом направлении из села фашистов, а также воспрепятствовать подходу к ним подкреплений.

Армейская разведрота старшего лейтенанта Зелинского с подразделением 825-го стрелкового полка майора Гольцева имела задачей перехватить дороги на запад и юг и очистить западную часть села Садового от фашистов и быть готовыми отразить подход новых сил противника.

По разработанному плану стрелковые подразделения отряда, соблюдая строгую тишину, подходили на установленные им исходные рубежи атаки. С ними двигались и связисты, разматывая полевой кабель от пункта командира отряда. Это давало возможность Е. Ф. Макарчуку при подходе отряда к Садовому вести переговоры с командирами подразделений. Телефонная связь из-за дальности расстояния с штабом была вскоре прервана. А по радио переговоры не вели, чтобы не привлечь к себе внимание противника.

Получив донесение, что все заняли свои рубежи и готовы к атаке, полковник Е. Ф. Макарчук решил ждать начала рассвета. Когда на востоке над горизонтом появилась светлая полоса, он подал команду: «Сигнал атаки!»

Неожиданная стрельба по поселку подняла фашистов. Разгорелся ожесточенный бой, который вскоре перешел в рукопашные схватки. Бойцы наших подразделений ворвались в Садовое и стали очищать от противника дома.

И в этот момент в тыл фашистам ударили группы разведчиков. Схватки на улицах села разгорались все сильнее. Они шли на улицах, в домах, на огородах, у блиндажей и в окопах. Советские бойцы уничтожали сопротивляющихся.

Паника охватила фашистских солдат. Они заметались. Многие из них пытались спастись бегством. Это удавалось лишь немногим.

Бойцы и командиры отряда, проявляя массовый героизм, рвались вперед. В этом бою особенно отличились разведчики. Двигавшаяся на автомашине группа младшего лейтенанта В. Н. Пичугина по сигналу красных ракет, открыв ураганный огонь, прорвалась к центру села. Противник не ожидал такого нападения и растерялся. Стреляя, бросая гранаты, разведчики на большой скорости подскочили к зданию штаба 4-й румынской дивизии. Увидев, что из окна здания штаба фашисты ведут пулеметный огонь, В. Н. Пичугин приказал атаковать дом и, подкравшись к нему, сумел бросить в окно противотанковую гранату.

Ворвавшись в помещение штаба, разведчики обнаружили трех оглушенных и раненых румынских солдат. Один успел выскочить через окно в сад.

По убегающему В. Н. Пичугин дал автоматную очередь и сам выпрыгнул за ним в окно. Раненый фашист из пистолета выстрелил в В. Н. Пичугина, но промахнулся. Его схватили и привели в здание штаба. Он оказался полковником, одним из работников штаба.

В штабе были взяты ценные документы и карты, а также сейф (ящик) с большим количеством немецких крестов.

Разведгруппа уничтожила телефонную связь с частями, располагавшимися в боевых порядках и в ближайших населенных пунктах. Она помогла атакующим бойцам разгромить немецкую комендатуру.

Под вечер 29 сентября стало известно о героической гибели командира разведотряда старшего лейтенанта К. Ф. Паршина и группы разведчиков. Они погибли в ожесточенном бою, отражая попытку врага вырваться из Садового в Тундутово. Произошло это, как я выяснил, так.

Группа разведчиков под командой К. Ф. Паршина в составе Николая Титова, Петра Гордеева, Виктора Ковалева, Василия Грипича, Андрея Данилина перед началом атаки находилась на окраине улицы у выхода на дорогу, ведущую из Садового в Тундутово.

Разведчики увидели, что улица стала заполняться в панике бегущими в их сторону фашистами. С каждой минутой их число увеличивалось.

Ехать на машине навстречу этой массе бегущих было бессмысленно. Ведь разведчиков было шестеро.

Но они не могли и не имели права дать врагу уйти.

Нужно было задержать и уничтожить эту ревущую, бегущую навстречу толпу фашистов.

Старший лейтенант К. Ф. Паршин быстро принял решение —

развернуть грузовик и поставить его поперек дороги, встретить фашистов огнем.

И они не дрогнули, приняли бой.

Шесть — и сотни бегущих солдат врага.

Бегущие все ближе и ближе. Многие из них в одних гимнастерках и полуодетые, но с оружием в руках.

Пять автоматов и ручной пулемет открыли навстречу бегущим шквальный огонь. Первые ряды скошены, но на их месте появляются все новые и новые.

Когда кончились патроны, разведчики использовали гранаты. Фашисты стали окружать группу смельчаков.

Кончились гранаты, схватились врукопашную.

Пытаясь остановить врага, не дать ему отступить, разведчики героически погибли.

Перед разведчиками вся улица и ее обочины были завалены трупами фашистов. Их оказалось более 500.

Забегая вперед, стоит сказать, что за проявленный героизм и мужество все разведчики посмертно были награждены орденами Красного Знамени.

Героизм проявили и разведчики группы Степана Зелинского, которые совместно со взводом автоматчиков лейтенанта А. Е. Невского разгромили артиллерийский дивизион фашистов, захватив около десяти исправных орудий.

В связи с гибелью командира разведотряда старшего лейтенанта К. Ф. Паршина, командование разведротой взял на себя младший лейтенант В. Н. Пичугин.

За умелое руководство боевой деятельностью разведчиков и проявленную при этом личную храбрость В. Н. Пичугин приказом командующего Сталинградским фронтом был награжден орденом Красного Знамени.

Бой окончился полным разгромом штаба и штабных подразделений 4-й румынской пехотной дивизии.

В штабе дивизии дни проходили в напряженном ожидании. О действиях отряда к нам поступали отрывочные, подчас противоречивые сообщения. Передавалось о разгроме 21-го и 5-го пехотных полков фашистов, о взятии 16 орудий и значительных складов боеприпасов.

Первые успехи порадовали, но удручило и потрясло сообщение о гибели комиссара дивизии Н. Д. Сидорова и командующего артиллерией дивизии П. И. Симоненко.

Разведчики дивизии установили, что на маршруте, по которому отряд 28 сентября успешно прошел в тыл противника к Садовому, враг выставил крупный заслон, а восточнее Садового расположил артиллерийские позиции вновь прибывшего

подразделения. Мы предполагали, что в этом направлении отряд Е. Ф. Макарчука и будет прорываться к нам.

Наше предположение оправдалось.

4 октября вечером разведчики донесли, что на рубеже неприятельской обороны восточнее села Садовое разгорелся бой.

Стало ясно, что отряд Е. Ф. Макарчука совершает прорыв. В помощь отряду я приказал выдвинуть учебный батальон майора М. Л. Баранова и подготовить артиллерийский заградительный огонь по противнику, который попытается преследовать отходящих.

Вскоре подразделение за подразделением отряда Е. Ф. Макарчука стали подходить к рубежу обороны дивизии. Их встречали как героев.

Через час на командный наблюдательный пункт дивизии, в мою землянку, вошел полковник Е. Ф. Макарчук. Из его правой руки сочилась кровь. Во время прорыва он получил ранение.

Взволнованный, не снимая фуражки, он потребовал немедленно соединить его с командующим армией. Через несколько минут телефонист протянул ему трубку. На проводе был исполняющий обязанности командующего 51-й армией Т. К. Коломиец. После короткого доклада о ходе операции по разгрому группы противника в Садовом Е. Ф. Макарчук с гордостью сказал:

— Товарищ командующий, боевую задачу мы с честью выполнили. Четвертую пехотную дивизию разгромили! На артиллерийских позициях захватили 36 орудий. Вывезли 16 орудий, больше возможности не было. Остальные подорвали.

— Потери? — переспросил он.

— Потери есть, уточняем. Погиб командир 825-го полка майор Гольцев, командир разведроты дивизии старший лейтенант Паршин и другие. Раненых вывезли. Всех вывезли, товарищ командарм!

Положив трубку, уже спокойнее, Е. Ф. Макарчук сказал:

— Боевое задание выполнили. Бойцам нужен отдых. Пусть тыловики поторопятся и хорошо их накормят. Завтра к 10.00 мне и комиссару отряда Петросяну приказано явиться в штаб армии. — И весело добавил: — Возвращаясь из Садового, наскочили на артиллерийские позиции противника. И для нас, а еще больше для фашистов эта встреча оказалась неожиданной. По пути уничтожили на этих позициях еще 24 орудия.

Далее Макарчук сообщил, что фашистское командование против них перебросило из Сталинграда 11-ю танковую дивизию, да и со стороны Котельниково стала быстро надвигаться танковая часть, не менее 70 танков. Пришлось вывести отряд и оставить Садовое.

Я коротко доложил Ефиму Федосеевичу о состоянии дел в дивизии в период его отсутствия. Очень тяжело воспринял он сообщение о гибели Н. Д. Сидорова и П. И. Симоненко. Он прикрыл глаза и прислонился спиной к стенке землянки. Стало тихо. Прошло несколько долгих минут…

— Эх, Николай Дмитриевич, — уже тихо сказал он, — как же это так. А ведь мы с тобой до Берлина собирались дойти… Какая потеря! Как же это могло случиться?

Я рассказал ему о том, что нам стало известно от тяжело раненного шофера их автомашины…

Удар по Садовому заставил фашистское командование вывести из боя за Сталинград около 100 танков и значительную группу пехоты.

Документы, захваченные в штабе 4-й пехотной дивизии врага, оказались очень ценными.

Высокая оценка боев за Садовое и разгром фашистских войск в этом районе дана в книге «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»:

«Стремясь ослабить натиск вражеских войск… и облегчить положение 62-й армии, командование фронта организовало два контрудара южнее Сталинграда… Эти контрудары заставили фашистское командование снять часть своих сил с главного направления, что временно ослабило натиск противника непосредственно на город.

Важнейшими результатами этих активных действий явилось также упрочение обороны южного крыла наших войск под Сталинградом и овладение выгодными плацдармами для последующего контрнаступления»[3].

За успешное осуществление операции полковник Е. Ф. Макарчук был награжден орденом Красного Знамени.

Вместо погибшего полкового комиссара Н. Д. Сидорова заместителем командира дивизии по политчасти был назначен начальник политотдела дивизии Ф. В. Демичев. Командиром 825-го полка в связи с гибелью майора Г. В. Гольцева был назначен начальник разведотделения штаба дивизии майор С. И. Шпара.

Противник пытался отомстить за разгром своей 4-й пехотной дивизии в Садовом. Фашисты провели ряд атак, но значительного успеха, территориального преимущества они не получили. Бои носили упорный, изматывающий характер. Видя безрезультатность своих действий, фашисты временно прекратили атаки.

Наступило небольшое затишье. Но враг насторожен. Он ночью освещает местность ракетами и ведет прочесывающий огонь.

ПРОРЫВ ВРАЖЕСКОЙ ОБОРОНЫ

Близилась зима 1942 года. Наступил новый этап в Великой Отечественной войне — переход наших войск в районе Сталинграда от обороны к решительному, стратегическому наступлению.

51-й армии была поставлена задача прорвать оборону противника с плацдармов на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак, основными силами развивать наступление на запад, в направлении на Абганерово, а затем на юго-запад, на Котельниково.

302-я и 15-я гвардейские стрелковые дивизии должны были нанести совместный удар в направлении на Абганерово. Для наступления полоса прорыва 302-й дивизии была сужена. Оставляемые полками дивизии рубежи обороны занял 76-й укрепленный район, подразделения которого оснащены мощным пулеметным, противотанковым и артиллерийским вооружением.

Дивизия сосредоточивала основные силы на правом фланге своих боевых порядков в районе озер Цаца и Барманцак. Чтобы скрыть от противника перегруппировку, подразделения и части продвигались на новые рубежи ночью.

Штабу дивизии предстояла напряженная работа. Прежде всего мною был собран руководящий состав штаба. Совещание носило оперативный характер. Был намечен план действий, даны задания начальникам отделений, установлены сроки исполнения.

Оперативному отделению штаба, майору А. В. Реутову, необходимо было не только наметить маршруты передвижения отдельных частей и подразделений дивизии, но и рассчитать время и порядок их выдвижения на исходные рубежи для наступления. На равнинной степной местности отсутствовали четкие ориентиры. В ночной темноте легко было ошибиться и выйти не в намеченный район.

Начальнику разведотделения майору К. Л. Лебедеву с разведчиками я приказал переместиться в полосу наступления и организовать непрерывное наблюдение за поведением противника на направлении нашей атаки. Нужно было определить и уточнить силы противника на линии удара. Отдельным небольшим разведгруппам совместно с бойцами 76-го укрепленного района каждую ночь следовало тревожить противника, имитируя попытки захвата пленных.

Ежедневно, в конце дня в штабе проводились краткие совещания, на которых мы подводили итоги работы за день. Выяснили, что уже сделано по подготовке к наступлению, что

предстоит сделать на следующий день.

Совещания нам очень помогли. Они давали четкие данные о ходе подготовки к наступлению. Ежедневно, после их проведения, я встречался с командиром дивизии полковником Е. Ф. Макарчуком, информировал его о работе и вместе с ним обсуждал и уточнял характер предстоящих мероприятий.

Из штаба армии требовали предоставления различных документов: боевых донесений, разведывательных сводок, подробной информации о ходе подготовки к наступлению и т. п. Поэтому приходилось работать с большим напряжением и днем, и ночью.

Особенно тяжелая работа выпала на долю саперной службы. Саперы по ночам должны были отыскивать и определять минные поля, проделывать в них проходы для пехоты и танков. Снег усложнял их работу.

Офицеры штаба дивизии хорошо понимали, что успех атаки и наступательного боя во многом зависит от четкости их работы, постоянной связи с подразделениями и штабами полков, поэтому основное время они проводили в частях и подразделениях, оказывая их командирам помощь.

«Главное внимание всего командно-политического состава было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный»[4].

Из района озера Цаца было видно немеркнувшее зарево, стоявшее над Сталинградом. Оттуда временами доносился отдаленный грохот орудийной канонады.

В степи холодно, резкий ветер пронизывал даже добротную зимнюю одежду.

И вот наступило утро 19 ноября. Севернее нас для многих неожиданно возник мощный грохот артиллерийской стрельбы, разрывов снарядов, бомб. Воины заволновались: «Неужели началось!»

Шел последний день нашей подготовки. С командирами частей отработаны вопросы взаимодействия. Командиры батальонов и рот со своих наблюдательных пунктов изучают и всматриваются в окопы противника, доуточняют цели, ставят задачи, договариваются о взаимопомощи.

Заместитель командира дивизии полковник В. Н. Эхохин все свое время проводит в 823-м полку у майора М. В. Куцая, помогая ему подготовить подразделения к предстоящим боям.

В подразделениях готовят оружие. Тыловики подвозят и распределяют боеприпасы.

Во второй половине дня 19 ноября подразделения получили газету «За Родину!», в которой было опубликовано обращение командования дивизии «Вперед, за нашу победу!». В обращении говорилось, что «настал час перехода в наступление, час разгрома врага».

Воззвание зачитывалось в полках, батальонах, ротах, взводах, батареях. Бойцы и командиры клялись, не щадя жизни, добиться победы, уничтожить сталинградскую группировку врага.

В ночь на 20 ноября почти никто не спал, все готовились к предстоящему бою. Непрерывный, отдаленный артиллерийский гул стал тише. Над окопами противника чаще обычного стали взлетать осветительные ракеты.

В 827-м стрелковом полку вместе с его командиром майором Л. И. Вражновым мы обходим боевые порядки 1-го батальона. Бойцы радушно встречают нас, с нетерпением ждут утра, рвутся в бой.

На командном пункте полка я предложил майору А. И. Вражнову доложить мне о построении боевого порядка полка в предстоящем наступлении.

Обычно сдержанный и внешне спокойный, Антон Иванович на этот раз заметно возбужден, но настроен по-боевому. Он достает карту, и мы рассматриваем ее у небольшого столика в землянке.

— Что-то тихо ведут себя немцы, — говорит он, — словно мыши в норе притаились.

— Чуют небось: «Буря, скоро грянет буря», — напоминаю ему стих из «Песни о Буревестнике» Максима Горького. — Ведь им слышна и понятна далекая артиллерийская канонада на севере.

Майор А. И. Вражнов по карте докладывает построение боевого порядка полка и о мероприятиях, подготовленных к наступлению. Подробно говорит о том, какие подразделения будут в первой цепи атакующих, каков порядок преодоления заграждений, как предусмотрено согласованное движение боевых порядков с соседями, порядок отражения возможных контратак, взаимодействие с артиллерией и т. д.

Заканчивая информацию, он сказал:

— Во всех подразделениях мы провели партийно-комсомольские собрания. Еще и еще раз напомнили, как поступить если командир выйдет из строя, будет ранен или убит. Коммунист или комсомолец должен быть готовым заменить его и повести за собой бойцов, добиться во что бы то ни стало выполнения поставленной перед подразделением, отделением боевой задачи…

По докладу Антона Ивановича я вижу, что он хорошо

представляет себе характер предстоящего боя и глубоко уверен в его успехе.

Я возвратился в штаб дивизии, довольный состоянием боевой подготовки полка.

В штабе меня уже ждали. Из 825-го полка вернулся довольным и командир дивизии Е. Ф. Макарчук. Проводим краткое совещание и заслушиваем доклады начальников отделений и служб. Подводя итог, Е. Ф. Макарчук говорит:

— Ну что ж, товарищи! Как будто все в порядке, к наступлению готовы. До боя остаются считанные часы, вам следует отдохнуть.

Отдыхать, конечно, не пришлось. Всю ночь велись телефонные переговоры. Звонили командиры полков, начальники штабов и спецслужб. И им было не до сна. Близился рассвет, и невольно думалось, где и чего мы недоделали. Было немного тревожно. Возникали вопросы: как развернется бой? Сумеем ли мы быстро прорвать вражескую оборону и вырваться на оперативный простор. Что покажет утро?

Утро в день наступления 20 ноября выдалось на редкость туманным.

За час до начала артиллерийской подготовки мы с командиром дивизии полковником Е. Ф. Макарчуком и с замполитом А. Е. Светловым прибыли на наблюдательный пункт, здесь уже находился начальник отделения связи штаба капитан И. В. Мамонтов.

Пункт расположен в одном километре от передовых траншей, на небольшой возвышенности. Окопы противника в лощине хорошо просматриваются. За ними местность пологая, возвышающаяся.

Перед линией окопов противник установил заграждения. Проходы в его минных полях и в проволочных заграждениях саперы проделали накануне. Нелегко досталось это им. Обнаружить и обезвредить все мины в минном поле не просто, особенно ночью. Поэтому днем их работу дополняют артиллеристы, а также минометчики.

Во время артиллерийской стрельбы командиры подразделений, всматриваясь в расположение противника, определяют места взрыва замаскированных в земле мин. Обычно в этих местах возникали мощные вспышки дыма. Это позволяло уточнить безопасные места при преодолении минных полей.

Беспрерывно звонят телефоны. Командиры полков докладывают о выходе частей на исходный рубеж для атаки.

Расстояние прорыва дивизии по фронту — около двух километров. Оно хорошо просматривается с наблюдательного

пункта.

На правом фланге — 827-й полк майора А. И. Вражнова. Антон Иванович опытный, талантливый командир. Его часть отличается высоким уровнем боевой и политической подготовки, сплоченностью. В проведенных боях она показала пример беззаветного героизма, мужества.

В центре прорывают оборону врага подразделения 825-го полка майора С. И. Шпара. Это молодой, волевой командир.

На левом фланге прорыв осуществляют подразделения 823-го полка майора А. Н. Китаева, сменившего подполковника М. В. Куцая, который получил тяжелое ранение и был направлен в госпиталь. Александр Никифорович Китаев также знающий, опытный, боевой командир, но, в отличие от майора А. И. Вражнова и майора С. И. Шпары, он горяч, часто рискует, увлекаясь боем.

Все пока идет по плану.

Правее боевых порядков нашей 302-й дивизии прорывают оборону противника части 15-й гвардейской стрелковой дивизии. После прорыва ей предстояло наступать в северо-западном направлении и сковать окруженную группу немецких войск.

Томительно медленно тянутся последние минуты перед началом артподготовки.

Полковник Е. Ф. Макарчук ведет разговор по телефону с генерал-майором Н. В. Телегиным, командующим артиллерией 51-й армии. Мы все, работники штаба, с нетерпением поглядываем на часы.

Начало артиллерийской подготовки было назначено на 8 часов, но из-за густого тумана ее пришлось перенести.

Ровно в 16 часов грохот артиллерийском канонады возвестил о начале контрнаступления.

Противник попытался оказать противодействие огнем своей артиллерии, но меткие удары наших артиллеристов быстро подавили его батареи.

Над окопами и траншеями врага бушуют разрывы снарядов.

Снова посматриваем на часы, теперь уже ждем конца артиллерийской подготовки, начала атаки. Наконец грохот орудий стихает. На поле раздается гул мощных моторов.

Впереди нашего наблюдательного пункта по всей полосе прорыва быстро начинают продвигаться наши танки.

С наблюдательного пункта в бинокли хорошо видно, как за танками двинулись ровные цепи нашей пехоты.

Гусеницами танки прокладывали дорогу в проволочных заграждениях противника. Некоторые из них были оборудованы тралами, помогающими делать проходы. От наступающих цепей к

нам доносилось «ур-р-ра».

— Вот и пошла наша «матушка-пехота», — смотря в полевой бинокль, говорит Е. Ф. Макарчук. — Главное — захватить первые и вторые вражеские траншеи.

— Захватят! Артподготовка была мощной, вряд ли что там уцелело, — ответил я. — Оставшиеся отдельные очаги обороны будут быстро разгромлены.

Мы видим, как все ближе к окопам врага подходят наши части. Падают сраженные пулями и осколками снарядов и мин отдельные бойцы, но сжимаются цепи атакующих и ускоряется их темп продвижения. И вот уже над окопами врага мелькают фигурки наших бойцов.

Проходят 15–17 минут, и первый ряд окопов взят. Затем захвачены и вторые окопы. Враг не выдерживает и начинает отступать. Отсюда, с наблюдательного пункта, мы видим, как по полю, простирающемуся за вторыми окопами, бегут группы противника в тыл. Их настигают разрывы наших артиллерийских снарядов. По плану артиллерийского сопровождения, впереди наших передовых боевых порядков, в 400–500 метрах, велись по рубежам короткие огневые налеты, очищающие путь продвижения пехоте.

Беспрерывно пищат телефоны. Командиры полков и начальники штабов взволнованно докладывают об успешном наступлении, о взятии первой линии окопов, затем и второй. Они просят разрешить им продвинуться за боевыми порядками своих частей и подразделений.

Начальник отделения связи капитан И. В. Мамонтов ставит подчиненным задачу по установлению проводной связи с новыми командными пунктами полков.

Майор Александр Васильевич Реутов, находящийся на командном пункте дивизии, просит разрешения штаба армии на передвижение командного и наблюдательного пунктов вперед.

Встречая отдельные очаги сопротивления противника, стрелковые подразделения уничтожают их и устремляются в глубину обороны врага.

Отходят 85-й и 92-й пехотные полки врага. На промежуточных рубежах они пытаются оказывать сопротивление.

Боевую задачу дня — выйти к железнодорожной станции Абганерово на железной дороге Сталинград — Сальск дивизия успешно выполнила. Наши войска заняли ее. Захвачены трофеи: около двадцати орудий разного калибра, 25 станковых пулеметов, много винтовок и другого оружия.

Жители, оставшиеся в освобожденных населенных пунктах, радостно приветствуют советских бойцов.

В поселке Захарово расспрашиваю жителей (к сожалению, не помню их фамилий), когда противник начал отступать. Отвечают: «Румынские солдаты чем-то были встревожены и еще на рассвете стали уходить. Они говорили, что не хотят попасть в плен».

Успешному продвижению наших частей способствовало также выдвижение в прорыв войск 4-го мехкорпуса генерал-майора В. Т. Вольского и 4-го кавкорпуса генерал-лейтенанта Т. Т. Шапкина. Ввод этих корпусов в прорыв планировался на утро следующего дня, но общие успехи позволили им начать продвижение значительно раньше, в 15.00 20 ноября.

Эти соединения выдвигались в созданный нами прорыв в двух направлениях: 4-й кавкорпус — западнее железной дороги Сталинград — Сальск на Котельниково, 4-й мехкорпус после входа в прорыв повернул свои боевые порядки на северо-запад, стремясь возможно быстрее охватить 6-ю фашистскую армию с ее глубокого тыла.

На следующий день 823-й полк майора А. Н. Китаева, наступавший на левом фланге боевых порядков дивизии, неожиданно задержался. Сильная группа противника упорно обороняла населенный пункт Тундутово. Необходимо было ее уничтожить.

Полковник Е. Ф. Макарчук решил ликвидировать эту группу, нанеся удар с юго-запада, откуда противник его не ожидал.

Заместитель командира дивизии полковник В. Н. Эхохин поторопился. Оценив по-своему ход предстоящего боя, он приказал немедленно атаковать противника в Тундутово с северо-востока, откуда противник и ожидал удара. Атаки успеха не имели. Бой вылился в затяжную стрелково-пулеметную перестрелку. Узнав об этом, командир дивизии Макарчук вызвал полковника В. Н. Эхохина к телефону и потребовал от него ночной атакой освободить Тундутово.

Для решения этой боевой задачи в помощь 823-му полку был направлен учебный батальон, находившийся в резерве дивизии. Командир учебного батальона майор М. Л. Баранов с наступлением сумерек повел свой батальон в обход Тундутово. Выйдя западнее населенного пункта, он нанес противнику внезапный удар и занял западную часть населенного пункта Тундутово.

Переключив часть своих сил на участок против учебного батальона, фашисты ослабили сопротивление в восточной части поселка. Почувствовав ослабление огня, 823-й полк усилил нажим. Общими усилиями к утру 22 ноября Тундутово было освобождено от фашистов. Это вынудило противника оставить и Малые Дербеты, что значительно облегчило продвижение

остальных частей дивизии.

Успешное наступление привело к рассредоточению боевого порядка дивизии.

Полковник Е. Ф. Макарчук поручил мне проконтролировать действия 823-го полка. Я выехал на наблюдательный пункт полка. Его боевые порядки оказались повернутыми на юго-восток. Перед ними в 1,5–2 километрах было замечено движение каких-то боевых порядков. Данных разведки не было. Майор Л. Н. Китаев предполагал, что это был противник.

Зная, что левее нас наступает 91-я стрелковая дивизия, я потребовал немедленно выслать разведку. Высланная разведка вскоре доложила, что это свои. Позднее выяснилось, что левее нас выдвигались подразделения и части для нас новой, 126-й стрелковой дивизии.

823-й полк потерял около двух часов и в результате этого отстал от боевых порядков дивизии. Пришлось потребовать от А. Н. Китаева ускорить темп продвижения полка. К концу дня боевые порядки 823-го полка вышли на уровень боевых порядков других полков.

Подвижная группа нашей армии в составе механизированного и кавалерийского корпусов вечером 21 ноября заняла Зеты, западнее железной дороги Сталинград — Котельниково. За сутки они прошли более 60 километров.

Продвижение хорошее. Радуют сообщения газет и сводки Совинформбюро о том, что ударные группировки наших войск севернее и южнее Сталинграда быстро продвигаются вперед.

22 ноября 4-й танковый корпус Юго-Западного фронта (командующий генерал-майор А. Г. Кравченко) и 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта (командующий генерал-майор В. Т. Вольский), преодолевая упорное сопротивление врага, встретились, как и было намечено планом наступления, в районе Калача, у хутора Советский, замкнув кольцо окружения всей сталинградской группировки противника.

С этого времени 57, 64, 21, 65, 24-я и 66-я армии с северо-запада и юга стали развивать наступление с целью полного разгрома окруженной фашистской группировки, а 51-я армия и 4-й кавалерийский корпус, наступая на южном направлении, имели своей задачей с боями отбрасывать на юго-запад фашистов все дальше и дальше от Сталинграда, вдоль железной дороги Сталинград — Сальск, создавая внешнее кольцо окружения. Нужно было как можно быстрее и дальше отодвинуть внешний фронт для полной изоляции окруженной группировки фашистов.

Уже 22 ноября 1942 года в газете «За Родину!» под рубрикой «На нашем участке фронта» сообщалось: «Подразделения нашей 302-й дивизии продолжают теснить врага. Наши бойцы с боями стремительно продвигаются на юг, ломая сопротивление врага».

Об успешном наступлении наших войск южнее Сталинграда ежедневно сообщало Совинформбюро.

Трудно передать чувство радостного возбуждения, охватившее нас. Это были первые крупные победы над врагом, в которых непосредственно участвовали бойцы и командиры 302-й дивизии. Каждый ощутимо почувствовал силу и превосходство наших вооруженных сил над фашистами. Укреплялась вера в близость окончательной победы над врагом.

Толпой, в одиночку или подразделениями сдавались в плен солдаты противника. Нестройные их колонны двигались на восток. Часто шли без конвоя.

Стоят морозы. Шинели мало согревают. Теплого белья на сдающихся в плен нет. На головах пилотки, на ногах ботинки с обмотками. Такое обмундирование явно не спасает от холода. Однако некоторые пленные из числа гитлеровцев все же фанатически заявляют, что победа будет за ними.

Сутки за сутками проходят в коротких, но горячих схватках. Эти бои сдерживают темп продвижения советских войск, но остановить порыв наших бойцов и командиров не могут.

28 ноября 302-я дивизия освободила поселок Коровино и железнодорожную станцию Жутово. На продовольственном складе в районе станции Жутово обнаружили около 50 тонн муки и другие продукты. На артиллерийском складе — около полумиллиона снарядов и мин, несколько миллионов патронов. В ремонтно-восстановительных мастерских — свыше 200 автомашин.

Продолжая наступать вдоль железной дороги Сталинград — Сальск, передовые части дивизии с боями овладели поселком Чилеково, а разведка вышла к разъезду Небыковский.

Утром 30 ноября захваченные пленные сообщили нам о том, что с Кавказа они ожидают крупные танковые и пехотные части.

ПРОТИВ ТАНКОВЫХ АРМАД

В результате успешного наступления советских войск в ноябре 1942 года под Сталинградом оказались в окружении 6-я полевая и 4-я танковая армии противника.

В конце ноября 1942 года гитлеровское командование поняло, что без помощи деблокирующих сил окруженные не в состоянии будут самостоятельно вырваться из кольца. В помощь им спешно начала создаваться армейская группа «Дон», командование которой было поручено командующему 11-й полевой армией генерал-полковнику (позднее фельдмаршал) Манштейну.

По мере приближения частей 4-го кавкорпуса и 302-й стрелковой дивизии к Котельниково сопротивление противника возрастало. Ружейно-пулеметная перестрелка с первых чисел декабря все чаще и чаще перекрывалась огневыми артиллерийскими и минометными налетами. Обходя упорно сопротивляющиеся опорные пункты противника, наши части и подразделения вынуждали его отходить. Часто возникали короткий встречные бои, в которых противник все чаще стал применять небольшие танковые группы. Одна из них пыталась овладеть поселком Чилеково. Артиллеристы майора И. Е. Гришунова подбили четыре танка. Остальные отошли в направлении Котельниково.

Продвижение частей 302-й дивизии было остановлено на линии хуторов Гремячий, Нижне-Черни, Пимен-Черни. В этих опорных пунктах находились не только румынские войска, но и немецкие группы, усиленные танками и артиллерийско-минометными средствами.

Штаб нашей дивизии и оперативная группа расположились на разъезде Небыковском, в 3–4 километрах от Чилеково, а остальные отделения и тыловые управления — в Чилеково.

Вечером 9 декабря командир дивизии, поглядывая в окно на изредка вспыхивающие осветительные ракеты противника у хуторов Нижне-Черни и Пимен-Черни, по телефону доложил обстановку командарму и, как бы подытоживая, добавил:

— Активность противника неспроста. Фашисты что-то готовят. Нужно ожидать их ударов со стороны Котельниково, вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград… Перед нами все чаще появляются группы фашистских танков. Чаще стали авиаудары и огневые налеты артиллерии и минометов… Необходимо задержаться, более подробно выяснить силы противника, а возможно, и приготовиться к обороне…

Закончив доклад, обращаясь ко мне, он сказал:

— Передайте командирам полков: подготовиться к обороне. М. Е. Гришунов (командир 865-го артполка) пусть поближе к нам расположит огневые позиции орудий.

Ночь с 9-го на 10 декабря прошла спокойно. Лишь из района Котельниково прослушивалась отдаленная стрельба.

С восходом солнца, выйдя из помещения, я увидел западнее нас на изгибе холма новые бугорки. Артиллеристы хорошо сумели установить свои орудия на углубленные огневые позиции. Их не видно, а стволы орудий чуть-чуть заметны. Это позволяет надеяться, что при атаке фашистских танков артиллеристы смогут им нанести большой урон.

Нам особенно важно было выяснить намерение противника. Поэтому мы с Начальником разведотделения штаба дивизии майором Лебедевым, назначенным вместо майора Шпара, наметили план действий по захвату «языка».

Утром 10 декабря майор Лебедев доложил, что разведчики дивизии захватили у хутора Нижне-Черни в плен фашистского солдата. Услышав об этом, полковник Е. Ф. Макарчук приказал для допроса привести пленного к нему.

Пленный оказался румыном. Он охотно отвечал на вопросы, мешая румынские, украинские и русские слова.

— Поверьте мне, я не фашист, — сказал он горячо. — Мы, румыны, не хотим воевать против русских. Нас заставляют, и за нами наблюдают фашисты. Мои друзья охотно перейдут к вам, если только удастся. Дайте нам оружие, и мы будем с вами бить фашистов… Они готовят большое наступление…

Пленный подтвердил, что фашисты сосредоточивают крупные силы, а в хуторах Пимен-Черни и Нижне-Черни находятся подразделения не только румын, но и немцев.

Худощавый, небольшого роста, черноволосый, он с мольбой смотрел то на полковника Е. Ф. Макарчука, то на меня. Говорил он горячо. Взгляд был тоскливый… Его лицо и глубокая искренность речи запомнились мне надолго.

После окончания допроса пленного вывели из помещения. Полковник Е. Ф. Макарчук по телефону связался с замполитом А. Е. Светловым и рассказал ему о пленном, его показаниях. Об этом он сообщил и в штаб армии.

После разговора с замполитом и работниками штаба армии он сказал мне:

— Пленного румына отпустите. Если он приведет своих друзей, тогда решим, можно ли будет их включить в наш состав… Накормите его, и пусть разведчики ночью отведут его в то место, где захватили. Договоритесь, где и когда встречать его и его

друзей, если они думают к нам переходить.

Пленного накормили. Он отдохнул, а с наступлением темноты его увели и отпустили… К нам он не вернулся. Позднее захваченные в плен румынские солдаты нам рассказали, что немцы его арестовали и расстреляли.

Ночь на 11 декабря также прошла спокойно, но каждый чувствовал, что наступившее на фронте затишье может разразиться ожесточенным боем.

Под вечер 11 декабря полковые дивизионные наблюдатели отметили движение большой колонны автомашин с юга в Котельниково. Дальность расстояния мешала определить вид машин, двигавшихся в колонне. Передовые наблюдатели-артиллеристы заметили и также доложили о движении с юга в Котельниково автоколонны до 200 автомашин. С наступлением сумерек командиры полков 823-то и 827-го доложили, что, по подсчетам наблюдателей, в Котельниково прибыло около 300–400 танков и много крытых автомашин. Небольшие группы танков и крытых автомашин вошли в хутора Нижне-Черни и Пимен-Черни.

Суммируя донесения, прихожу к выводу, что фашисты готовятся 12 декабря нанести сильный танковый удар. Свои соображения докладываю начальнику штаба 51-й армии полковнику Кузнецову. Но мой доклад не насторожил его.

Успокаивая меня, он сказал:

— По данным воздушной разведки, в ближайших районах значительных групп танков противника нет.

Это нас не успокоило. Возросшее упорство обороны противником населенных пунктов Пимен-Черни и Нижне-Черни, подход колонн автомашин к Котельниково, безуспешные попытки 4-го кавкорпуса освободить его тревожили нас.

Проходила тяжелая бессонная ночь.

Утро 12 декабря выдалось хмурое. Снегу мало, и равнинное поле — темное.

Около 9 часов утра к телефону меня попросил командир 827-го стрелкового полка майор А. И. Вражнов. Вначале спокойно, но затем все более возбужденным голосом он докладывал:

— Противник готовится к атаке… Выдвигаются его танки… Уже видно три… нет, 5—10! Да их уже более десятка! За ними еще и еще. Уже около сотни…

Западнее нас раздались орудийные выстрелы. Выбегаю из помещения, чтобы установить их причину. Смотрю в сторону своих передовых частей. У изгиба высокой железнодорожной насыпи видны две линии танков. Пересчитываю: в каждой по 24 танка. По конфигурации их, а еще по более заметным опознавательным знакам — белые кресты — легко определить:

танки противника. Впереди и позади танков редкие взрывы снарядов. Танки также стреляют из орудий.

Быстро возвращаюсь в помещение. В первой комнате медсестра Наташа Рубейкина накладывает повязку раненому бойцу. Все не по-обычному молчаливы. Чувствуется у всех растущая настороженность. Вхожу в комнату полковника Е. Ф. Макарчука.

Опираясь рукой о стол, а другой держа телефонную трубку, он ведет разговор со штабом армии. Я спешу доложить ему свои наблюдения. Он кладет трубку на аппарат и очень спокойно говорит;

— Танки? Я их хорошо вижу в окно и об этом доложил командарму… — Подумав немного, распорядился — Артиллеристы Гришунова не должны пропустить фашистские танки! Будем отбивать их атаки. Штаб и оперативную группу срочно перевести в поселок Чилеково, направляйтесь туда, там обсудим…

После его ухода подаю команду:

— Все на автомашину — и в Чилеково!

Осматриваю помещение, не остались ли какие-либо следы нашего пребывания, забытые бумаги.

Вдруг громкий шум моторов заглушил все звуки. Выхожу из помещения. 12 «мессершмиттов» кружили на высоте ста метров над нашими артиллерийскими позициями, обстреливая их из пулеметов и забрасывая бомбами. «Виллис» с командиром дивизии мчался по направлению Чилеково.

Танковая группа противника все еще видна у изгиба железной дороги, но уже горят пять фашистских машин. Остальные прекратили продвижение и выжидают результатов авиаудара.

Утром 12 декабря подразделения 827-го стрелкового полка под ударами танков противника вынуждены были отходить на северо-восток и подошли к огневым позициям артиллеристов, прикрыв их правый фланг. Это помогло на время задержать продвижение танковой группировки врага. Однако к вечеру фашистам удалось все же захватить разъезд Небыковский, нарушив наш боевой порядок. Южнее и западнее железной дороги 825-й и 823-й стрелковые полки вступили в тяжелые бои с наступающими румынскими частями. Руководил их действиями заместитель командира дивизии полковник В. Н. Эхохин. Панического или беспорядочного отхода подразделений не было. Это успокаивало.

В полдень 12 декабря с лейтенантом Терентьевым я добрался в Небыково, где находилась наша саперная рота. Ознакомившись

с организацией обороны хутора, поставил командиру роты задачу: не допустить захвата хутора противником.

В хуторе имелась телефонная связь с Чилеково. Звоню. У телефона оказался командир дивизии полковник Е. Ф. Макарчук. Докладываю ему о создавшемся положении. Он сказал:

— Обстановка стала сложной. Чилеково под сильной авиабомбежкой. Танковая группа врага прорвалась и захватила разъезд Небыковский. Пока их задержали артиллеристы. Реутов с машиной не прибыл. Сейчас ехать в Чилеково не стоит. Из Чилеково нет прямой связи со штабом армии, я выезжаю в совхоз «Терновой». Направляйтесь и вы туда.

Я попросил командира дивизии приказать начальнику отделения связи капитану И. В. Мамонтову перевести узел связи и находившихся в Чилеково наших бойцов комендантского взвода в совхоз «Терновой», оборону Чилеково поручить командиру 827-го полка. Он согласился.

Напомнив командиру саперной роты об обороне Небыково, я на повозке выехал в совхоз «Терновой».

Западнее железной дороги к нам стал доноситься ожесточенный гул сражения. Как мы потом выяснили, это вели бой против наступавшей группы фашистских войск кавалеристы генерал-лейтенанта Т. Т. Шапкина.

Созданная по решению Ставки ВГК 5-я ударная армия наносила удар по направлению хутора Верхне-Курмоярский.

Через час я уже находился в совхозе «Терновой», где встретил полковника Е. Ф. Макарчука, начальника отделения связи И. В. Мамонтова с несколькими связистами и начальника отделения разведки майора К. Л. Лебедева.

Командующий войсками Сталинградского фронта, узнав о прорыве на правом фланге оперативного построения 51-й армии, направил ближайшее подвижное соединение на помощь нам. Части 13-го механизированного корпуса начали сосредотачиваться в районе совхоза «Терновой». Полковник Е. Ф. Макарчук предложил мне пройти с ним к командиру этого корпуса.

Корпус до этого вел тяжелые бои в районе Нариман в составе 57-й армии. Ему необходимо было время для приведения в порядок своих подразделений, пополнения горюче-смазочными материалами, боеприпасами. Генерал-майор танковых войск Т. И. Танасчишин встретил нас тепло, сочувственно.

— Рад помочь, но сейчас пока не могу, — сказал он, — У фашистов на сегодня крепкий кулак. Если мы сейчас выставим против них наши оставшиеся танки, фашисты их уничтожат.

Когда мы вышли из помещения, из Чилеково был слышен

грохот артиллерийской перестрелки. Е. Ф. Макарчук несколько минут прислушивался к канонаде.

— Да, положение, — тихо сказал он. — Одна надежда сегодня на артиллеристов и гранатометчиков…

Я направился в механизированный корпус. Начальник штаба уже поджидал меня. Мы познакомились.

— Обстановка не из легких, — сказал он. — По данным захваченного сегодня в плен нашими разведчиками командира отдельной автороты, наступление ведет фашистская группировка, цель которой — прорваться к окруженным войскам в Сталинграде. Командует ею немецкий генерал Гот. Это явно деблокирующая группировка. 51-я армия стоит на их пути, на острие их удара. До подхода резервов нашей дивизии придется туговато.

И он подробно ознакомил меня с донесением танкистов-разведчиков.

Покинув штаб корпуса, я поспешил к полковнику Е. Ф. Макарчуку. У него находился и заместитель командира дивизии по политчасти А. Е. Светлов. Оба сидели за столом и сосредоточенно рассматривали карту. Как и раньше, Е. Ф. Макарчук внешне был спокоен. Мне всегда нравилась в нем выдержка, спокойствие в критические моменты. И на этот раз он не изменил своего отношения к событиям.

— Ну что им там известно? Что нового? — спросил командир дивизии.

Я стал рассказывать о сведениях, полученных у танкистов.

Слушая меня, он встал из-за стола и зашагал по комнате. Потом остановился у окна и, задумчиво посматривая в окно, сказал:

— Так, так. Группировка Гота!.. Мне сообщили об этом из штаба армии. Мы стоим на их пути к Сталинграду, Танкисты помочь сейчас не могут… Ну что ж! До подхода новых сил будем держаться, рассчитывая только на себя.

Его поддержал замполит.

— Наша задача — выиграть время, задержать фашистскую группировку до подхода наших резервов. Чаще тревожить ее короткими ударами, отвлекать ее силы на себя. Поэтому, видимо, следует основные силы 825-го и 823-го полков срочно передвинуть к железной дороге, — предложил я.

Полковник Е. Ф. Макарчук согласился.

Мы с А. В. Реутовым еще раз подсчитали свои силы. Он вынул свои записи и тяжело покачал головой:

— Положение у нас тяжелое, В каждом стрелковом полку не более 450–500 человек. Плохо и с артиллерией. В 865-м артполку

76-миллиметровых орудий — 12; 122-миллиметровых гаубиц числится 6, а исправных — всего 3; из 152-миллиметровых гаубиц исправна лишь одна, а снарядов к ней всего 0,2 боекомплекта.

— Боеприпасы нам обещали доставить еще вчера, но, видно, из-за переправы на Волге задержали, — заметил я. — Должны подвезти, но в складывающейся обстановке надеяться на это не приходится.

— Одна надежда, — сказал Реутов, — на противотанковые ружья и гранаты.

Да и противотанковых гранат у нас было мало. Поэтому бойцам поясняли, что необходимо связывать по три-четыре ручные гранаты и подбивать ими танки.

Мы понимали, насколько это тяжело, сложно и рискованно, особенно если танки идут волной один за другим, стараясь пробить брешь в нашей обороне.

Основная противотанковая сила — артиллерия и наши танки. Если их нет, в бой с танками вынуждена вступать пехота. Навстречу мчавшимся танкам встает человек, сжимающий в руке противотанковую гранату. Сколько силы воли, безмерной храбрости и чувства ненависти к врагу надо на это единоборство.

К рассвету 13 декабря все части и подразделения дивизии, в соответствии с приказом, заняли рубеж обороны: разъезд Бирюковский, совхоз «Терновой». Полотно железной дороги стало как бы второй линией обороны от атак врага с запада.

В этот день в совхоз, в связи с тяжелой обстановкой на нашем направлении, для уточнения положения, прибыл заместитель командующего 51-й армией генерал-майор Т. К. Коломиец.

Заслушав информацию командира дивизии полковника Е. Ф. Макарчука, он сказал:

— Для уточнения обстановки поеду сам на разъезд Бирюковский. Поедемте со мной, — обратился он неожиданно ко мне. — На месте будет видней!

Оставив в штабе вместо себя майора А. В. Реутова, в 8 часов 30 минут уселись в «виллис» — и в путь.

Открытая степная, без кустарников, местность просматривалась на далекое расстояние. Лишь вдоль линии железной дороги с восточной стороны кое-где виднелись защитные полосы невысоких деревьев. Впереди небольшая железнодорожная станция. Мы видели, как фашистские самолеты пробомбили здание станции и улетели.

Решили подъехать к станции. Ее здание разрушено. На земле осколки стекол, черепицы, кирпича, людей не видно. Не успели мы войти внутрь здания, как юго-западнее нас послышался нарастающий гул моторов. Это нас встревожило. Мы быстро

вышли, чтобы выяснить причину нарастающего гула. Юго-западнее станции плыло густое, серое дымное облако, приближающееся к разъезду. Впереди облака виднелись танки, двигавшиеся вдоль железной дороги в нашу сторону. Стало ясно, что вдоль железнодорожного пути с юго-запада надвигалась сплошная танковая лавина.

Ждать, пока она пройдет мимо нас, не приходилось, поскольку у колонны могло быть боевое охранение. Кусты и складки местности помогли нам незаметно для противника уехать. Необходимо было как можно скорее вернуться в штаб.

По нашему приблизительному подсчету, танков было не менее 200. Как стало нам позднее известно, в направлении железной дороги Котельниково — Сталинград выдвигалась 23-я танковая дивизия, насчитывавшая более 200 танков. Левее (восточнее ее) от Котельниково на Сталинград выдвигалась 6-я танковая дивизия, в состав которой входило около 400 танков, включая тяжелые танки «Тигр».

Возвратившись в штаб 302-й дивизии, генерал-майор Т. К. Коломиец поспешил в штаб армии, чтобы лично доложить командарму о нарастающей угрозе.

На стороне противника было явное превосходство в силах: в личном составе —1:2, артиллерии — 1:1,9; по танкам — 1:5. По существу, основные усилия противник сосредоточил против 302-й стрелковой дивизии и 4-го кавкорпуса, стоявших на кратчайшем направлении от Котельниково к окруженным в Сталинграде войскам. Здесь превосходство врага было еще большим.

«Удар врага пришелся по стыку 302-й стрелковой дивизии и 4-го кавалерийского корпуса. В первый же день противнику удалось преодолеть тактическую глубину нашей обороны и овладеть населенными пунктами Гремячий и Небыков. Это было началом крупной операции, задуманной гитлеровской ставкой и рассчитанной на ликвидацию всех наших успехов на Сталинградском направлении»[5].

Днем 13 декабря враг продолжал наступление, ему удалось значительно расширить фронт прорыва. Немцы захватили населенные пункты Верхне-Курмоярский, Верхне-Яблочный, Кошара-2.

81-я кавалерийская дивизия вынуждена была отойти на север. Упорные бои развернулись в районе Чилеково и совхоза «Терновой». В помощь нашему 823-му стрелковому полку прибыл 62-й механизированный батальон 13-го мех-корпуса. В этот день с утра погода выдалась морозная, ярко светило солнце, что позволило врагу широко использовать авиацию.

На боевые порядки 823-го стрелкового полка и 62-го

механизированного батальона противник направил около 50 танков с посаженными на них автоматчиками. Их встречали пулеметным огнем, а танки — противотанковыми гранатами и огнем противотанковых орудий. Несколько танков запылало, но основная их масса продолжала наступать. Тяжелые немецкие танки надвигались на боевые порядки защитников Чилеково. Стоял сплошной грохот.

Над полем боя из дыма и гари нависла тяжелая, темная пелена, сквозь которую не пробивались лучи солнца.

Перед бойцами отделения сержанта С. К. Иванова появилось два танка. Стреляя на ходу, они шли на них. Противотанковых гранат у бойцов уже не было. Они минут за пятнадцать до этого отбили нападение фашистских танков. Последняя оставалась у командира отделения С. К. Иванова. Он подал команду: «Огонь по автоматчикам на танках!» А сам пополз на путь вероятного движения танка. Сблизившись с ним, чуть приподнявшись, метнул противотанковую гранату. Раздался взрыв, и танк, повернувшись, остановился.

Бойцы И. И. Горбатенко, З. П. Грицкевич, Т. К. Пономарев уничтожали ближайших к танку фашистских солдат. Через две-три минуты люк на остановившемся танке приоткрылся. Сержант успел метнуть в него ручную гранату. Внутри машины раздался взрыв. Второй танк подбили артиллеристы. Отважно действовали расчеты противотанковых орудий. Только одна батарея лейтенанта Н. А. Семенова подбила 6 танков и уничтожила около 250 автоматчиков.

Наши бойцы мужественно отбивали атаки врага. Героизм был массовый.

Сложность боевых действий заключалась в том, что на создание оборонительных рубежей не было времени. Нужны были окопы с ходами сообщений. Земля была мерзлой, почва трудно поддавалась ударам солдатских саперных лопаток. Бойцы стрелковых подразделений вынуждены были встречать неожиданно появлявшиеся перед ними фашистские танки связками гранат и бутылками с горючей смесью, используя неровность земной поверхности. И все же бойцы наносили значительные потери противнику.

Героический подвиг совершил комсомолец рядовой артиллерийской батареи Филипп Боронин.

На боевые порядки 2-го батальона 823-го полка шла танковая группа врага в составе 20 машин, пытаясь прорваться к железной дороге.

Пехотинцы и бронебойщики подожгли и подбили несколько танков. Но надвигались другие. Отдельным танкам удалось

прорваться на позиции стрелковых подразделений.

На помощь пришла артиллерийская батарея. Ее наблюдатель находился метрах в ста от стрелковых подразделений, в небольшой воронке от разорвавшегося снаряда.

Первые же залпы артиллеристов уничтожили три танка и заставили противника замедлить движение. Но прервалась телефонная связь, и нарушилась точность артиллерийского обстрела.

Находясь на наблюдательном пункте дивизии, я всматривался в движущиеся группы противника, Телефонист подал мне трубку. В трубке послышался взволнованный голос майора А. Н. Китаева:

— Товарищ третий, прорываются танки, нажмите на артиллеристов, ослабили поддержку!

Звоню командующему артиллерией дивизии, спрашиваю, в чем дело? Отвечает, что прервана связь с наблюдательным пунктом. Посылали связистов, но пока не вернулись и связь не восстановили.

Позже я узнал о героизме связистов, которых направлял майор Гришунов.

Добровольно вызвался пойти комсомолец Филипп Боронин. Осматривая проводку, он дошел до конца кустарниковой заросли. Дальше метров на 350 до стрелковых подразделений тянулось чистое, почти голое поле. Нужно было ползти.

Над землей все кипело: рвали землю снаряды, лопались с каким-то неприятным скрипучим звуком мины, над головой свистели пули. Отдыхал он в попадавшихся на пути воронках. Полз с одной только мыслью: «Гибнут наши люди под танками, жмут фашисты, только бы успеть». О себе не думал — некогда было думать…

Метрах в сорока он увидел связиста батареи Петра Дувакина, лежавшего на боку. На его шее виднелась посиневшая сквозная рана, в руке — соединенные концы провода. Видимо, он успел соединить разрыв, но был убит.

Филипп попытался освободить шнур из его руки, но пальцы погибшего уже окоченели, застыли и не выпускали провода. Мелькнула мысль обрезать провода и снова их соединить. Но нельзя было тратить ни минуты. Так в течение боя через провод, стиснутый в руке погибшего связиста-героя, шел разговор, передавались команды от наблюдателя к командиру батареи.

Новый обрыв был обнаружен метрах в пятидесяти от наблюдателя. От взрыва артиллерийского снаряда концы обгоревших проводов были отброшены в стороны. Рядом, уткнувшись в землю, лежал второй связист — Андрей

Глушко. Филипп подполз к нему. Осколком мины Андрей смертельно был ранен в голову.

Смотав с катушки кусок шнура и оголив концы проводов, Филипп стал их соединять. И только когда это было сделано и по проводам восстановилась связь, Боронин почувствовал усталость, и откуда-то стал появляться страх.

В открытом поле он был один, совсем один, беззащитный от пуль и осколков.

Слегка приподняв голову, он смотрел на развернувшийся перед ним бой, видел рвущиеся к окопам танки и двигающуюся за ними фашистскую пехоту. Потом пополз обратно, стараясь использовать бугорки, вмятины, воронки. Связь с батареей была восстановлена.

Вернувшись, вслушиваясь в разговор командира батареи с наблюдателем, Филипп видел перед своими глазами не только взрывающиеся и горящие фашистские танки и падающих гитлеровцев, но и «мертвое поле», где лежали его друзья — Петр Дувакин и Андрей Глушко.

И когда снова прерывалась связь, Филипп Боронин вновь и вновь шел туда, на это поле, выполнять свой боевой долг перед Родиной.

— Ты, Филипп, видать, родился в сорочке, — после боя, хлопая его по плечу, говорили батарейцы. — Этакое никому не удавалось — шесть раз пройти по связи в одном бою.

Вечером 14 декабря, когда перед боевыми порядками 865-го артполка, чадя, догорали 18 танков противника, его пехота на этом участке понесла тяжелые потери и была остановлена, я позвонил командиру артполка Е. М. Гришунову и от лица командования поблагодарил его за отличную работу.

— Поработали неплохо, товарищ начальник штаба, — ответил он, — но героем дня был связист комсомолец Филипп Боронин.

Командир полка и рассказал мне о нем. Вскоре Филиппа Боронина представили к награде.

После тяжелых, кровопролитных боев у Чилеково и совхоза «Терновой» стрелковые полки нашей дивизии были вынуждены отходить.

Как указывал начальник Генерального штаба представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «6-я и 23-я танковые дивизии врага, обрушив удар в основном на 302-ю стрелковую дивизию и используя значительное превосходство в силах, при поддержке авиации прорвали фронт обороны и начали теснить нас на северо-восток…»[6]

В ночь на 15 декабря, по приказу командующего 51-й армией, 302-я дивизия стала занимать оборону по правому берегу реки Аксай. Штаб дивизии решено было разместить в хуторе Антонове.

Северный берег реки Аксай крутой. Вне моста автомашинам и танкам врага пройти без предварительной саперной обработки скатов трудновато.

Населенный пункт Жутово располагался на южном (левом) берегу реки Аксай. Учитывая важность этого пункта в боевых действиях, полковник Макарчук решил удерживать его. Оборона Жутово была возложена на 823-й стрелковый полк.

Выйдя на северный берег Аксая, полки дивизии за естественной преградой почувствовали себя более уверенно.

Бойцы роют, долбят окопчики. Надо успеть до подхода врага выкопать хотя бы мелкие, небольшие ячейки. Земля мерзлая, твердая.

Останавливаюсь у небольшой группы бойцов 3-го батальона 825-го полка. Работают молча, сосредоточенно, редко перебрасываются репликами, видно, устали. Большинство в гимнастерках, хотя стоит сильный мороз.

Ближе к нам высокий плечистый пожилой боец с седыми усами, чем-то напоминающий одного из казаков Запорожской сечи. Рядом с ним небольшого роста боец, моложе его, работают саперными лопатками.

— Ну как, товарищи, подвигается? — обращаюсь к ним.

— Так, треба поспешать, товарищ полковник, бо эта фашистская гадюка ползе! — мешая русские и украинские слова, отвечает пожилой боец.

— Нам бы кирку, да где ее взять? — сняв варежку и вытирая рукавом лицо, говорит чернявый. У него слегка скуластое лицо, узкие прорези глаз. — У нас она, почитай, в каждой хате.

— Где это у вас?

— Да я, товарищ полковник, здешних мест, калмык. Я из Яшкуля, учился в Элисте, в армии — доброволец. Без кирки у нас нельзя, земля сухая, солончак.

— Как воюете?

— Бьем фашистов, товарищ полковник. Вот у нас с ним, с Николой, на счету подбитый фашистский танк, автоматчиков около десятка. Мы же бронебойщики!

Он берет противотанковое ружье и бережно кладет его на бруствер окопчика.

— Хоть и мелковато, но все же укрытие. Теперь пусть идут! Встретим! — говорит он.

— Давай, Самат, еще немножко углубим, — предложил Николай, — будет сподручней.

Самат снимает с бруствера ружье и кладет его рядом на землю. Взяв саперные лопатки, они продолжают углублять окопчик.

Мы идем от окопчика к окопчику, из роты в роту. И всюду бойцы заняты укреплением рубежа, готовятся к бою. Командиры рот и взводов определяют их места, помогают устанавливать огневые средства и распределяют боеприпасы.

— Часа через полтора, — посмотрев на ручные часики, говорит майор С. И. Шпара, — закончим. Передайте командиру дивизии, что не подведем, к бою готовы! Усиленную разведку сейчас же вышлем.

Внезапно севернее расположения полка разгорелась все усиливающаяся перестрелка, и мне пришлось быстро вернуться в штаб дивизии.

Оказалось, что в зоне наблюдения передовых боевых порядков 827-го полка показались группы противника. Майор А. И. Вражнов немедленно направил им во фланг разведку и развернул вслед за ней для удара по врагу часть своих стрелковых подразделений.

На помощь своему походному фланговому охранению фашисты выдвинули более двух десятков танков, которые стали теснить подразделения 827-го полка. Танки противника были встречены артиллеристами майора Е. М. Гришунова. Метким огнем в первые же минуты они подбили шесть фашистских танков.

Встретив упорное сопротивление на направлении хутора Шестаков, враг направил сильную группу танков и автоматчиков в обход нашим войскам, чтобы ворваться в тыл боевых порядков 302-й дивизии и 13-го мехкорпуса. Создалось угрожающее положение. На помощь нам пришли части 126-й стрелковой дивизии, примыкавшие к нашему левому флангу. Они встретили противника мощным огнем.

16-17 декабря по нескольку раз в сутки противник пытался наносить удары по нашим войскам, отвлекая значительные силы от своих танковых войск, стремящихся прорваться к Сталинграду. В течение этих дней на отдельных участках противник вклинивался в наши боевые порядки, но прорвать оборону ему все же не удалось.

Беспримерное мужество в этих боях показали воины 126-й стрелковой дивизии. Их автоматчики и бойцы нашего 823-го стрелкового полка при поддержке нескольких танков 13-го мехкорпуса и одного противотанкового орудия, выбив противника из поселка Жутово, отбивали многочисленные атаки врага, которому порой удавалось проникать на окраины поселка.

Пример героизма показывали коммунисты. Презирая смерть, они воодушевляли бойцов на выполнение боевых задач командования, на подвиги во имя защиты Родины.

Так, командир отделения 827-го стрелкового полка коммунист сержант Хаким Исламов в бою за Кругляково смело бросался вперед, увлекая за собой в атаку красноармейцев. В одной из схваток Х. Исламов гранатой, удачно брошенной в группу противника, уничтожил семь фашистов.

За героизм и умелое управление в бою отделением сержант Хаким Исламов был награжден медалью «За отвагу».

Молодой коммунист младший сержант А. Жебровский с группой бойцов атаковал противника, наступающего на хутор Кругляков. В первой же схватке он лично уничтожил шесть фашистов. Не задерживаясь, вместе со своими бойцами он бросился к стоявшему невдалеке противотанковому орудию противника и уничтожил его расчет.

Расчет орудия старшего сержанта В. Зискина в боях за Кругляково прямой наводкой уничтожил 16 декабря три фашистских танка.

Позднее этот расчет отразил атаку 20 танков противника в районе хутора Хохлачев. В бою В. А. Зискин героически погиб. Посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Командир роты автоматчиков 827-го стрелкового полка коммунист лейтенант Александр Твардовский имел боевую задачу выбить противника из населенного пункта Ромашкино. Твардовский возглавил группу автоматчиков. Изучив особенности местности, подходы, расположение построек и предполагаемое размещение противника, он поставил каждому взводу четкие задачи, наметил ориентиры и порядок занятия обороны после уничтожения неприятеля. В ночном бою он лично уничтожил не менее 10 фашистов. Населенный пункт был освобожден.

День за днем шли упорные бои и в районах хуторов Шестаково, Коровино, железнодорожной станции и поселка Жутово.

Против подразделений и частей 302-й и 126-й стрелковых дивизий, а также двух бригад 13-го механизированного корпуса враг здесь бросил в бой авиационно-полевую дивизию и группу войск, поддержанных большим количеством танков. Но наши воины стояли насмерть.

Нам, крайне необходимо было чаще узнавать о направлении движения основной группы фашистских войск и о силах, направляющихся непосредственно против нашей дивизии.

На местности, лишенной деревьев и кустарников, трудно

устроить засаду или незаметно для противника подобраться к его колоннам. Для захвата «языка» вызвались три разведчика: Т. В. Крохалев, В. Н. Мещеряков и К. Ф. Усачев.

Вооружившись автоматами и гранатами, разведчики двинулись в сторону противника западнее хутора Коровино. Их прикрыли два противотанковых орудия. В этом районе они нашли небольшие окопы, отрытые при отступлении наших войск еще в августе.

Долго им ждать не пришлось. По очередной колонне двигавшихся войск противника открыла огонь наша артиллерия. Снаряды разорвались вблизи колонны. Через несколько минут от колонны отделились три танка, которые направились в сторону наших стрелявших артиллеристов.

Этого и ожидали разведчики. Наперерез их движению пополз Т. В. Крохалев. Пути танков и разведчика пересеклись. Водитель заднего танка не заметил разведчика, который метнул под танк противотанковую гранату. Взрывом ее не только сорвало гусеницу, но и оглушило экипаж.

По фашистским машинам открыли огонь противотанковые орудия. Это вынудило танкистов отойти к колонне. Смелые разведчики подобрались к подбитому танку и, выждав момент, когда экипаж, очнувшись от взрыва гранаты, попытался выйти из него, захватили его.

Несмотря на невиданное мужество советских воинов, фашисты превосходящими силами, неся огромные потери, теснили наши войска. 19 декабря, бросив в бой 17-ю танковую дивизию, сосредоточив около 300 танков, ударной группировке Гота удалось прорваться к реке Мышкова. От группы Гота до окруженных войск Паулюса оставалось всего 35–40 километров.

На рубеже реки Мышкова в районах Верхне-Кумского, Ивановки, Васильевки, Жутово, Коровино, Шестаково, Кругляково, Зари, Каменки, Гнилоаксайска, Обильного войска 51-й армии, усиленные 87-й стрелковой дивизией, совместно с 13-м механизированным и 4-м кавалерийским корпусами, остановили фашистские войска, рвущиеся к Сталинграду.

Вечером 19 декабря пришло радостное сообщение — на рубеж реки Мышкова вышли передовые части 2-й гвардейской армии, которые нанесли 20 декабря свой первый удар по врагу, захватившему Нижне-Кумский хутор. И с этого момента войска 2-й гвардейской армии стали занимать рубеж по реке Мышкова, создавая крепкий заслон врагу на пути к Сталинграду.

Особенно упорные бои шли, как я уже указывал, в районе Жутово, захват которого открывал фашистам возможность перенести направление главного удара на соединение с

окруженными фашистскими войсками и вдоль железной дороги Жутово — Сталинград.

10 фашистских танков с автоматчиками в районе Кругляково начали наступление на позиции 823-го полка, пытаясь прорвать его позиции. Бронебойщики и артиллеристы подбили шесть танков, остальные повернули обратно.

Но через час более сильная танковая группа — около 30 танков — нанесла новый удар по хутору. Подразделения 823-го стрелкового полка при поддержке 13-го мехкорпуса и 126-й стрелковой дивизии, примыкавшей к нашему левому флангу, встретили противника огнем. Развернулся ожесточенный бой, длившийся до наступления темноты.

Беспрерывные танковые атаки врага отбивались. Бойцы не дрогнули, не отступили. Особенно героически сражались бронебойщики.

На поле боя горели и дымили фашистские бронированные чудовища, сотни трупов фашистов устилали землю перед линией обороны полков. Но и мы несли серьезные потери.

20-21 декабря шли ожесточенные схватки то в одном, то в другом месте, не давая ни минуты передышки. Лишь поздно вечером в темноте и рано утром до рассвета удавалось доставлять в подразделения пищу и боеприпасы.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, вспоминая переход от обороны к наступлению, писал: «Бои в Междуречье, между реками Аксай и Мышкова, сыграли поистине историческую роль. Они дали возможность выиграть восемь дней, так нужных для подхода основных сил 2-й гвардейской армии и развертывания ее подразделений по северному берегу реки Мышкова, преградивших дорогу вперед деблокирующей группировке.

51-я армия вместе с героическими войсками 2-й гвардейской армии при авиационной поддержке со стороны отлично работавшей 8-й воздушной армии генерал-майора Т. Т. Хрюкина остановила врага.

Время, необходимое для окончательного развертывания войск 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, было выиграно. План гитлеровского командования по освобождению войск Паулюса провалился»[7].

НАСТУПЛЕНИЕ

На рассвете 24 декабря мощный гул артиллерийской стрельбы, который мы услышали северо-западнее расположения дивизии, возвестил о начале контрнаступления советских войск против деблокирующей группировки противника.

Начали контратаки и полки 302-й дивизии. Враг ожесточенно сопротивлялся, пытаясь удержаться на занятых рубежах.

25 декабря мы подошли к реке Аксай.

Наблюдая за ходом боя, мы увидели плотные боевые порядки пехоты, выдвигавшиеся на нашем правом фланге.

— Товарищи! Вот они, наверное, гвардейцы! — радостно воскликнул майор К. Л. Лебедев.

Действительно, это оказались боевые порядки соединений 2-й гвардейской армии.

Так 25 декабря произошла встреча на реке Аксай частей 302-й дивизии с войсками 2-й гвардейской армии.

Начало нового, 1943 года оказалось удачным. Наши войска преследовали фашистов. Остатки разбитой котельниковской группировки отходили на рубеж Цымлянская, Дубовское, Сал-Адьянов и Кудинов Кут.

Преодолевая сопротивление врага, дивизия продвигалась вдоль железной дороги Сталинград — Сальск. У солдат и офицеров настроение приподнятое, боевое. Не обращая внимания на опасность, усталость, все стремятся вперед.

10 января по возвращении из штаба армии меня ожидала печальная весть: я узнал о гибели командира дивизии при взятии Зимовников.

Солдаты и офицеры горячо любили командира дивизии за смелость, простоту в обращении, за справедливость, за заботу о быте и нуждах каждого бойца.

Ефим Феодосиевич прекрасно знал военное дело. Он обладал даром предвидения, быстро разгадывал планы врага. Он призывал командиров частей и подразделений к активности, смелости, любил напоминать офицерам и бойцам: «Не бойтесь огня противника, чаще заставляйте его стрелять. Пути подвоза у фашистов далекие. Каждый выпущенный ими снаряд или мина ослабляет их боевые возможности…»

А вскоре был тяжело ранен, попав под огонь фашистских автоматчиков, майор Александр Васильевич Реутов. У него оказались перебиты обе ноги. Вышел из строя один из лучших офицеров штаба дивизии, мой талантливый помощник, храбрый и умный командир, много сделавший для дружной работы

офицеров штаба.

…В результате успешных наступательных боев вражеские войска были отброшены к реке Маныч. От окруженной в Сталинграде фашистской группировки. до внешнего кольца теперь уже было более 200 километров.

И вот наступил день 2 февраля 1943 года. Для всех нас радостный день. Было получено сообщение о полной ликвидации в Сталинграде фашистской группировки.

В частях и подразделениях прошли митинги.

В конце апреля я был назначен командиром 347-й стрелковой дивизии. Из родной дивизии я уезжал с чувством исполненного долга, с глубокой благодарностью бойцам и командирам, проявившим беспримерную стойкость и героизм в защите Сталинграда.

Литературная запись Р. М. Сельванюка

А. И. Погребная (Руденко), гвардии лейтенант в отставке |И. И. Погребной|, гвардии старший лейтенант в отставке
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

В августе 1942 года в журнале боевых действий 1087-го зенитно-артиллерийского полка малого калибра, оборонявшего военно-промышленные объекты Сталинграда, появилась запись:

«Считать погибшими в боях с фашистами личный состав 12-й батареи, стоявшей на обороне переправы у Латошинки».

Несколько позже, когда 1087-й полк уже был преобразован в 73-й гвардейский, в красноармейской газете «Тревога» под рубрикой «Боевая слава ершовцев не померкнет никогда» была напечатана небольшая заметка фронтового корреспондента под заголовком «Подвиг сорока трех». В ней, в частности, говорилось: «…С трех сторон шли на них бронированные машины со свастикой. Орудия Баскакова били прямой наводкой, останавливая танки, выводя из строя отдельные машины…» Когда кончились снаряды, артиллеристы взялись за стрелковое оружие, а затем бросились врукопашную, но силы были не равны, и «…все они полегли на берегу великой русской реки — за Сталинград, за Советскую Родину».

Высокую оценку подвигу личного состава 12-й батареи дал в своей книге «Сталинград» бывший командующий Сталинградским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко. Он также писал, что «все они пали смертью героев на берегу Волги».

Известны также две телефонограммы, переданные Баскаковым в полк, видимо, по селекторной связи железнодорожников, так как телефонная связь в то время уже была нарушена, а радиостанции на батарее не было.

В первой телефонограмме, полученной 23 августа в 15 часов, лейтенант Баскаков сообщал: «Заняли противотанковую оборону. Танки находятся в 500 метрах западнее, в лощине. Ваш приказ — не допустить немцев к Волге — выполню».

Через полтора часа командир полка подполковник Ершов получил вторую телефонограмму: «Вражеские танки в 300 метрах. Что бы ни случилось, батарея будет сражаться до последней капли крови».

Наблюдатели 4-го дивизиона соседнего 1077-го зенитно-

артиллерийского полка, огневые позиции которого находились на левом берегу Волги, сообщили, что утром 23 августа батарея Баскакова вела бой с немецкой авиацией, а со второй половины дня отбивала атаки немецких танков и пехоты, что батарею обстреливали минометным и артиллерийским огнем и что бой продолжался до вечера, а на следующий день снова вспыхнул и закончился только к обеду. На огневой позиции батареи появились немецкие танки.

Вот, пожалуй, и все, что мы знали о подвиге артиллеристов. А кто они, эти герои, каковы подробности их боя?

Как тут не вспомнить слова чешского патриота, коммуниста-интернационалиста Юлиуса Фучика:

«Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю».

Мы решили собрать более подробные сведения о героях.

Архив Министерства Обороны СССР сохранил их имена. Вот они:

Командир батареи — лейтенант Баскаков Михаил Афанасьевич.

Зам. командира — лейтенант Гриценко Иван Степанович.

Комиссар — политрук Новолетов Георгий Павлович.

Командир взвода управления — лейтенант Осадчук Аристарх Степанович.

Старшина батареи — сержант Пчелкин Николай Иосифович.

Красноармеец Баздырев Степан Пантелеевич.

Сержант Чечельницкий Петр Саввич.

Красноармеец Воробьев Петр Иванович.

Степанов Константин Иванович.

Красноармеец Лошкарев Иван Васильевич.

Маркин Павел Сергеевич.

Красноармеец Савин Николай Степанович.

Красноармеец Болотов Иван Федорович.

Красноармеец Сухов Анатолий Иванович.

Красноармеец Козлов Михаил Семенович.

Красноармеец Гранков Петр Степанович.

Красноармеец Ворошилов Иван Павлович.

Красноармеец Сорокина Ксения Семеновна.

Красноармеец Гвоздецкий Дмитрий Алексеевич.

Красноармеец Гомер Иосиф Иванович.

Красноармеец Емельянова Анна Петровна.

Красноармеец Анисимов Василий Григорьевич.

Красноармеец Бакалюк Емельян Дмитриевич.

Красноармеец Федоренко Иван Сергеевич.
Красноармеец Рябинин Иван Петрович.
Красноармеец Кононыхин Виктор Васильевич.
Красноармеец Болюба Антон Никифорович.
Красноармеец Федоров Федор Кириллович.
Красноармеец Танкевич Пантелеймон Константинович.
Красноармеец Михайлов Михаил Трофимович.
Красноармеец Носов Иосиф Ильич.
Красноармеец Ефимова Мария Семеновна.
Красноармеец Скитов Сапар.
Красноармеец Рудаков Михаил Алексеевич.
Красноармеец Хлопотина Клавдия Александровна.
Красноармеец Бакарев Сергей Васильевич.
Красноармеец Лисицын Николай Григорьевич.
Красноармеец Шведов Никифор Александрович.
Красноармеец Бурцев Василий Павлович.
Красноармеец Забалуев Иван Ананьевич.
Красноармеец Фурер Борис Александрович.
Потапов Илья Дмитриевич.

Всего значатся погибшими 42 человека, а где же сорок третий? Оказывается, санинструктор батареи Анна Исаевна Захарова 22 августа была вызвана в санчасть полка и с разрешения ее начальника майора Клеймана осталась ночевать в расположении штаба. А 23 августа немецкие танки в районе пос. Рынок вышли к Волге и перекрыли дорогу на Латошинку. Захарова осталась при санчасти полка.

Было известно, что 12-я батарея совершила свой бессмертный подвиг в неравном бою с танками, что она до последней возможности сдерживала передовой отряд 16-й танковой дивизии фашистов, нанесла им ощутимый урон в технике и живой силе, что только благодаря мужеству и героизму батарейцев немцам не удалось с ходу овладеть переправой. А это дало возможность железнодорожникам переправить через Волгу скопившиеся на причале ценные народнохозяйственные грузы и угнать паромы на левый берег.

Все это так. Но это была как бы вершина того подвига, который совершили батарейцы, как бы его заключительный аккорд, торжественно прозвучавший во славу русского оружия, героизма нашего советского человека.

Чтобы осмыслить величие подвига зенитчиков в полном его объеме, нужно хотя бы вкратце напомнить обстановку и те боевые задачи, которые были поставлены перед ними в то время.

В ходе войны в рекордно короткий срок была построена

железная дорога от ст. Владимировка к Волге и паромная переправа у пос. Латошинка, что дало возможность связать сталинградский железнодорожный узел с Рязано-Уральской железной дорогой.

Летом 1942 года, когда завязались бои на правобережье среднего течения Дона, авиация противника начала наносить удары по железнодорожным коммуникациям и особый интерес проявляла к паромной переправе у пос. Латошинка. Тогда-то командование полка и получило приказ обеспечить ее противовоздушную оборону. Полк еще не закончил формирование, и свободных сил не было. Но решение этого вопроса было найдено быстро и грамотно.

Полку предстояло формировать 12-ю батарею. Подполковник Г. И. Ершов дал указание откомандировать в нее со всех подразделений по нескольку обученных бойцов.

В считанные дни батарея была укомплектована. Командиром батареи был назначен грамотный, волевой, с хорошими организаторскими способностями лейтенант Михаил Афанасьевич Баскаков, комиссаром — политрук Георгий Павлович Новолетов. Так как с командными кадрами было трудно, Баскаков временно принял на себя командование 1-м огневым взводом, а 2-й взвод подчинил своему заместителю лейтенанту Ивану Степановичу Гриценко.

В первых числах июля 12-я батарея заняла противовоздушную оборону железнодорожной переправы. Два орудия установили на возвышенности обрывистого берега Волги в 50-100 метрах севернее причала, там же оборудовали командный пункт. Орудия 2-го взвода расположили у железнодорожного полотна.

Не успев оборудовать огневую позицию, батарейцы вступили в бой с вражеской авиацией. Орудийные дворики, окопы и щели рыли в короткие минуты затишья.

Фашистское командование понимало, что железнодорожная переправа в данном районе является главным звеном, связывающим две железные дороги, по которым идет снабжение фронта. Поэтому пыталось во что бы то ни стало уничтожить ее.

Слабое прикрытие зенитной артиллерией дальних подступов к переправе давало возможность немецким самолетам прорываться к ней. Поэтому сохранность переправы во многом зависела от действия батареи Баскакова, на вооружении которой были самые совершенные по тому времени 37-миллиметровые полуавтоматические орудия.

Налеты авиации на переправу совершались непрерывно, днем и ночью. Днем прицельный массированный огонь, а ночью шквал заградительного огня заставляли вражеских летчиков

отворачивать от переправы и сбрасывать бомбы куда попало. Паромы продолжали курсировать. Нужно отдать должное и железнодорожникам, которые в этих сложных, опасных условиях не дрогнули, трудились не покладая рук.

Даже ветераны полка, кто получал и обрабатывал донесения командира 12-й батареи, не могут ответить, сколько было налетов на переправу, сколько израсходовано снарядов, подбито самолетов. На основании архивных документов и исследований ряда авторов можно предположить, что за июль и август на железнодорожную переправу было совершено 150 налетов, в которых участвовало около 1500 самолетов. Но переправа не прекращала работы. За это время с ее помощью было перевезено через Волгу в оба конца 53 тысячи вагонов с различными воинскими грузами.

Если учесть, что ежедневно по нескольку раз, днем и ночью объявлялась воздушная тревога при пролете самолетов на другие объекты бомбометания, а после каждого налета над переправой появлялся немецкий самолет-разведчик, которого также нужно было отгонять или хотя бы заставить держаться приличной высоты, то можно представить, каким титаническим трудом, каким потом и кровью добивалась победа.

Зенитчики одновременно готовились и к противотанковой обороне. На ближних подступах к огневой позиции, по склону возвышенности рыли окопы и отдельные ячейки для метания противотанковых гранат и бутылок с горючей смесью, определяли ориентиры и секторы стрельбы по наземным целям, вырубали кустарники, мешавшие ведению огня прямой наводкой.

В начале августа налеты участились. Фашисты настойчиво стремились разрушить переправу. Командир полка, опасаясь, что это может случиться во время движения парома, приказал Баскакову оборудовать площадки для орудий непосредственно на нем.

Выделив часть бойцов из взвода управления, Баскаков вместе с железнодорожниками приступил к выполнению приказа. К 22 августа были подготовлены площадки для установки 4 орудий, осталось оборудовать в трюмах кабины для личного состава, и тогда батарея могла перейти на паром. Но события назревали так стремительно, что зенитчикам пришлось принять бой с танками на своей старой огневой позиции.

К этому времени войска противовоздушной обороны страны накопили немалый опыт борьбы с танками. Подполковник Г. И. Ершов — участник боев за Москву, где в трудные дни 1941 года на противотанковую оборону было выставлено 50 процентов зенитной артиллерии. Он понимал, что если немцам удастся

прорваться к Сталинграду, то и здесь зенитчикам придется отражать танковые атаки. Поэтому командир полка много внимания уделял подготовке личного состава к ведению огня по наземным целям, в частности по танкам. Особую заботу в этом отношении он проявил о 12-й батарее, стоявшей на отшибе в 16 километрах от командного пункта дивизиона. Эта забота, как покажут дальнейшие события, оправдалась.

…Сосредоточив большие силы на Дону в районе хутора Вертячий, гитлеровцы 22 августа на стыке двух наших армий захватили плацдарм на левом берегу Дона и рано утром 23 августа, прорвав фронт, бросили на Сталинград усиленный 14-й танковый корпус, который поддерживался с воздуха 8-м авиационным корпусом.

…Наступила ночь, первая ночь, когда над переправой не появился ни один самолет; казалось, все спокойно. Но неспокоен был комбат.

Выставив усиленный караул, Баскаков и комиссар Новолетов обошли орудийные расчеты, поговорили с каждым бойцом и командиром, предупредили их о возможных тяжелых боях, о постоянной готовности и бдительности.

Рано утром 23 августа над батареей появились немецкие штурмовики и пикирующие бомбардировщики. Это были самолеты 8-го авиационного корпуса. Они расчищали путь 14-му танковому корпусу немцев на Сталинград.

Самолеты начали штурмовать батарею, разгорелся жестокий бой. А после воздушных налетов зенитчикам пришлось отражать яростные танковые атаки фашистов.

Вот что говорится об этом в книге А. Д. Колесника:

«Защищая подступы к тракторному заводу, совершили свой бессмертный подвиг зенитчики батареи, которой командовал М. А. Баскаков. За один день боя, в течение 23 августа, они подбили 11 немецких танков. Бойцы и командиры батареи погибли в неравном бою с врагом, но не отступили ни на один шаг.

Только за два дня боев зенитчики 1077-го и 1087-го полков, отражая массированные танковые атаки противника, уничтожили 43 танка. Фашистские танки не раз прорывались на огневые позиции зенитчиков. Расчеты гибли под гусеницами, сражаясь до последнего вздоха»[8].

Но все это общие слова. А как узнать подробности об этом бое, о героях, которые вели его? Не остался ли кто из них в живых?

В результате длительных поисков, спустя десятки лет после окончания войны, установлено, что из 42 батарейцев в живых осталось 5: заряжающий П. И. Воробьев, наводчик В. П. Бурцев,

разведчик М. С. Ефимова, телефонист К. А. Хлопотина и связист И. А. Забалуев.

Естественно, многое забыто ветеранами, трудно вспомнить фамилии боевых друзей, отдельные эпизоды. И все же из их рассказов довольно полно вырисовывается картина жестокого боя.

…Утром 23 августа первым появился самолет-разведчик — «рама», а вслед за ним показались «Мессершмитты-110» и «Юнкерсы-87».

Батарея изготовилась к бою. На этот раз самолеты противника начали штурмовать не переправу, а огневую позицию батареи. Однако удачное размещение взводов, удаленных друг от друга на 150 метров — один на возвышенности, другой внизу, в лощине, — давало возможность орудийным расчетам своим огнем прикрывать друг друга.

При первой же атаке зенитчики сбили один «мессершмитт», который в километре от батареи рухнул на землю и взорвался на своих же бомбах. Но гитлеровцы не унимались. «Юнкерсы» построили «карусель» и беспрерывно пикировали. Под ураганным огнем зениток они отворачивали, и бомбы не достигали цели. Вот сбит еще один самолет, второй… На батарею сыпалась лавина пулеметно-пушечного огня, орудия окутало клубами пыли и дыма. И все же баскаковцы выиграли этот бой.

— Наши зенитки, — вспоминала М. С. Ефимова, — сбили четыре самолета, но и сами мы пострадали крепко. 1-й расчет больше чем наполовину вышел из строя, здесь заклинило пушку. В других расчетах тоже были раненые.

Изрядно уменьшился запас снарядов, а сообщить об этом в дивизион не было возможности — телефонная связь прервана.

Своего постоянного связного Баскаков направляет на пополнение орудийного расчета. А разведчице комсомолке М. С. Ефимовой приказывает любыми путями добраться на командный пункт дивизиона, передать донесение и устную просьбу — срочно прислать орудийного мастера и боеприпасы, особенно бронебойные снаряды. Ефимова ушла к поселку на дорогу, чтобы попутным транспортом добраться до командного пункта дивизиона, находившегося у тракторного завода, на площади имени Дзержинского.

А бойцы батареи принялись приводить в порядок материальную часть и огневую позицию, поправлять разрушенные окопы и орудийные дворики. Несмотря на потери, Баскаков был доволен исходом боя. Радовало его то, что никто из бойцов не дрогнул, даже раненые не оставили своих боевых постов.

А события в этот день развивались стремительно. Немецкие

танковые дивизии двигались на восток, к северной окраине Сталинграда. Примерно в 12 часов по фашистским танкам открыла огонь 4-я батарея 1077-го зенитно-артиллерийского полка, стоявшая западнее пос. Рынок у Орловки, а затем 5-я и 6-я батареи этого полка. Тогда же вступил в бой и 282-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД, занимавший оборону восточнее Орловки.

Баскаков знал, что в районе поселка Латошинка никаких воинских частей нет, надеяться на пехотное прикрытие не приходится, и надо рассчитывать только на собственные силы.

Связная Ефимова обратно на батарею не вернулась. Добралась ли она в дивизион, Баскаков не знал. Орудийный мастер не приехал, не привезли и боеприпасы.

Баскаков принимает смелое и рискованное, но единственно правильное в той обстановке решение.

У орудий он оставляет всего по два человека — наводчика и заряжающего, а из освободившихся бойцов и младших командиров создает две группы прикрытия, которые возглавили политрук Новолетов и старшина батареи Пчелкин.

Наводчики переводятся в подносчики снарядов, а командный состав батареи занимает места наводчиков. Лейтенанты Гриценко и Осадчук становятся наводчиками в 3-м и 4-м расчетах, сам Баскаков — во 2-м.

Таким образом, была решена двойная задача. Во-первых, обеспечивалось, хотя и слабое, но все же прикрытие орудий от вражеской пехоты. Во-вторых, небольшой запас снарядов обязывал артиллеристов вести огонь без промаха, а эту задачу могли решить лучше других опытные командиры.

…Около трех часов понадобилось гитлеровцам, чтобы всей силой 16-й танковой и 3-й моторизованной дивизий подавить огонь зенитных батарей среднего калибра и сломить сопротивление 282-го стрелкового полка. И лишь потом одна танковая колонна, прорвавшись в районе поселка Рынок к Волге, повернула на север и на большой скорости, не открывая огня, устремилась к переправе.

Подпустив фашистов на 500–600 метров, зенитчики с первых же выстрелов подожгли два бронетранспортера, с которых, как горох, посыпалась пехота. Батарейцы из группы прикрытия, находившиеся в окопах на склоне возвышенности, открыли по ней ружейно-пулеметный огонь.

После артиллерийского и минометного обстрела со стороны противника показались до десятка танков. Прижимаясь к ним, бежали пехотинцы. Бойцы Новолетова открыли огонь по пехоте, а орудия — редкими одиночными выстрелами — по танкам.

Остановился один, затем другой танк. Но остальные продолжали напирать. Когда вспыхнуло еще две машины, остальные повернули назад. Оставшись без танков, пехота залегла, ведя беспорядочный огонь из автоматов, который почти никакого вреда зенитчикам не причинял. Зато гитлеровцы оказались в невыгодном положении. Из своих окопов сверху батарейцы видели немцев, как на ладони, и спокойно расстреливали их. Не выдержав губительного огня, гитлеровцы бросились бежать вслед за танками.

Наступило затишье. Но недолгим было оно. Подтянув полевую артиллерию и шестиствольные минометы, фашисты открыли шквальный огонь по переправе, огневой позиции батареи и окопам группы прикрытия. Затем послышался шум моторов — танки пошли в атаку.

На этот раз открыли огонь только два орудия — Баскакова и Гриценко. Орудийный расчет лейтенанта Осадчука от прямого попадания мины погиб. Орудие было разбито.

Но и эта атака захлебнулась. Враг, потеряв еще четыре танка, откатился назад. Однако и зенитчики понесли большие потери. Вышло из строя еще одно орудие, которым командовал лейтенант Гриценко. Многие бойцы были убиты или получили ранения. Сам Баскаков был ранен в голову, но, перевязав рану, продолжал оставаться в строю.

Осталось всего одно орудие Баскакова и несколько бойцов из группы прикрытия. Создалась критическая обстановка. Солнце близилось к закату, и если немцы ринутся снова, отбиваться нечем — в ящиках всего пять снарядов.

Но фашисты, потеряв одиннадцать бронированных машин и несколько десятков убитых, не торопились наступать.

Подошла ночь. Артиллерийский обстрел прекратился. Железнодорожного парома у причала уже не было, его угнали с последними вагонами на левый берег Волги. Над Сталинградом пылало громадное зарево.

Страшной была эта ночь для оставшейся горстки батарейцев. Раненые перевязывали друг друга, никто не спал. Все понимали, что это их последняя ночь, что утром наступит развязка. Но даже в этой критической обстановке никто не смалодушничал. Твердо решили биться до последней нашей возможности, до последнего дыхания.

Утром, с восходом солнца, на батарею обрушилась лавина минометного и артиллерийского огня. Затем пошли танки и пехота. По пехоте открыли редкий огонь оставшиеся в живых зенитчики из группы прикрытия. Но для орудия танки были недосягаемыми — они шли по лощине.

Наблюдая за боем, Баскаков понял, что от причала танки сразу же повернут на север, взберутся на высоту, раздавят его последнее орудие. Тогда он вместе с заряжающим Воробьевым и подносчиком снарядов Бурцевым поставил орудие на колеса, выкатил его из дворика к самому краю высоты, откуда вся лощина видна, как на ладони, а вражеские танки, как будто по заказу, подставили свои бока под выстрелы. И прямо с колес открыли огонь.

«Стрелять было очень трудно, — вспоминал Воробьев, — после каждого выстрела зенитка подпрыгивала так, что на ней невозможно было удержаться».

После первых же выстрелов два танка были подбиты, остальные развернулись и с расстояния 100–150 метров расстреляли орудие Баскакова. Прямым попаданием снаряда оторвало ствол, сидевший в кресле наводчика Баскаков был смертельно ранен. Воробьеву перебило голень правой ноги и раздробило коленный сустав. А Бурцев, укрывшийся во время обстрела в щели, был сильно контужен и тут же потерял сознание.

Бой закончился. Это было около 10 часов утра 24 августа. Последнее орудие замолкло, молчали и окопы. Стрелять было некому и нечем. Со стороны причала на высоту ползли два танка, а за ними мотоциклисты. Из лощины, забросав уже молчавшие окопы группы прикрытия гранатами и беспрерывно паля из автоматов, поднимались на высоту пехотинцы.

Несколько человек столпились возле окровавленного, но еще живого красноармейца, лежавшего вниз лицом за бруствером.

Гогоча и пиная носками ботинок, они пытались заставить его подняться. Это был красноармеец Виктор Васильевич Кононыхин. Он зашевелился, начал подниматься, и вдруг раздался взрыв. Последней гранатой, которую он прикрывал своим телом, коммунист Кононыхин взорвал себя и окруживших его гитлеровцев.

В одном из окопов фашисты обнаружили тяжелораненого, потерявшего сознание политрука Новолетова и, догадавшись по нарукавным пятиконечным звездам на гимнастерке, что это комиссар, потащили его к офицеру. Тот приказал тащить его на высокий обрыв. Два здоровенных гитлеровца с засученными рукавами, щелкнув каблуками, весело заулыбались и, подхватив Новолетова под руки, потащили к обрыву, намереваясь ради потехи сбросить его, еще живого, с 30-метровой высоты на песчаный берег.

Осуществить свои намерения фашистам не удалось. Очнувшись от полуобморочного состояния, Новолетов,

изловчившись, (откуда только берутся силы) сильным ударом сбил с ног одного фашиста. Второй отскочил от Новолетова и, выхватив из чехла гранату с длинной деревянной ручкой (без взрывателя), ударил комиссара по голове. Его труп сбросили с обрыва.

Дорогой ценой заплатили фашисты за гибель батареи. Они потеряли 11 танков, 2 бронетранспортера и 4 самолета. На волжских берегах нашли могилу несколько десятков их солдат.

Но главное, сражаясь насмерть, батарейцы отстояли переправу и вместе с зенитчиками 1077-го полка значительно ослабили ударную мощь танкового тарана врага и почти на сутки задержали его, не дали с ходу ворваться в город.

Вот подробности того легендарного боя батарейцев, которые стали известны благодаря рассказам оставшихся зенитчиков…

Каким образом они, числившиеся в списках погибших, остались в живых?

Ранее говорилось о том, что 23 августа Баскаков направил в Сталинград с донесением разведчицу Ефимову.

Пешком и на попутных машинах Ефимова добралась до командного пункта и передала командиру 3-го дивизиона капитану Юзюк донесение и устную просьбу Баскакова. Через 20 минут вместе с орудийным мастером они уже ехали на грузовой автомашине в Латошинку, на батарею. Боеприпасы Юзюк обещал отправить вслед за ними, как только вернется со склада боепитания другая машина.

У моста через Сухую Мечетку их машину остановил командир 282-го стрелкового полка, который сообщил, что немцы вышли к берегу Волги в районе Рынка и дальше ехать нельзя.

Посадив в машину тяжелораненых, он приказал орудийному мастеру вернуться в Сталинград.

У моста в это время скопилось много раненых, перевязывать которых было некому. Поэтому командир полка приказал Ефимовой заняться этим. До конца дня разведчица оказывала помощь раненым. Вечером вместе с пехотинцами она отошла в пос. Спартановку, а на следующий день была отпущена и вернулась в дивизион. Здесь она и служила до конца войны.

Мария Семеновна Ефимова-Тарасова, бывшая комсомолка, ныне мать пятерых детей, в настоящее время живет в Волгограде.

Клавдия Хлопотина — миловидная, беленькая девушка-комсомолка, певунья. В армию была призвана в мае 1942 года Мелеузским райвоенкоматом Башкирской АССР. На батарее была телефонисткой. Когда после боя с авиацией прервалась связь, Баскаков приказал Хлопотиной в ожидании связи ни на минуту не отлучаться от телефона. Выполняя этот приказ, она сидела в

землянке возле телефона, периодически повторяя позывные дивизиона, но связи не было. Во время боя батареи с танками, когда все кругом гудело, рвалось, когда земля дрожала, с потолка на голову и за шею сыпался песок, сидеть в полумраке одной было невыносимо страшно. Клавдия взяла телефон, вышла с ним под открытое небо и устроилась в узеньком окопчике-щели, вырытой под деревом, рядом с землянкой.

Отсюда было видно бойцов и командиров, которые вели бой. В короткие минуты затишья она докладывала Баскакову, что связи нет, но он повторял одно и то же — от телефона не отходить. Так она сидела у него до тех пор, пока орудия не перестали стрелять.

Мимо нее пробежал солдат-пехотинец и, крикнув: «Танки», прыгнул в овраг, поросший по краям густым кустарником. Хлопотина поднялась и увидела, что на огневую позицию зенитчиков вползает фашистский танк. Не раздумывая, она прыгнула вслед за солдатом и по крутому склону скатилась на дно оврага.

«Здесь, — пишет Хлопотина, — мы просидели до ночи, а потом дня три или четыре пробирались по оврагам к своим. Нас уже было человек шесть или семь, только не зенитчики. Вскоре наткнулись на своих, что работали на оборонительных сооружениях. Здесь создавались какие-то группы и отряды, и я попала к пехотинцам».

Вышла Хлопотина из окружения с группой солдат-пехотинцев в районе Ерзовки и продолжала служить в 625-м стрелковом полку, вначале телефонисткой, затем писарем строевой части.

С боями прошла Украину, была под Выборгом и под Кенигсбергом. В середине мая 1945 года полк был переброшен на Дальний Восток и участвовал в разгроме Квантунской армии.

Клавдия Александровна Хлопотина-Зеткина живет в г. Днепропетровске.

Много пришлось испытать и пережить оставшимся в живых Воробьеву, Бурцеву и Забалуеву. Раненых Воробьева, Забалуева, Гранкова и контуженного Бурцева фашисты захватили в плен и отправили в тыл. Бурцев, поправившись, бежал из лагеря военнопленных, присоединился к партизанам, а затем попал в армейскую часть, в которой продолжал сражаться с врагом. После войны восстанавливал шахты Донбасса, строил Волго-Донской канал. Сейчас Василий Павлович Бурцев живет в Енотаевском районе Астраханской области.

Красноармейцы Воробьев, Забалуев и Гранков попали в лагерь смерти, находившийся в станице Чернышевской Ростовской области. С первых же дней они начали готовиться к

побегу. Разрабатывали и обсуждали различные варианты, осуществление которых срывали незажившие раны. Совместный план побега так и не удалось осуществить. Затянулись раны на ноге у Забалуева, и его перевели в другой лагерь. Когда срослась кость на ноге у Воробьева, он, опасаясь, что его могут перевести в другой лагерь, бежал. Но его поймали. Во второй раз побег удался.

Передвигаясь от одного населенного пункта к другому, Воробьев находил убежище у добрых, отзывчивых советских людей. Потом он попадает в госпиталь. Неправильно сросшаяся кость ноги помешала ему снова стать в строй.

Возвратившись домой в дер. Андреевку Ленинского района Московской области, Петр Иванович Воробьев работал в колхозе, сейчас он пенсионер.

Оставшемуся в Чернышевском «лагере смерти» Гранкову не пришлось дожить до Победы. Как только раны зажили, он вместе с группой военнопленных бежит из лагеря. Но вновь попадает в руки фашистов. Обреченных на казнь погнали к траншее. Окровавленный, избитый до неузнаваемости, впереди шел Гранков. И тут он увидел среди военнопленных, согнанных на казнь, земляка из подмосковной деревни Перервинской А. И. Королева. Подавшись вперед, крикнул ему: «Передай жене, что меня расстреляли фашисты, пусть она расскажет об этом моему сыну, когда он вырастет, чтобы он знал, как его отец защищал Родину».

Алексей Иванович Королев живет ныне в Москве. Он не забыл передать предсмертный наказ отца сыну.

Иван Ананьевич Забалуев после перевода в другой лагерь тяжело заболел. Сказались издевательства гитлеровцев, голод и холод. Когда наши войска 22 ноября 1942 года освободили военнопленных, Забалуев был на грани смерти.

Более четырех месяцев лечился в госпиталях Иван Ананьевич. С апреля 1943 года он снова на фронте, прошел с боями от Курска до Берлина, участвовал в освобождении Праги. Живет Забалуев в Ветлужском районе Горьковской области.

…Но продолжим рассказ о зенитчиках 12-й батареи.

Ее командир Михаил Баскаков был комсомольцем. Ему был всего 21 год. Родом он с Иртыша. С детских лет Михаил мечтал стать командиром Красной Армии, много читал военной литературы, увлекался математикой, занимался спортом, готовил себя к трудной военной службе. Не ожидая окончания средней школы, он посылает заявление в Томское артиллерийское училище. В 1941 году заканчивает его.

В начале войны Баскаков получает направление в войска

противовоздушной обороны Москвы. Командуя взводом, а затем батареей, получает боевое крещение, приобретает опыт боя с авиацией противника. Когда нависла фашистская угроза над Сталинградом, молодого командира направляют сюда. Его назначают командиром 1-й батареи. А когда понадобилось подобрать грамотного, волевого командира 12-й батареи, которая находилась на большом удалении от полка, подполковник Ершов остановился на кандидатуре Баскакова.

Политрук Георгий Новолетов хорошо дополнял Баскакова, помогал ему цементировать личный состав батареи в единый, крепко спаянный коллектив.

Опираясь на коммунистов и комсомольцев, на воинов, уже побывавших в боях, Новолетов проводил целенаправленную партийно-политическую и воспитательную работу среди батарейцев, основной смысл которой сводился к выполнению требования приказа «Ни шагу назад!».

Политрук всегда был среди бойцов. Воспитательная работа велась в орудийных расчетах, в отделениях и с каждым воином в отдельности. Хорошими помощниками Новолетову в этом были агитаторы.

Одним из таких агитаторов был коммунист Виктор Кононыхин, уроженец Якутской АССР. Имея среднее образование, высокоэрудированный и начитанный, Виктор Васильевич уже в тридцатых годах становится проводником советской культуры на селе, работая заведующим избой-читальней, затем занимая различные хозяйственные должности.

Отец Виктора Васильевича — Василий Васильевич — большевик с дореволюционным стажем, активный участник боев за становление Советской власти в Якутии. В годы гражданской войны был схвачен белобандитами и зверски казнен.

Мать Кононыхина — Александра Георгиевна Аверинская — из семьи политических ссыльных, по профессии учительница, привила своему сыну беспредельную любовь к Родине и лютую ненависть к врагам Отчизны.

Уходя на фронт защищать то, за что отдал свою жизнь отец, Кононыхин оставил дома жену и троих детей.

Старшая дочь Виктора Васильевича — Альбина Викторовна Слатенюк пишет:

«…Отец не вернулся. Проклятая эта война, он был бы сейчас дедом двенадцати внучат. Может быть, мне и не придется побывать в тех местах, где погиб мой отец, но из восьми моих детей кто-нибудь побывает там».

…Многое рассказывал батарейцам агитатор Иван Федорович Болотов, участвовавший в кровопролитных боях на Украине,

испытавший артиллерийские обстрелы и бомбежку, атаки танков и пьяных вражеских автоматчиков.

Болотов до войны работал бухгалтером колхоза «Труд Крестьянина» в селе Чухонастовка Камышинского района Сталинградской области. В армию его призвали в 1941 году, и до весны 1942 года он служил рядовым в 1127-м стрелковом полку.

В мае 1942 года семью Ивана Федоровича постигло тяжелое горе — она получила извещение-похоронку на мужа и отца…

Из писем Болотовы знали, что Иван Федорович служил в пехоте и воевал где-то на Украине, поэтому до 1976 года считали, что там он и погиб. Но не погиб тогда Иван Федорович. Этот мужественный воин познал до конца все ужасы войны, а в одном из боев за несколько минут его густые, темно-каштановые волосы тронула белая накипь седины.

А было это так. При попытке вырваться из окружения во время очередной атаки фашистских позиций наши пехотинцы внезапно были атакованы с фланга вражескими танками, которые ворвались в их боевой порядок и сорвали атаку. Многие погибли в этом бою под гусеницами бронированных машин. Такая же участь была уготована и Ивану Федоровичу. Но…

Когда Болотов увидел, что на него надвигается танк, он подумал, что ему уже не увернуться, и в самую последнюю секунду повернулся лицом к нему и бросился на землю между гусеницами, под днище. Танк проскочил дальше, а на сырой родной земле с ее весенними запахами лежал солдат Иван Болотов с разорванным бушлатом на спине, с многочисленными ссадинами, ушибами и с седой головой.

Тогда он, вероятно, впервые в жизни посетовал на свое богатырское телосложение. Выше среднего роста, косая сажень в плечах, Иван Федорович не уместился между днищем и землей.

Долго лежал он, веря и не веря в то, что остался жив, боялся даже пошевелиться. Где-то вдали слышался гул танков, отзвуки удаляющегося боя, а он все лежал. Проверил руки — целы, ноги — тоже. Поднимаясь, почувствовал саднящую боль в спине. Превозмогая ее, встал и тихо побрел в сторону видневшегося вдали темного леса. К лесу добрался уже на закате солнца. На опушке его встретили советские солдаты. Санинструктор промыл ему раны, оказал первую помощь и отправил в медсанбат.

Оказалось, что в глубине леса находилась часть группировки наших войск, попавших в окружение, которую возглавлял член Военного совета Юго-Западного фронта дивизионный комиссар К. А. Гуров (позже, в Сталинграде, К. А. Гуров был членом Военного совета 62-й армии). Под его руководством эти войска с боями вырвались из окружения. Болотов попал в госпиталь. После

выздоровления с маршевой ротой прибыл в зенитно-артиллерийский полк…

23 августа 1942 года Болотов, находясь в группе прикрытия старшины батареи сержанта Н. И. Пчелкина, занимает окопы на подступах к огневой позиции 2-го взвода. Как опытному пехотинцу, командир вручает ему ручной пулемет. Метким огнем своего «Дегтярева» Болотов отражает атаки вражеской пехоты, отсекает ее от танков, заставляет прижиматься к земле. Во время очередного артиллерийского обстрела воин был убит осколками мины, разорвавшейся на бруствере его окопа.

Родственники Ивана Федоровича, проживающие в Волгограде и области, теперь знают, когда и где он погиб.

…Почти у порога отчего дома погиб самый юный солдат батареи комсомолец Иван Лошкарев, которому едва исполнилось 19 лет.

Переписка Лошкарева с родными свидетельствует о его настрое, о боевом духе всех батарейцев. Когда его мать Пелагея Ивановна написала сыну, что собирается навестить его, Иван в ответном письме просит ее не приезжать, потому что у него нет времени на свидание, так как «…мы сейчас стоим на обороне переправы через Волгу, бьем врага день и ночь».

Пелагея Ивановна, как и любая мать, спрашивала, не голоден ли сын и что ему привезти, а также высказывала тревогу о том, что фашисты уже близко…

Успокаивая родителей, Кошкарев пишет: «…Нас обеспечивают хорошо, хлеба и курева вдоволь. Обо мне, дорогие родители, не беспокойтесь, мне ничего не надо. А Сталинград мы не отдадим врагу, будем биться до последней капли крови».

О том, как формировался характер Ивана, как он рос и мужал, преодолевал трудности и стремился стать достойным гражданином страны Великого Октября, рассказала его мать.

Ваня во время летних каникул не мог сидеть без дела: то управлялся по хозяйству, то ловил капканами на колхозных полях сусликов. А вечерами, при керосиновой лампе, много читал. Никогда не бахвалился, был очень скромен.

С детских лет Лошкареву полюбилась профессия учителя. Когда его, еще первоклассника, спрашивали взрослые, кем он хочет быть, когда вырастет, Ваня неизменно отвечал: «Учителем». С этой мечтой он не расставался всю свою короткую жизнь. Окончив 7 классов, Лошкарев объявил дома, что послал документы для поступления в Руднянский педагогический техникум.

Уже в те годы Лошкарев стремился к самоутверждению своей личности, не любил опеки и какого бы то ни было

покровительства.

Когда поступил вызов в техникум, Лошкарев уехал в Рудню, не разрешив родителям даже проводить его. Из двухсот кандидатов приняли сорок, в том числе и Ивана.

Война прервала учебу в техникуме. Ушли на фронт старшекурсники и преподаватели, Лошкарев вернулся домой. Пытался попасть на фронт, но в военкомате отказали: ему не было еще 18 лет.

За три месяца до боев в Сталинграде по заданию командования обком комсомола отобрал 7000 комсомольцев и направил их на службу в войска Сталинградского корпуса ПВО. Среди них был и Иван Лошкарев.

…У Латошинской переправы погиб красноармеец Емельян Бакалюк.

После долгих поисков удалось разыскать его жену и детей, из рассказов которых, а также из сохранившихся в семье документов можно проследить его жизненный путь. А жизнь его сложилась так, что он всегда находился на самых передовых позициях в борьбе за становление Советской власти.

Старшая дочь Бакалюка — Антонина Емельяновна Плохих — вспоминает:

— Накануне войны, в апреле 1941 года, отец приезжал ко мне в село, где я тогда работала. Переночевал у меня, а уезжая, наказывал, чтобы я вела себя хорошо, слушалась старших. Потом сказал: «Время сейчас тревожное. Прощай, дочка, увидимся еще или нет?» Мне тогда, молодой еще, невдомек было, о чем он говорит. А он, видимо, уже хорошо сознавал, что надвигается гроза. Таким он и остался в моей памяти.

Да, жизненный опыт у Бакалюка был большой. Еще в 1916 году он был мобилизован и направлен на фронт первой мировой войны. Домой Бакалюк возвратился уже после революции, в 1918 году. И пошел работать на самый трудный участок: на восстановление железнодорожного транспорта.

…1929 год. На Украине идет коллективизация, и Бакалюк одним из первых вступает в колхоз.

…1939 год. Разгорается пламя второй мировой войны. Советское правительство принимает решение укрепить свои западные границы, идет строительство укрепрайонов, для чего производится набор рабочей силы в колхозах. И снова одним из первых Емельян откликается на этот призыв и едет на строительство линии связи Черноморского военного флота.

В начале Великой Отечественной войны по возрасту в армию призван не был. Правление поручило ему эвакуацию колхозных лошадей в тыл страны.

«Отец, — пишет далее Антонина Емельяновна, — ушел с табуном лошадей на восток в июле 1941 года. В помощь ему дали напарника. Когда после войны я приехала к маме, я встретилась с ним. Вот что он рассказал: „В конце 1941 года лошадей у нас забрали для Красной Армии, и я сказал Емельяну: мы же с тобой не солдаты, вернемся к семьям. Но Емельян не согласился: а кто же будет воевать, если все так будут делать? И ушел с красноармейцами, которые уводили лошадей“».

Ушел Бакалюк в армию, ушла с отступающими войсками его старшая дочь — медик Антонина. А на оккупированной врагом территории осталась жена Емельяна Дмитриевича — Анастасия Федоровна с пятью детьми. Трудно, очень трудно было ей. Годы оккупации, голод и холод, бесчинства и грабежи фашистов. Детей не только нужно было растить, но и прятать их от злых глаз захватчиков, чтобы не наглумились или не угнали в рабство.

Анастасия Федоровна в этих трудных условиях сумела воспитать детей. Теперь у нее полтора десятка внуков, правнуков.

Долгое время не удавалось разыскать родных или близких красноармейца Антона Болюбы. Это было до тех пор, пока наш запрос не попал в руки юных следопытов — школьников села, где проходил службу Болюба. Они выяснили, что в 1938 году житель села Коваль вместе со своими земляками Брудницким и Болюбой были призваны из запаса и направлены на службу в 14-й батальон ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь), посты которого располагались на границе с бывшей Бессарабией. Один из постов был в их селе. Здесь и несли службу Коваль, Будницкий и Болюба.

22 июля на рассвете они одними из первых сообщили на командный пункт батальона о появлении вражеских самолетов. С батальоном ВНОС три товарища отступали до Волги. А тут их определили в зенитчики.

О гибели Болюбы Коваль узнал от командира полка Г. И. Ершова, который рассказал о подвиге воинов 12-й батареи.

…Антон Болюба был работящим человеком. Он пахал, сеял, убирал хлеб, был каменотесом и ездовым. Жена его, Эсфирь, трудилась здесь же, в колхозе.

Летом 1942 года, когда Антон сражался с врагом на берегах Волги, в его село Баговица нагрянули гестаповцы. Они схватили Эсфирь и ее отца прямо на поле, где они работали, привязали их веревками к телеге. А после пыток расстреляли их.

Мать Болюбы умерла в 1943 году. Погибли на фронте три брата, а четвертый, возвратившийся домой после ранения, тоже вскоре умер. Умерли и сестры. В общем, из большой семьи

Болюбов остались лишь племянники.

…Небольшую группу прикрытия 2-го огневого взвода возглавлял, как мы уже говорили, старшина батареи сержант Николай Пчелкин.

Фашистская пехота так и не смогла пробиться к орудиям, из которых вели огонь по танкам лейтенанты Гриценко и Осадчук. Только орудийным и минометным огнем фашистам удалось уничтожить орудия и орудийные расчеты 2-го взвода. Погибла и группа прикрытия.

Николай Пчелкин родился в 1912 году в Калининской области. С детских лет он унаследовал любовь к земле, к нелегкому сельскому труду. В первые годы коллективизации, когда наша промышленность начала поставлять технику для деревни, Пчелкин садится за трактор. Был бригадиром тракторной бригады, отличался редким трудолюбием, ежегодно получал грамоты.

Среднего роста, большие светлые глаза, черные курчавые волосы — таков Пчелкин внешне. Был он спокойный, уравновешенный, никогда не повышал голоса ни на работе, ни дома.

…Аристарх Осадчук прибыл в полк в 1942 году. Молодому офицеру, комсомольцу, которому было всего 18 лет, поручили командовать взводом. Среди его подчиненных были и его сверстники, и убеленные сединой, были и обстрелянные бойцы, и еще не нюхавшие пороха. Но всех их объединяла безграничная любовь к Родине и жгучая ненависть к врагу. Это и было истоком их мужества.

Осадчук не готовился быть военным, тем более офицером. Он был влюблен в технику и мечтал стать инженером-кораблестроителем. Еще мальчишкой Аристарх любил мастерить. Его руки были всегда в ссадинах и рубцах от порезов. Вначале он смастерил деревянный велосипед, затем, насобирав различных увеличительных линз, сделал фотоаппарат, сконструировал примитивный радиоприемник.

В 1940 году юноша с отличием закончил 10 классов и сразу же поехал в г. Николаев, где успешно сдал вступительные экзамены в судостроительный институт.

Но грянула война. Над Отчизной нависла смертельная опасность. Осадчук просится на фронт, но ему разъясняют, что Красной Армии нужны командные кадры. И он дает согласие пойти в военное училище.

И вот Сталинград. 12-я зенитная батарея. Смертельный бой с лютым врагом…

Сестра Аристарха — Галина Степановна пишет: «Аристарх

хорошо рисовал с детства. Теперь его дело продолжает мой сын Борис, который учится в Ленинградской художественной академии. А младший сын Саша, который сейчас служит в рядах Советской Армии, будет продолжать начатое Аристархом дело по линии техники. Скоро он демобилизуется и поедет поступать в Николаевский судостроительный институт, в тот самый, где до войны учился его дядя Аристарх. Так что мой брат не умер, он живет в моих сыновьях, в сыновьях тысяч матерей…»

Вот она, преемственность поколений. Именно любовь к своей земле, к дому, к родным и близким, к Родине придавала Аристарху и его боевым друзьям мужество и храбрость в борьбе с врагом.

О том, как воспринимает наша молодежь подвиги своих отцов в минувшей войне, можно видеть из переписки сестры Аристарха со своим сыном. Вот что пишет он:

«Я не видел войны и никогда ничего подобного не чувствовал, что почувствовал сегодня, прочитав твое письмо о моем дяде. Письмо также прочитали мои товарищи по комнате в общежитии. Все вспомнили своих родных, кто не вернулся с войны. Наши чувства на бумаге описать нельзя. Сейчас один парень Саша играет на гитаре и поет так тихо и так трогательно. Поверьте, мама, слезы на наших глазах. И как бы там ни было, дядя Ареся и его боевые друзья живут среди нас, они с нами. Такие люди не умирают»…

Мы рассказали более или менее подробно о нескольких зенитчиках-коммунистах, комсомольцах. В числе погибших были и еще комсомольцы — Анна Емельянова, Ксения Сорокина и другие. Они сражались вместе с мужчинами и погибли героями.

И пусть этот наш рассказ послужит нынешним юношам и девушкам примером того, как крепко надо любить родную Отчизну, которая вскормила, вспоила и вырастила нас, предоставила нам все для плодотворного труда и счастливой жизни.

notes

Примечания

1

2-е издание, дополненное, исправленное.

2

ЦАМО СССР, ф. 345, оп. 5487, д. 4, л. 59. 187

3

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1976, с. 205.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969, с. 429.

5

Еременко А. И. Разгром группировки Гота— Манштейна. — В кн.: Сталинград: уроки истории. М.: Прогресс, 1976, с. 169.

Василевский А. М. Победа, не меркнущая в веках. — В кн.: Жизнь в огне. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1968, с. 63.

Василевский А. М. Победа, не меркнущая в веках, с. 72.

Колесник А. Д. О тех, кто защищал Сталинград. М.: Знание, 1973, с. 28.